

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 2 • 2014 • АПРЕЛЬ – ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Зинченко Ю. П., Евдокимов В. И., Рыбников В. Ю. Анализ отечественных и зарубежных диссертаций в сфере медицинской (клинической) психологии (1990–2011)	3
<i>Эмпирические исследования</i>	
Кузнецова А. С., Лузянина М. С. Психологические проблемы планирования и организации отдыха: проактивный и реактивный подходы	16
Матюшкина А. А., Жуковская Е. К. Условия актуализации интуиции в творческом решении	31
Нуркова В. В., Бодунов Е. А. Автобиографическая память как ресурс преодоления внутриличностного конфликта при алкоголизме	46
Корнеев А. А., Курганский А. В. Преобразование порядка движений в серии, заданной зрительным образцом	61
Абрамова А. А., Кузнецова С. О., Ениколопов С. Н., Разумова А. В. Специфика проявлений агрессивности у больных с депрессией разной нозологической принадлежности, степени тяжести и длительности	75
<i>Обзорно-аналитические исследования</i>	
Войскунский А. Е. Социальная перцепция в социальных сетях. . .	90
<i>Психология — практике</i>	
Шаболтас А. В. Программа превенции ВИЧ-инфекции на уровне сообществ с привлечением лидеров общественного мнения. . .	105
<i>Краткие сообщения</i>	
Нагорская И. А. Нарушения памяти у детей и подростков с фармакорезистентной симптоматической фокальной эпилепсией. . . .	119
<i>Юбилей</i>	
К 90-летию Галины Михайловны Андреевой	126
Исторический смысл научно-психологических открытий (к 80-летию Антонины Николаевны Ждан)	131

CONTENTS

Zinchenko Yu. P., Evdokimov V. I., Rybnikov V. Yu. Analysis of Russian and foreign dissertations in the field of medical (clinical) psychology (1990–2011).	3
<i>Empirical studies</i>	
Kuznetsova A. S., Luzyanina M. S. Psychological problems of rest planning and rest arrangement: Proactive or reactive approach	16
Matyushkina A. A., Zhukovskaya E. K. The conditions for actualization of intuition in creative problem solving.	31
Nourkova V. V., Bodunov E. A. Autobiographical memory as a resource for coping with intrapersonal conflict in alcoholics.	46
Korneev A. A., Kurgansky A. V. Change in order of movements constituting in series set by visual template.	61
Abramova A. A., Kuznetsova S. O., Enikolopov S. N., Razumova A. V. Specificity of the manifestations of aggression in patients with depression different nosology, severity and duration.	75
<i>Review, analytical studies</i>	
Voiskunskiy A. E. Social perception while social networking.	90
<i>Psychology to practice</i>	
Shabol'tas A. V. Community-based HIV prevention program leading by popular opinion leaders	105
<i>Short reports</i>	
Nagorskaya I. A. Memory disorders in pediatric patients with drug-resistant focal symptomatic epilepsy	119
<i>Anniversaries</i>	
To the 90th anniversary of Galina Mikhaylovna Andreyeva	126
Historical sense of scientific and psychological opening (to the 80th anniversary of Antonina Nikolayevna Zhdan)	131

Ю. П. Зинченко, В. И. Евдокимов, В. Ю. Рыбников

АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ДИССЕРТАЦИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ (КЛИНИЧЕСКОЙ) ПСИХОЛОГИИ (1990—2011)

Проведен анализ 766 диссертаций, представленных в диссертационные советы Российской Федерации по специальности 19.00.04 «Медицинская психология», и 23 807 зарубежных докторских диссертаций в сфере клинической психологии в базе данных *ProQuest Dissertations & Theses Database* в 1990–2011 гг. По сравнению с мировым потоком в структуре отечественного массива было меньше ($p < 0.001$) исследований по истории и методологии медицинской психологии, по психологическому вмешательству, по психологическим аспектам лечебного процесса, по психогигиене, психопрофилактике, социальной реабилитации и повышению качества жизни пациентов и больше работ ($p < 0.001$) по патопсихологии, нейропсихологии, психосоматике и психологии телесности, психологии нарушений развития и отклоняющего поведения. Количественно-динамические характеристики диссертационного потока по специальности 19.00.04 «Медицинская психология» показали высокую связь с макроэкономическим развитием, индикаторами научного потенциала и инновационной активности исследователей в сфере медицинской (клинической) психологии в России.

Ключевые слова: диссертация, медицинская (клиническая) психология, диссертационный поток, подготовка кадров высшей квалификации, инновации, науковедение.

Зинченко Юрий Петрович — декан ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. каф. методологии психологии, докт. психол. наук, профессор, чл.-корр. РАО, главный медицинский психолог Минздрава России, президент РПО, почетный работник высшего профессионального образования РФ. *E-mail:* zinchenko_y@mail.ru

Евдокимов Владимир Иванович — проф. каф. подготовки науч. кадров и клинич. специалистов института ДПО «Экстренная медицина» Всерос. центра экстрен. и радиац. медицины им. А.М. Никифорова МЧС России, докт. мед. наук. *E-mail:* 9334616@mail.ru

Рыбников Виктор Юрьевич — заместитель директора (по научной и учебной работе) Всерос. центра экстрен. и радиац. медицины им. А.М. Никифорова МЧС России; заслуженный деятель науки РФ, докт. мед. наук, докт. психол. наук, профессор. *E-mail:* medicine@arccerm.spb.ru

The article provides the analysis of 766 dissertations on specialization 19.00.04 “Medical psychology” submitted to dissertational councils in the Russian Federation and 23 807 foreign doctoral theses in the field of clinical psychology presented in ProQuest Dissertations & Theses Database in 1990–2011. Compared to the international flow, the Russian array of theses includes less research ($p < 0.001$) in history and methodology of medical psychology, psychological interventions, psychological aspects of medical treatment, psychological hygiene and prevention, social rehabilitation and improvement of patients’ quality of life and more research ($p < 0.001$) in pathopsychology, neuropsychology, psychosomatics and somatic psychology, psychology of developmental impairments and deviant behavior. Quantitative and dynamic characteristics of dissertation flow on specialization 19.00.04 “Medical psychology” revealed strong links with macroeconomic development, indicator of scientific potential and innovative researchers’ activity in the field of medical (clinical) psychology in Russia.

Key words: thesis, medical (clinical) psychology, dissertation flow, professional preparation of highly qualified specialists, sociology of science.

Введение

Согласно общепринятым требованиям диссертационные исследования должны быть инновационными научными работами, выполненными на высоком научно-методическом уровне, которые ориентированы на решение актуальных научных задач (кандидатская диссертация) или проблем (докторская диссертация). Поэтому анализ диссертационных работ позволяет оценить уровень современных научных исследований по той или иной отрасли знания.

Диссертация (лат. *Dissertatio* — рассуждение, исследование) — вид индивидуального исследовательского труда, который представляется для публичной защиты в диссертационном (ученом) совете с целью получения ученой степени. В большинстве зарубежных стран существует одна ученая степень — доктор наук, в России — кандидат наук и доктор наук. Подготовка и представление диссертаций в диссертационный совет регламентируется в России Положением о порядке присуждения ученых степеней [1]. Содержание диссертаций должно отвечать паспортам научных специальностей [2], перечень которых определяет Номенклатура специальностей научных работников [3].

В номенклатуре специальностей научных работников от 17.02.1969 г. [4] в разделе 21.000 «Психологические науки» введены психологические научные специальности. В следующей Номенклатуре специальностей научных работников от 28.06.1972 г. [5] разделу «Психологические науки» был присвоен шифр 19.00.00, и научные специальности получили наименования, которые с небольшими изменениями дошли до наших дней (табл. 1).

**Научные специальности раздела «Психологические науки»
Номенклатуры специальностей научных работников**

Номенклатура специальностей научных работников					
от 17.02.1969 г.		от 28.06.1972 г.		от 25.02.2009 г.	
Шифр	Название специальности	Шифр	Название специальности	Шифр	Название специальности
21.960	Общая психология	19.00.01	Общая психология	19.00.01	Общая психология, психология личности, история психологии
21.961	Психофизиология	19.00.02	Психофизиология	19.00.02	Психофизиология
21.962	Психология труда	19.00.03	Психология труда	19.00.03	Психология труда, инженерная психология, эргономика
21.963	Инженерная психология				
21.964	Медицинская психология	19.00.04	Медицинская психология	19.00.04	Медицинская психология
21.965	Социальная психология	19.00.05	Социальная психология	19.00.05	Социальная психология
21.966	Судебная психология	19.00.06	Юридическая психология	19.00.06	Юридическая психология
21.967	Детская и педагогическая психология	19.00.07	Детская и педагогическая психология	19.00.07	Педагогическая психология
21.968	Зоопсихология	19.00.08	Зоопсихология		
21.969	Военная психология	19.00.09	Военная психология		
21.970	Специальная психология (психология слепых, глухонемых и умственно-отсталых детей)	19.00.10	Специальная психология (психология слепых, глухонемых и умственно-отсталых детей)	19.00.10	Коррекционная психология
		19.00.11	Психология труда в особых условиях		
				19.00.12	Политическая психология

Содержанием научной специальности 19.00.04 «Медицинская психология» является:

— изучение общих и частных психологических закономерностей изменений и восстановления психической деятельности при различных патологических состояниях и аномалиях развития;

— выявление закономерностей влияния психических факторов на укрепление здоровья и формирование установок на здоровый образ жизни;

— анализ и выявление психических факторов, влияющих на возникновение, течение и преодоление болезней и других стойких состояний дезадаптации, на успешную социально-трудовую реабилитацию;

— повышение адаптационных ресурсов личности, гармонизация психического развития и межличностных отношений в процессах предупреждения заболеваний, собственно патологии, восстановительного лечения и реабилитации.

— изучение особенностей деятельности психологов в сфере здравоохранения (диагностика, экспертиза, психотерапия, психологическая коррекция, консультирование, и др.);

— разработка, адаптация и изучение эффективности методов психологической диагностики и психологического вмешательства;

— анализ направлений и этапов развития медико-психологических исследований.

Существует и другое понятие — «клиническая психология» [6]. Считается, что термин «медицинская психология» выступает как собирательный образ области и места применения психологической специальности, в то время как понятие «клиническая психология» отражает процесс интеграции в мировую психологию и решения комплекса задач в сфере здравоохранения, народного образования и социальной помощи населению. Аналогичное содержание клинической психологии представлено в государственном образовательном стандарте с 2000 г. по специальности «Клиническая психология». Возможно, что в новой номенклатуре научная специальность «Медицинская психология» получит более емкое название — клиническая психология.

Цель настоящей статьи — изучить диссертационный поток по медицинской психологии в Российской Федерации за 1990—2011 гг. и сравнить его с зарубежными докторскими диссертациями по клинической психологии.

Материалы и методы

Для поиска материалов отечественных диссертаций использовались электронные ресурсы Российской государственной библиотеки (Москва, <http://www.rsl.ru/ru/s97/s339/>), Российской национальной

библиотеки (Санкт-Петербург, <http://nlr.ru/poisk/>) и Центральной научной медицинской библиотеки (Москва, <http://www.scsml.rssi.ru/>). Сравнение баз данных (БД) указанных библиотек позволило создать обобщенный массив авторефератов диссертаций в 1990—2011 гг. по научной специальности 19.00.04 «Медицинская психология».

Оценка структурно-динамических показателей мирового массива докторских диссертаций по клинической психологии проводилась в электронной БД *ProQuest* диссертаций и дипломных работ (*ProQuest Dissertations & Theses Database*, далее — *ProQuest*), которая является самой полной коллекцией диссертаций и дипломных работ корпорации *ProQuest Information & Learning* (штаб квартира находится в г. Анн-Арбор, США) [7]. В настоящее время БД *ProQuest* включает около 2.9 млн диссертаций мира, представленных к публичной защите с 1743 г., в том числе более чем 1 млн полнотекстовых диссертаций большинства работ с 1997 г., которые доступны в формате PDF. Библиографическая запись докторских диссертаций, изданных начиная с середины 1980 г., содержит реферат из 350 слов, написанный автором (аналогичный российскому автореферату диссертаций), а магистерских диссертаций, опубликованных с 1988 г., — реферат из 180 слов. Более 80 тыс. новых диссертации добавляются в БД *ProQuest* ежегодно.

Официальный сайт *ProQuest* (<http://www.search.proquest.com>) содержит русскоязычный интерфейс. Активировав БД «Диссертации и дипломные работы», мы переходили в одноименный электронный ресурс. Использовали поисковый режим «Везде, кроме полного текста, ALL», словосочетание *clinical psychology* и период с 1990 по 2011 г. К сожалению, воспользоваться данной БД возможно только по подписке на коммерческой основе. Платформа *PQDT Open* позволяет ознакомиться с рефератами и с полными текстами открытых диссертаций бесплатно (<http://pqdtopen.proquest.com>).

В качестве показателей макроэкономического развития страны и научной отрасли мы использовали данные динамики валового внутреннего продукта (ВВП) в процентах к уровню 1990 г., внутренних затрат на научные исследования и разработки в сопоставимых ценах к уровню 1989 г. и в процентах к ВВП. Эти показатели взяты из официальных статистических справочников «Российский статистический ежегодник» (1994—2011). Большинство этих справочников имеются на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики (Росстат) (<http://www.gks.ru>).

Индикаторами научного потенциала явились показатели подготовки аспирантов и докторантов, общее количество и отраслевые потоки диссертационных работ в России. Эти показатели были использованы из интернет-ресурса «Кадры высшей научной квалификации» (<http://www.science-expert.ru>) и статистических справоч-

ников «Индикаторы инновационной деятельности» (2004—2012) и «Индикаторы науки» (2004—2011), которые подготавливает Центр исследований и статистики науки (<http://www.csr.s.ru>).

Показателями инновационной активности стали публикации российских ученых и количество отечественных патентов на изобретения в сфере медицинской (клинической) психологии [8]. Для изучения массива книжных изданий (книги и брошюры) использовались электронные базы данных Российской государственной библиотеки (<http://www.rsl.ru>). Обобщенные показатели деятельности медико-психологической службы получены из статистического справочника, подготовленного сотрудниками Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского [9] (табл. 2).

Таблица 2

Структура направлений исследований в отечественном и зарубежном диссертационных массивах

№	Содержание направления исследований	Диссертационный массив		p<
		отечественный	зарубежный	
1-е	История и методология медицинской психологии	1.2	10.4	0.001
2-е	Патопсихология	18.7	9.9	0.001
3-е	Нейропсихология	8.1	3.5	0.001
4-е	Психосоматика и психология телесности	18.5	5.3	0.001
5-е	Психология нарушений развития и отклоняющегося поведения	17.0	13.1	0.01
6-е	Психологическое вмешательство (психотерапия, психологическое консультирование и психологическая коррекция)	16.2	29.0	0.001
7-е	Психологические аспекты лечебного процесса	3.6	5.0	0.05
8-е	Психогигиена, психопрофилактика, социальная реабилитация и повышение качества жизни пациентов	10.4	17.0	0.001
9-е	Психология здоровья и профессиональной деятельности	6.3	6.8	—

Результаты и их анализ

В диссертационные советы Российской Федерации по специальности 19.00.04 «Медицинская психология» в 1990—2011 гг. были представлены 766 работ, в том числе на соискание ученой степени доктора наук — 15.1%, соотношение кандидатских и докторских составило 5:1,

что статистически не отличается от общего диссертационного потока (соответственно 15.0% и 5.7:1) и медицинского диссертационного потока (соответственно 17.2% и 4.8:1), который значимо больше психологического потока диссертаций в России (соответственно 7.9% и 11.7:1). Полиномиальный тренд при невысоком коэффициенте детерминации ($R^2=0.65$) показывает увеличение диссертационного потока (рис. 1). Выявлена статистически значимая конгруэнтность кривой динамики диссертаций по медицинской психологии в 1990—2011 гг. и общего потока диссертаций в России и отраслевого (медицинского и психологического) массива диссертаций соответственно $r=0.66$ ($p<0.001$), $r=0.76$ ($p<0.001$) и $r=0.78$ ($p<0.001$).

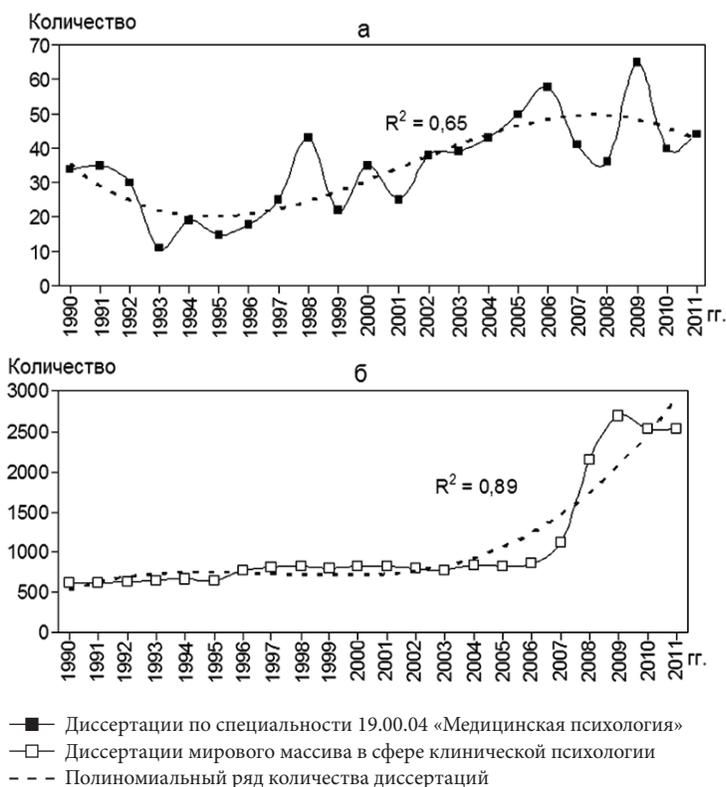

Рис. 1. Динамика количества диссертаций по специальности 19.00.04 «Медицинская психология» в РФ (а) и мирового массива докторских диссертаций в сфере клинической психологии (б)

В отличие от общего диссертационного потока в России по медицинской психологии отмечается увеличение количества вклада докторских диссертаций, что может свидетельствовать о решении

ряда крупных научных проблем и внедрении их результатов в теорию и практику медицинской психологии. Ежегодно диссертационный массив увеличивался на (35 ± 3) работы, в том числе докторских — на (5 ± 1) , кандидатских — на (30 ± 3) работы. На рис. 2 представлена динамика потока диссертаций по специальности 19.00.04 «Медицинская психология».

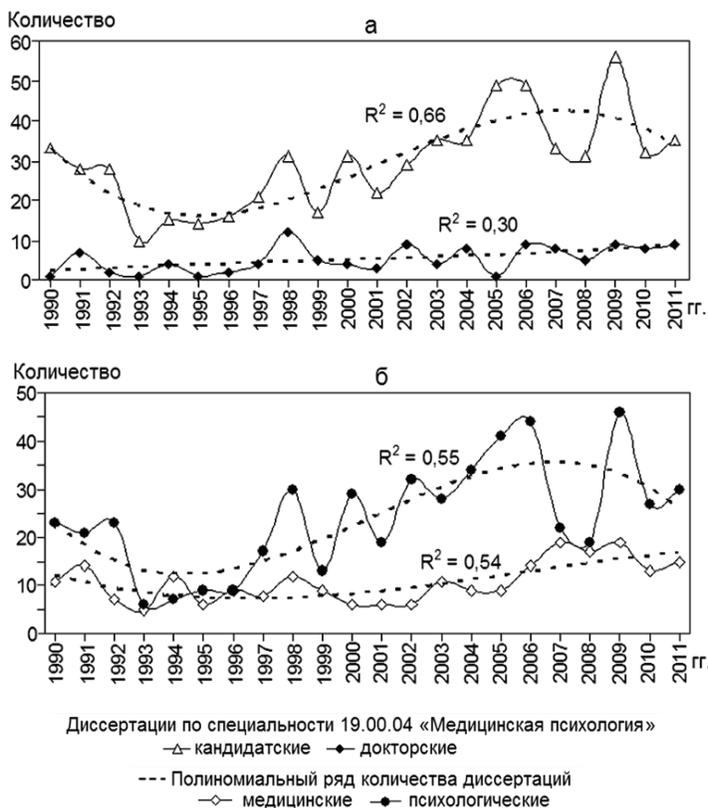

Рис. 2. Динамика количества докторских и кандидатских (а) и медицинских и психологических (б) диссертаций по специальности 19.00.04 «Медицинская психология»

Из общего числа диссертаций, защищенных в РФ в 1990—2011 гг. по специальности 19.00.04 «Медицинская психология», по медицинским наукам было 30.9% работ, а по психологическим — 69.1% (рис. 3). Ежегодно рассматривались в диссертационных советах по (11 ± 1) медицинских диссертаций и по (24 ± 2) — психологических диссертаций. Медицинские диссертации составили 0.3% общего потока медицинских диссертаций в России, а психологические — 5.2% общего потока психологических диссертаций. Диссертаций по одной

специальности (19.00.04 «Медицинская психология») было 68.7%, по двум специальностям (на стыке наук) — 31.3%.

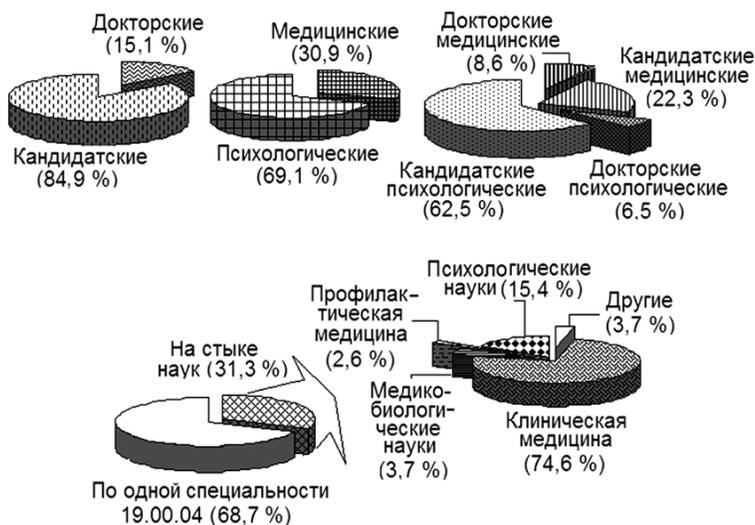

Рис. 3. Обобщенные показатели диссертаций по специальности 19.00.04 «Медицинская психология»

На 13.04.2013 г. поисковый режим в указанных ранее информационных ресурсах позволил выявить мировой массив диссертаций по клинической психологии, состоящий из 23 807 докторских диссертаций, опубликованных с 1990 по 2011 г. Ежегодно представлялись в университеты мира для публичной защиты по (1080 ± 150) диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Ученую степень доктора философии (PhD) получили 74.6% соискателей ученой степени, доктора психологии (PsyD) — 20.4%, доктора образования (EdD) — 1.9%.

98.5% зарубежных диссертаций были изданы на английском языке, 0.9%, или 214 работ, — на французском, 0.3%, или 74, — на испанском и 0.3% — на других языках мира. Уместно заметить, что в США были подготовлены 91.2% докторских диссертаций общего диссертационного потока в сфере клинической психологии, в Канаде — 6.1%, в Великобритании — 1.1%, в других странах — 1.6%. Российских диссертаций в БД *ProQuest* не найдено.

В 2008—2011 гг. отмечается увеличение количества диссертаций в сфере клинической психологии (см. рис. 1). Столь значительное увеличение следует связать не только с ростом интереса исследователей к проблемам клинической психологии, сколько с изменением структуры индексации в БД *ProQuest*.

В структуре мирового массива диссертаций в 1990–2011 гг. по сравнению с отечественным (см. табл. 1) имелось статистически больше работ по истории и методологии медицинской психологии (1-е направление научных исследований согласно паспорту научной специальности «медицинская психология»), по психологическому вмешательству — психотерапии, психологической коррекции и психологическому консультированию (6-е), по психологическим аспектам лечебного процесса (7-е), по психогигиене, психопрофилактике, социальной реабилитации и повышению качества жизни больных (8-е) и меньше работ — по патопсихологии (2-е), нейропсихологии (3-е), психосоматике и психологии телесности (4-е), по психологии нарушений развития и отклоняющегося поведения (5-е направление). Вклад в структуру основных направлений научных исследований диссертаций по психологии здоровья и профессиональной деятельности (9-е направление) в сравниваемых массивах был практически равным (см. табл. 2).

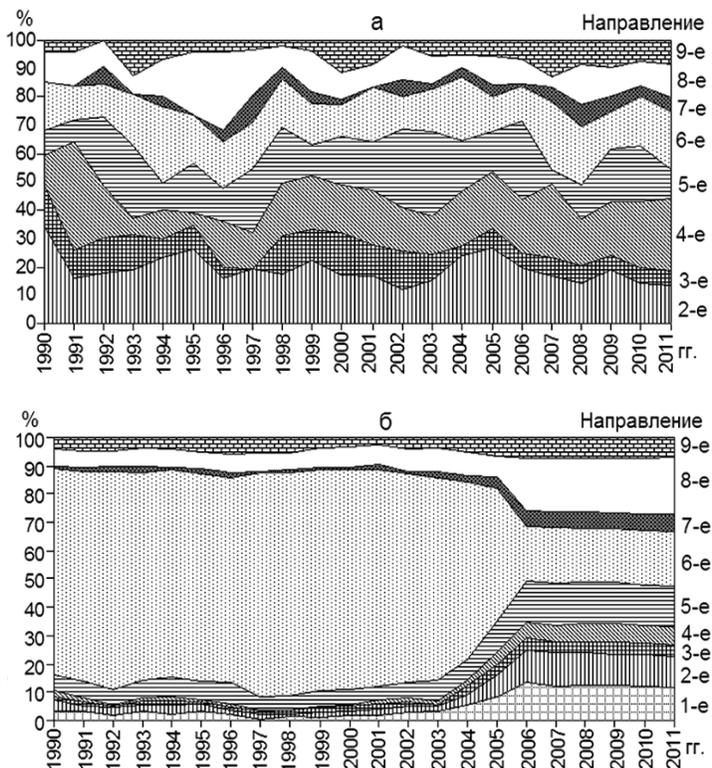

Рис. 4. Динамика структуры отечественных (а) и зарубежных (б) диссертаций в сфере медицинской (клинической) психологии

Структура диссертационного потока в сфере медицинской (клинической) психологии представлена на рис. 4. Полиномиальные тренды при невысоких коэффициентах детерминации показывают явное увеличение отечественных диссертаций 4-го, 6-го, 8-го и 9-го направлений исследований, незначительное увеличение 7-го направления и некоторого снижения исследований по 5-му и 3-му направлениям исследований (см. рис. 4, а).

В динамике структуры иностранных диссертаций в 1990—2004 гг. до 70—75% занимали работы (см. рис. 4, б), в которых исследовались проблемы психологического вмешательства. С 2006 г., возможно, в результате изменения индексации работ в БД *ProQuest*, на что нами уже указывалось, отмечается значительное изменение доли вклада научных направлений (см. рис. 4, б).

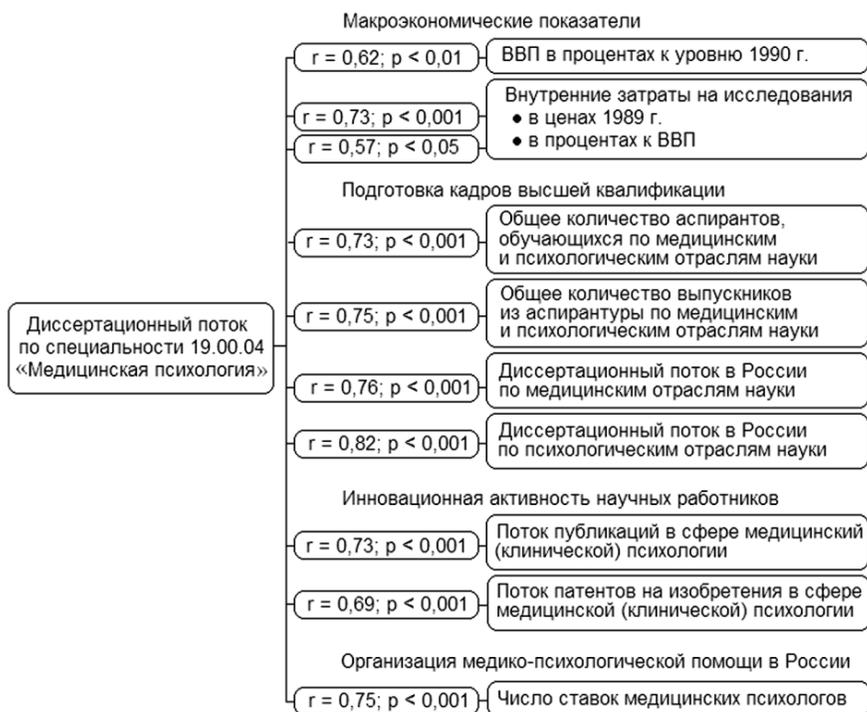

Рис. 5. Взаимосвязи диссертационного потока по специальности 19.00.04 «Медицинская психология»

Корреляционный анализ позволил выявить достоверные зависимости структурно-количественных показателей диссертационного потока по специальности 19.00.04 «Медицинская психология» с обобщенными данными макроэкономических показателей, с уровнем подготовки кадров высшей квалификации, инновационной активностью ученых в сфере медицинской (клинической) психологии, с некоторыми индикаторами организации медико-психологической помощи в России (рис. 5).

Большой вклад в динамику диссертационного потока вносит реструктуризация работы Высшей аттестационной комиссии и диссертационных советов в России. Общими закономерностями являются увеличение количества диссертаций перед заявленными изменениями и уменьшение – после.

Заключение

Установлены выраженные различия в количественно-качественных характеристиках диссертационных исследований у отечественных и зарубежных ученых, включая общий массив диссертационного потока и направления научных исследований. В отечественных диссертационных работах преобладают исследования традиционных направлений (нейропсихология, патопсихология, психология телесности и др.), а в зарубежных — по методологии клинической психологии, психологическому вмешательству, психологии здоровья, психогигиене и психопрофилактике, повышению качества жизни пациентов.

Анализ зарубежных баз данных показал, что, к сожалению, российских диссертаций в БД *ProQuest* нет. Отечественным ученым следует активизировать вхождение в мировое научное сообщество. Соискателям ученых степеней и научным работникам рекомендуется переводить на английский язык резюме, состоящее из 350 слов, а по возможности и автореферат диссертации, чтобы после защиты диссертации направлять эти материалы в БД *ProQuest*. Региональным представителем *ProQuest* в России является Галина Кармишенская (e-mail: galina.karmishenskaya@proquest.co.uk).

В 2014 г. будет открыт раздел *Science Index* для диссертационных советов и материалы диссертационных работ станут учитываться в Российском индексе научного цитирования. В настоящее время кандидаты и доктор наук могут самостоятельно направлять электронные версии авторефератов и диссертаций в Научную электронную библиотеку. В открытом доступе заинтересованные пользователи смогут ознакомиться с результатами этих исследований и при необходимости процитировать их в своих публикациях.

Выявлена значимая зависимость структурно-количественных показателей диссертационного потока по научной специальности

19.00.04 «Медицинская психология» и обобщенных макроэкономических показателей, уровня подготовки кадров высшей квалификации, инновационной активности ученых в сфере медицинской (клинической) психологии в России в 1990—2011 гг.

Целесообразно в новой номенклатуре научных работников заменить специальность «Медицинская психология» более емким названием «Клиническая психология», которое присутствует с 2000 г. в образовательных стандартах России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (в порядке упоминания в тексте)

1. Об утверждении Единого реестра ученых степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства РФ от 30.01.2002 г. № 74, в ред. от 20.06.2011 г. № 475. URL: <http://www.consultant.ru/>

2. Паспорта специальностей научных работников (ред. от 18.01.2011 г.) [Электронный ресурс] / ВАК Минобрнауки РФ. URL: <http://mon.gov.ru/work/nti/dok/vak/11.01.18-pasporta>

3. Номенклатура специальностей научных работников: прил. к приказу Минобрнауки РФ от 25.02.2009 г. № 59 с изм. и доп. [Электронный ресурс] / ВАК Минобрнауки РФ. URL: <http://www.wak.gov.ru>

4. Номенклатура специальностей научных работников (утв. постановлениями Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике от 17.02.1969 г. № 43 и от 31.07.1970 г. № 324) // Бюл. М-ва высш. и сред. спец. образования СССР. 1972. № 8. С. 47—58.

5. Номенклатура специальностей научных работников (утв. постановлениями Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике от 28.07.1972 г. № 385) // Бюл. М-ва высш. и сред. спец. образования СССР. 1972. № 11. С. 2—16.

6. Клиническая психология / Под ред. Б.Д. Карвасарского. 4-е изд. перераб. и доп. СПб.: Питер, 2011.

7. Кармишанская Г. ProQuest Dissertations and Theses: крупнейшая полнотекстовая база данных научных диссертаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liber.rsu.ru/sites/default/files/11>

8. Поиск и анализ изобретений по психотерапии и психологической коррекции в России (1994—2011 гг.) / В.И. Евдокимов, Т.Г. Горячкина, Т.Н. Эриванцева, Е.И. Чехлатый // Обзор. психиатрии и мед. психологии им. В.М. Бехтерева. 2012. № 3. С. 103—109.

9. Психиатрическая помощь населению Российской Федерации в 2009 г. (стат. справ.) / Сост.: А.А. Чуркин, Н.А. Творогова. М.: Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В.П. Сербского, 2010.

Поступила в редакцию
03.02.14

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. С. Кузнецова, М. С. Лузянина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ОТДЫХА: ПРОАКТИВНЫЙ И РЕАКТИВНЫЙ ПОДХОДЫ

В статье представлены материалы исследований особенностей локализации отдыха в ценностно-смысловой сфере и анализа отдыха как деятельности, планируемой для восстановления ресурсов, сохранения здоровья и успешной самореализации в трудовой деятельности. Цикл эмпирических исследований выполнен на мультипрофессиональной выборке представителей разных организаций. Результаты показали, что отдых выступает как инструментальная ценность для поддержания работоспособности. Несмотря на высокий рейтинг, декларируемая ценность отдыха не всегда приобретает характер побудительного фактора, способствующего целенаправленной рекреации. Тип отношения к отдыху определяет разные подходы к его организации: проактивный (основанный на опережающем планировании отдыха) и реактивный (проявляющийся в признании восстановительного значения отдыха без специальной активности по его организации). Выявление косвенных признаков данных подходов возможно на основе психосемантического анализа понятий из сферы работы и отдыха, оценка семантической близости которых позволяет дифференцировать разные смысловые акценты в представлениях о рекреации. Семантическое тяготение понятия «восстановление сил» к «работе» указывает на интерпретацию восстановления как вынужденной необходимости: рекреация как следствие работы (расход ресурсов) и необходимость для работы (восстановление ресурсов). Иной смысл выступает на передний план в случае близости понятий «восстановление сил» и «отдых»: рекреация как возможность восстановления в процессе отдыха.

Ключевые слова: отдых, работа, рекреация, восстановление сил, инструментальная ценность отдыха, проактивный и реактивный подходы к отдыху, психосемантический анализ.

Кузнецова Алла Спартаковна — канд. психол. наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* kuznetsovamsu@rambler.ru

Лузянина Марина Сергеевна — директор Центра кадровой диагностики и развития персонала Московского городского университета управления (МГУУ) Правительства Москвы. *E-mail:* mluzyanina@gmail.com

The empirical study is targeted to estimate the subjective value of rest and to analyze rest as an activity for efficient recovery. The study was conducted in employees of different industrial and service organizations. The results showed that mostly by all respondents rest is accepted as an important instrumental value for workability maintenance. At the same time, high rating positions of rest in the life values list does not always transform rest value into the intention to arrange recreation purposively. The type of attitudes to rest determines different approaches to rest arrangement: proactive (based on anticipative rest planning) or reactive (which manifest itself in acceptance of rest as necessary recreation combined with no special rest arrangements). The extraction of indirect rest attributes seems to be possible on the base of psychosemantic analysis of the notions form work and rest domains. The semantic distance evaluation of the work and rest notions allows revealing different meanings of recreation: as a forced necessity because of work and for work, or as a possibility for recovery.

Key words: rest, work, recreation, recovery, rest as an instrumental value, proactive and reactive attitudes to rest, psychosemantic analysis.

Психологическое изучение отдыха работающего человека выступает как новое направление исследований профессионального труда (Кузнецова, 2008; Лузянина, 2009; Cropley, Millard Purvis, 2003; Kuznetsova et al., 2013; Zijlstra, Rook, 2009). Необходимость и целесообразность развития данного направления обусловлены тем, что современные формы взаимодействия организации и работника допускают высокую степень автономии сотрудников в планировании и выполнении работы. В условиях нежесткого организационного контроля и отчетности преимущественно «по результату» работник может самостоятельно определять последовательность трудовых задач и способы их осуществления, перераспределять временные ресурсы с целью завершения заданного объема работы в срок, а также и устанавливать временные интервалы чередования работы и отдыха.

Следует признать, что традиционная область психологических исследований режимов труда и отдыха с целью разработки рекомендаций по их оптимизации должна быть расширена и дополнена: крайне актуальным является вопрос о том, какие рекомендации можно обоснованно предложить не только организациям, но и отдельным работникам — например, тем, кто сам планирует временные рамки работы и отдыха. Часто значительные объемы рабочей нагрузки и высокая степень интенсивности труда в динамичной организационной среде провоцируют увеличение времени работы по собственной инициативе сотрудников. Из-за жесткой необходимости завершить работу в срок сотрудники нередко (1) задерживаются на рабочих местах дольше, чем это предусмотрено согласно принятому рас-

порядку рабочего дня, (2) берут работу на дом и работают за пределами предусмотренных временных норм. Кроме того, превышение установленных временных пределов для работы наблюдается у людей, относящихся к работе как к одной из главных жизненных ценностей, как «к любимому делу», которому не только нужно, но и интересно уделять больше времени.

Данные варианты разрастания временных периодов работы настолько участились, что в последние годы стали появляться публикации, в которых обсуждается целесообразность введения нового термина, позволяющего зафиксировать обозначение времени, которое человек дополнительно использует для работы по *собственной инициативе* (Широкая, 2008; Cropley, Millard Purvis, 2003). Например, предлагается ввести понятие «профессиональное время» (Широкая, 2008). Это необходимо для четкого разграничения обозначений времени работы по *собственной инициативе* работника и следующих юридических терминов: (1) «рабочее время», которое определяется как время, в течение которого работник *в соответствии с правилами* внутреннего распорядка и условиями трудового договора *должен* исполнять производственные обязанности, а также иные периоды времени, которые в соответствии с Трудовым кодексом РФ, другими федеральными законами и нормативными правовыми актами РФ относятся к рабочему времени (Трудовой кодекс РФ, статья 91); (2) «сверхурочная работа» как работа, выполняемая работником по *инициативе работодателя* за пределами установленной для работника продолжительности рабочего времени (Трудовой кодекс РФ, статья 91). Таким образом, время работы *по собственной инициативе* формально рабочим временем не является, но ведь оно фактически используется для выполнения рабочих задач.

Превышение временных пределов, установленных для работы, приводит к значительному увеличению рабочей нагрузки, дополнительному расходу ресурсов и в результате — к росту риска развития хронических состояний сниженной работоспособности и профессионально-личностных деформаций (Leonova et al., 2013; Maslach, 2000; Schaufeli et al., 2009). Столь серьезные последствия начинаются с сокращения времени отдыха и уменьшения времени, необходимого для восстановления сил. Таким образом, анализ психологических факторов, способствующих или препятствующих оптимальной самоорганизации отдыха, необходим для выявления психологических ресурсов поддержки работоспособности, оптимизации функционального состояния и сохранения здоровья со-временных профессионалов.

На наш взгляд, психологические исследования отдыха могут быть сгруппированы по следующим *направлениям*: (1) изучение особенностей локализация отдыха в ценностно-смысловой сфере работаю-

щего человека; (2) анализ отдыха как деятельности, планируемой и реализуемой для восстановления ресурсов, сохранения здоровья и создания необходимой базы для успешного профессионального развития; (3) исследование отдыха в структуре временной организации труда, обеспечивающей возможность проведения мероприятий по восстановлению ресурсов; (4) выявление содержательной специфики способов отдыха и последующая оценка эффективности отдыха как процесса рекреации. В данной статье представлены основные результаты эмпирических исследований отдыха по первым двум направлениям.

1. Психологический анализ представлений об отдыхе как субъективно принимаемой ценности современного работающего человека предполагает (а) выявление того места, которое занимает отдых в системе ценностных ориентаций, и (б) оценку степени выраженности субъективной ценности отдыха как сферы жизнедеятельности. Данные получены на группе из 123 респондентов (41 мужчина и 82 женщины) в возрасте от 19 до 61 года (средний возраст — 33,2 года), сотрудников разных организаций г. Москвы. Главным критерием подбора респондентов было наличие постоянной работы на момент проведения исследования; средний стаж работы — 9,5 года, стаж работы в организациях, где они работали на момент проведения исследования, — 6,3 года. Это характеризует выборку в целом как достаточно зрелую и включающую возрастную диапозон высокой профессиональной активности.

Несмотря на то что выборка не слишком многочисленна, данная группа обследованных едина в отношении следующих признаков: все респонденты являются жителями одного мегаполиса, ведут достаточно активный образ жизни, ездят на работу (никто из них не работает на дому), социально активны. По показателям осмысленности жизни, немного превышающим средние значения по норме (Леонтьев, 2000), выборка в целом является благополучной: респонденты воспринимают свою жизнь как эмоционально насыщенную, удовлетворены пройденными этапами своей жизни, имеют цели, которые придают жизни осмысленность и временную перспективу, и ощущение, что они сами управляют своей жизнью.

Выполненные исследования положения отдыха в системе индивидуальных ценностей позволили выявить следующую устойчивую тенденцию: отдых занимает одно из ведущих мест и рассматривается как инструментальная ценность (Лузянина, 2009). Результаты получены при помощи специально разработанной анкеты для сбора данных о субъективном отношении к отдыху, особенностях планирования и временной организации отдыха, оценки его эффективности (Кузнецова, Лузянина, 2008). Данные анкетного опроса

показали, что смысл и целевое назначение отдыха заключаются в восстановлении сил для дальнейшей успешной работы и получении позитивных эмоциональных переживаний (табл. 1). Обследуемые признают ценность отдыха и считают, что хороший отдых нужен не только для сохранения здоровья, но и для успешного выполнения профессиональных задач.

Таблица 1

Представления респондентов о субъектном смысле отдыха

Варианты ответа на вопрос: «Чем для вас является отдых?»	Количество респондентов, согласных с утверждением
Процессом, доставляющим удовольствие	103 чел. (84%)
Процессом, нужным для восстановления сил для дальнейшей успешной работы	70 чел. (57%)
Необходимостью и тратой времени, которой все-таки нельзя избежать	3 чел. (2%)

Примечание. Одновременно 1-й и 2-й варианты ответа дали 52 респондента; 1 респондент дал одновременно 1-й, 2-й и 3-й варианты ответа, 1 респондент дал одновременно только 2-й и 3-й варианты ответа.

Таблица 2

Соотношение ценности и доступности работоспособности, отдыха и отдельных составляющих сферы досуга (средние значения в баллах по выборке)

Ценности сферы отдыха/рекреации	Ценность (диапазон оценок от 0 до 10 баллов)	Доступность (диапазон оценок от 0 до 10 баллов)	Разность: доступность — ценность
Работоспособность	8.02	6.53	-1.49
Отдых	7.9	6.19	-1.7
Досуг	7.07	5.82	-1.2
<i>Возможные составляющие сферы досуга</i>			
Общение	7.98	7.4	-0.56
Интерес к чтению	7.21	6.96	-0.24
Интерес к музыке	6.6	6.42	-0.18
Интерес к живописи	6.05	5.6	-0.45
Удовольствия	6.02	5.51	-0.50
Развлечения	5.59	5.24	-0.34
Игры	4.78	5.2	0.45
Интерес к театру	5.79	5.19	-0.58
Спорт	6.04	5.17	-0.84

Такие результаты ожидаемы: трудно предположить, что многие профессионалы всерьез будут игнорировать необходимость отдыха. Интересным оказалось весомое расхождение субъективной ценности отдыха и его доступности. Для локализации отношения к отдыху в ценностно-смысловой структуре личности была использована методика анализа ценности и доступности разных жизненных явлений «Свободный выбор ценностей» (Фанталова, 2001). Основными параметрами оценки различных жизненных явлений в данной методике являются *ценность* как значимость, привлекательность для респондентов отдельных явлений и *доступность* как степень присутствия этих явлений в жизни респондентов. По результатам были рассчитаны балльные показатели ценностей, относящихся к сфере работы и отдыха, и показатели доступности данных ценностей (табл. 2).

Эмпирические данные отражают факт признания субъективной ценности отдыха. В рейтинговом списке из 73 пунктов отдых занимает 18-ю позицию, что свидетельствует о его высоком месте в системе жизненных ценностей профессионалов. Важно, что ценность работоспособности и отдыха в субъективных представлениях респондентов почти одинакова, что может отражать признание высокой значимости отдыха для достижения желаемого уровня работоспособности. Стоит обратить внимание на то, что и работоспособность, и отдых субъективно менее доступны для респондентов, чем они бы хотели: отрицательные значения разницы между *доступностью* и *ценностью*, возможно, обозначают признаки внутреннего конфликта между высокой степенью привлекательности отдыха и ощущением его нехватки для поддержания требуемого уровня ресурсного обеспечения работы. Кроме того, на основании факта более высокой разницы баллов по доступности и ценности досуга и отдыха по сравнению с отдельными составляющими рекреационной сферы можно выдвинуть предположение о неудовлетворенности результатами отдыха и невысокой эффективности привычных средств проведения досуга.

Тенденция к оценке отдыха как высоко значимой, но несколько недостижимой ценности была подтверждена результатами на других выборках, в том числе и на группах респондентов, работающих в мегаполисах и региональных центрах России и других государств (Kuznetsova et al., 2013), а также на выборках и отдельных профессиональных группах (Кузнецова, 2011; Cropley, Millard Purvis, 2003). Аналогичные данные выявлены даже в исследовании группы психологов, которые в силу профессиональной подготовки и специфики работы должны были бы не только понимать особое значение отдыха как способа восстановления ресурсов и осознавать его необходимость для поддержки работоспособности, но и

на деле руководствоваться данным знанием для целенаправленной организации собственного отдыха (Кузнецова, Злоказова, 2013). Например, показательны результаты обследования специалистов психологического профиля, работавших с пострадавшими в аварии на Саяно-Шушенской ГЭС на базе созданного Центра психологической помощи в один самых напряженных периодов его функционирования (табл. 3).

Таблица 3

Субъективная оценка ценности отдыха как способа поддержания требуемой работоспособности у специалистов-психологов, оказывающих психологическую помощь пострадавшим в аварии на Саяно-Шушенской ГЭС

<i>Соотношение ценности и доступности работоспособности и отдыха</i>			
	Среднее значение ценности	Среднее значение доступности	Разность: доступность – ценность
Работоспособность	9.69	7.92	-1.77
Отдых	9.31	5.85	-3.46
<i>Соотношение желаемого для восстановления и реального времени сна (в часах)</i>			
	Среднее значение желаемого времени	Среднее значение реального времени	Разность: желаемый сон – реальный сон
Ночной сон	8.4	6.9	-1.5
<i>Время отдыха во время бодрствования (в том числе и работы)</i>			
Время, выделяемое на отдых кроме сна (в часах)			2.1 (!)
Микроперерывы до 10 мин. в течение рабочего дня (количество)			3.3 (!)

Данные показывают большую степень напряженности внутриличностного конфликта между ценностью и доступностью отдыха обследованных психологов по сравнению с данными других выборок. Это объяснимо и связано с тем, что во время проведения исследования (через 2 месяца после аварии и начала функционирования службы психологической помощи) резко возросло количество обращений пострадавших в Центр (это может быть признано как факт роста доверия к профессионализму психологов и намерения принять помощь). Как следствие резко увеличился и объем рабочей нагрузки, и эмоциональная насыщенность работы. При этом целевая ориентация психологов на высокопрофессиональную работу отразилась в осознании работоспособности как одной из наиболее значимых инструментальных ценностей в данный период; мощная

содержательная мотивация труда этих специалистов, прошедших серьезный отбор для допуска к работе с пострадавшими, задала ориентацию на обеспечение высокого уровня работоспособности. Как показывает соотношение ценности и доступности работоспособности, психологам относительно неплохо удавалось поддерживать свою способность к продуктивной работе на хорошем уровне. Вместе с тем (1) увеличение нагрузок, (2) работа в дневное и ночное время (Центр психологической помощи функционировал круглосуточно), (3) высокая ответственность за результаты труда провоцировали рост напряженности и повышенный расход ресурсов. Периоды отдыха во время работы были значительно уменьшены. Как следствие психологи начали ощущать нехватку отдыха (показатель его доступности в среднем по группе — 7.92 балла из 10 возможных) при декларировании его высокой ценности (в среднем 9.69).

В описываемой ситуации выявленные признаки редукции отдыха выступают как факторы угрозы обвального падения работоспособности, поддержание которой обеспечивалось механизмами (1) позитивной эмоциональной оценки результатов работы и (2) волевыми усилиями. Важно подчеркнуть, что попытки преодолеть снижение работоспособности при помощи волевой регуляции в напряженных рабочих условиях оправданны, но эффективны лишь до некоторой степени. Структурирующие возможности волевых усилий являются мощным средством поддержания рабочего потенциала, однако активизация данных средств при развитии утомления с неизбежностью связана с чрезмерным напряжением ресурсов вплоть до полного их истощения (Иванников, 2010; Леонова и др., 2009). В результате кумуляции утомления развиваются негативные сдвиги на более глубоком уровне: ситуативный дискомфорт разрастается до степени хронического неблагополучия и потери здоровья. Что касается компенсаторных возможностей позитивной оценки результатов труда, то мощный приток положительных эмоций при успешной работе до некоторой степени позволяет замаскировать чувство усталости и недостаток отдыха, но не способствует полному восстановлению истраченных ресурсов (Леонова, 2007). Несмотря на понимание данной проблемы, обследованные психологи не предпринимали никаких особых мер для организации полноценного отдыха для опережающего восстановления и практически работали на износ¹.

Таким образом, обобщая собранные данные разных профессиональных выборок по первому направлению психологических исследований отдыха, можно сделать вывод о том, что отдых (1) вы-

¹ Собранные в представленном исследовании данные были использованы при внедрении программы повышения адаптационных ресурсов на основе профессионально-специфичных приемов психологической саморегуляции функционального состояния психологов (Кузнецова, Злоказова, 2013).

ступает как безусловная ценность для подавляющего большинства опрошенных; (2) рассматривается как ценность инструментальная, необходимая для обеспечения высокой работоспособности. Вместе с тем для значительной доли обследованных декларируемая ценность отдыха далеко не всегда трансформируется в реальный побудительный фактор, способствующий формированию намерения систематически обеспечивать эффективный отдых. Полученные данные выступают как исходный пункт для постановки проблемы, связанной с необходимостью ответа на вопрос: могут ли планирование и организация отдыха рассматриваться как особый вид осознанной активности работающего человека, которая направлена на решение задачи рекреации? Поиск научно обоснованного ответа на данный вопрос был предпринят в рамках второго направления.

2. Анализ особенностей организации отдыха как деятельности, планируемой и реализуемой человеком для восстановления ресурсов, необходимых для успешной работы и поддержки здоровья. Данные предварительных исследований показали, что можно дифференцировать 2 модели субъективного отношения к отдыху, на которых базируются разные подходы к его планированию и организации, — реактивный и проактивный подход (Кузнецова, Лузянина, 2008; Лузянина, 2009).

Проактивный подход к организации отдыха основан на осознании необходимости своевременного и эффективного восстановления ресурсов, что предполагает *целенаправленную опережающую организацию* отдыха. Для *реактивного* подхода, напротив, характерно представление о физиологических и психологических ресурсах как самовосполняемых и *не зависящих от произвольной активности человека*, а отдых воспринимается как вынужденный перерыв в работе, обусловленный либо организационно заданной необходимостью соблюдения рабочих перерывов, либо явным отсутствием возможности продолжать работу по причине истощения ресурсов. Одним из путей выявления причин разного отношения к отдыху является анализ субъективной интерпретации труда и отдыха как взаимосвязанных областей: например, в какой степени они могут восприниматься как явно противоположные или, наоборот, субъективно близкие сферы жизни. С этой целью было выполнено исследование степени семантической близости категорий «работа» и «отдых». Данные собраны на указанной выше выборке из 123 респондентов — сотрудников разных организаций г. Москвы. Участников исследования просили оценить при помощи методики семантического дифференциала (Артемьева, 1999) 4 понятия из сферы отдыха и рекреации («Отдых», «Покой», «Восстановление сил», «Досуг») и 2 понятия сферы трудовой активности («Работа» и «Труд»).

Результаты показали, что понятия из сферы работы и сферы рекреации располагаются в *противоположных* секторах двумерного семантического пространства, заданного факторами «Оценка» и «Активность» (Лузянина, 2009). Работа и труд находятся в секторе «Активность — Негативная оценка»; досуг, восстановление сил и покой — в секторе «Пассивность — Позитивная оценка»; отдых стоит особняком и попадает в сектор «Активность — Позитивная оценка». Таким образом, в результатах нашла отражение высокая степень субъективного разведения сфер труда и отдыха.

Затем в результате кластеризации общей выборки были выявлены 4 подгруппы обследованных с качественно специфичными вариантами локализации понятий в семантическом пространстве «Активность — Оценка» (рис. 1 и 2). Не останавливаясь подробно на анализе всех различий взаиморасположения понятий, выделим и рассмотрим следующую особенность: субъективное «тяготение» понятия «восстановление сил» либо к категориям сферы отдыха (см. данные подгруппы 1 и, особенно, подгруппы 3, где понятия «отдых», «досуг» и «восстановление сил» практически слиты — рис. 1), либо к категориям сферы работы — в подгруппах 2 и 4 (рис. 2). Объяснить данный факт поможет предположение о том, что у разных людей смысловая нагрузка понятия «восстановление сил» указывает на субъективную значимость разных аспектов цикла расхода-восполнения ресурсов: (1) признание неизбежности утраты сил в ходе работы («эрготропный» аспект) и (2) понимание возможности их восстановления в процессе отдыха («трофотропный» аспект). Иными словами, близость понятия «восстановление сил» к категориям сферы работы/труда отражает ответ на вопрос «Почему силы растрачиваются?» — «В результате работы», а тяготение к категориям отдыха и досуга — ответ на вопрос «Что может восстановить силы?» — «Отдых и досуг». Данное предположение подтверждает и тип размещения в семантическом пространстве понятия «восстановление сил»: в области негативной эмоциональной оценки в первом случае и в области позитивной оценки во втором.

Выявленная на обследованной выборке общая закономерность субъективного разведения работы и отдыха и разное промежуточное положение рекреации на дистанции между отдыхом и работой дают основания предположить, что проактивная модель отношения к отдыху должна быть более свойственна профессионалам, у которых смысл понятия «восстановление сил» прежде всего соотносится с возможностью приобретения/накопления ресурсов, а не с необходимостью их расходования. Большее смысловое тяготение понятия «восстановление сил» к сфере отдыха указывает на закрепление за отдыхом приоритетного восстановительного назначения: в пред-

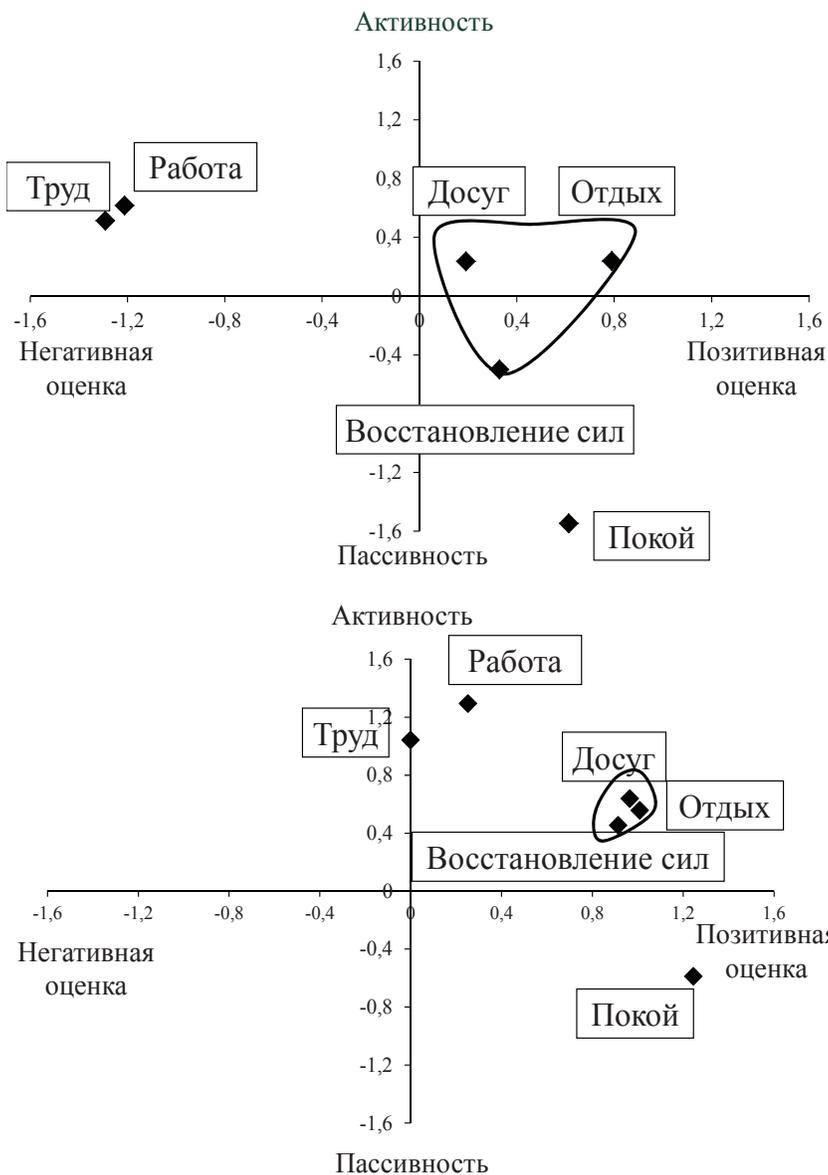

Рис. 1. Семантические пространства понятий из сферы работы и отдыха в кластерных подгруппах 1 (сверху, n=38) и 3 (снизу, n=34)

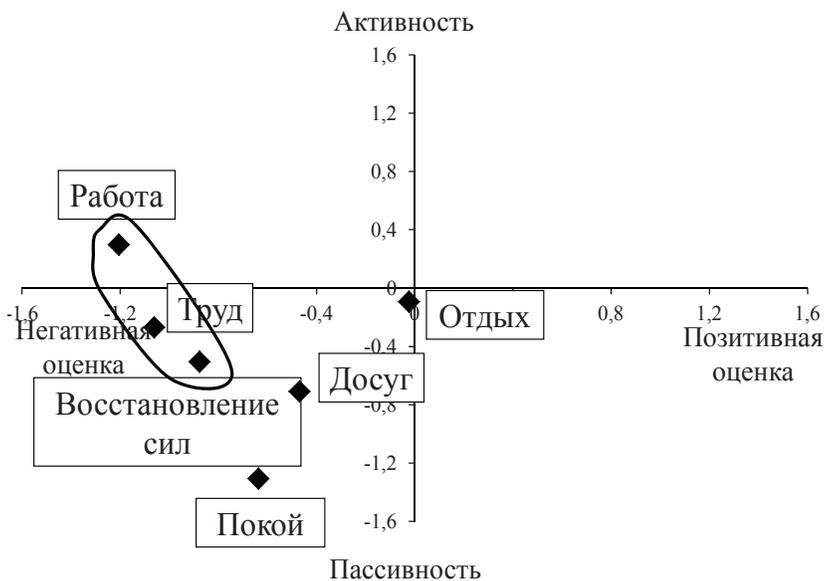
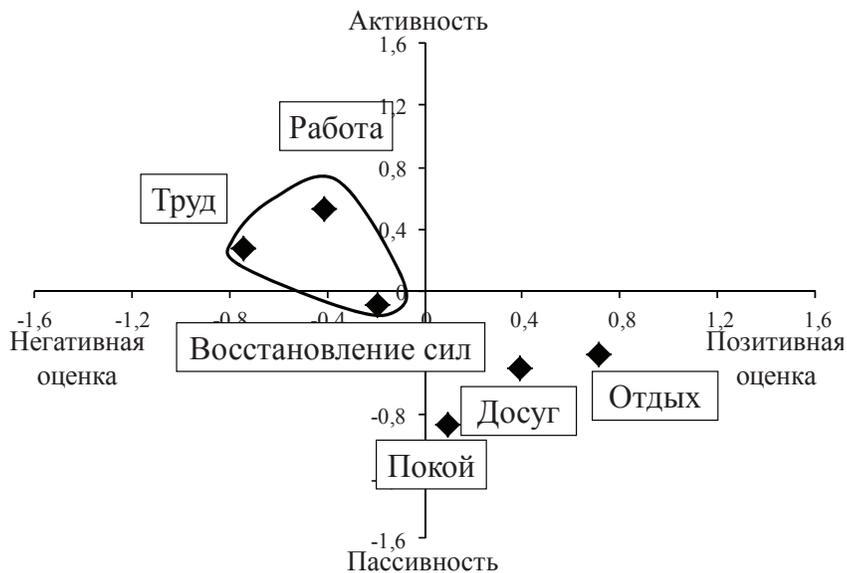

Рис. 2. Семантические пространства понятий из сферы работы и отдыха в кластерных подгруппах 2 (сверху, n=22) и 4 (снизу, n=29)

ставлениях респондентов это та сфера жизнедеятельности, где можно и нужно восстанавливать силы.

Результаты субъективного шкалирования, выявившие подгруппы профессионалов с более выраженной близостью понятия «восстановление сил» к понятиям из сферы работы, указывают на (1) наличие негативного смыслового оттенка в представлениях о рекреации (ее вынужденность по причине утраты ресурсов) и (2) субъективный разрыв в оценке взаимосвязи эрготропных и трофотропных процессов в цикле «работа—отдых». В данных подгруппах рекреационный характер отдыха недооценивается; не исключено, что отдых не планируется как специально организованная деятельность по восстановлению истраченных ресурсов².

Подводя итоги анализа эмпирического материала, накопленного в рамках второго из обозначенных выше направлений изучения отдыха, необходимо подчеркнуть преимущество применения метода семантического дифференциала для анализа базовых представлений об отдыхе. Методы психосемантического шкалирования позволяют выявить не всегда очевидные для обследованных смысл и назначение отдыха, не заставляя респондентов решать более сложную задачу — «вытаскивать» на уровень осознания свое понимание отдыха для последующей вербализации. Собранные данные могут рассматриваться как основа для дальнейшего изучения проактивного и реактивного подходов к отдыху. В дальнейшем целесообразно развивать психологические исследования отдыха, ориентируясь на сбор данных о содержательных способах организации отдыха с оценкой их эффективности.

В целом на основе обобщения эмпирических данных можно сделать следующие **выводы**:

1. Отдых интерпретируется профессионалами как безусловная инструментальная ценность.

2. Основное функциональное назначение отдыха — рекреационное: по мнению большинства респондентов, отдых необходим для восстановления работоспособности.

3. Признание отдыха как ценности у значительной доли обследованных профессионалов носит декларативный характер и не

² Безусловно, трофотропная функциональная интерпретация отдыха не является единственной: понятие «отдых» у многих людей ассоциируется также с областями жизнедеятельности, где могут быть реализованы значимые для человека нерабочие виды эрготропной активности (например, спортивно-игровая деятельность). И тем не менее для поддержки работоспособности и сохранения здоровья в современных организационных условиях, предполагающих самостоятельную организацию сотрудниками режимов труда и отдыха, прежде всего необходимо понимание важности реализации ресурсосберегающих стратегий проактивного планирования отдыха.

выступает как побудительный фактор специально организованной рекреационной активности.

4. Дифференциация разных подходов к планированию и организации отдыха целесообразна для анализа психологических особенностей отношения к отдыху у профессионалов, работающих в условиях гибких рабочих графиков.

5. Можно выделить (а) реактивный подход, специфика которого заключается в отсутствии опережающего планирования отдыха и заполнении перерывов в работе спонтанными способами восстановления, и (б) проактивный подход, связанный с целенаправленным планированием времени и средств отдыха для эффективного восстановления ресурсов.

6. Данные о степени семантической близости категорий «работа», «восстановление сил» и «отдых» позволяют предположить наличие признаков проактивного и реактивного подходов на основании различий в приоритетной интерпретации восстановления сил как разных сторон цикла «работа—отдых» в плане расхода/восполнения ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемяева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. М.: Наука, Смысл, 1999.

Иванников В.А. Воля // Нац. психол. журнал. 2010. № 1. С. 97—102.

Кузнецова А.С. Работа и отдых современного человека // Экология и жизнь. 2008. № 9 (82). С. 82—87.

Кузнецова А.С. Представления об отдыхе как ресурсе сохранения здоровья и обеспечения профессионального развития у специалистов налоговой службы // Психология здоровья: Спорт, профилактика, образ жизни / Под ред. А.А. Бочавер. М.: МГППУ, 2011. С. 214—217.

Кузнецова А.С., Злоказова Т.А. Психологическая саморегуляция психологов-консультантов в напряженных условиях труда // Экопсихологические исследования-3 / Под ред. В.И. Панова. М.: ФГНУ «Психологический институт РАО»; СПб.: Нестор-история, 2013. С. 284—295.

Кузнецова А.С., Лузянина М.С. Представления об отдыхе в системе ценностей современного профессионала // Личность как субъект организации времени своей жизни / Под ред. З.И. Рябикиной, П.Н. Ермакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. С. 106—110.

Леонова А.Б. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2007. № 1. С. 87—103.

Леонова А.Б., Блинникова И.В., Величковский Б.Б., Капица М.С. Экспериментальное исследование прерываний в компьютеризированной деятельности: анализ стратегий переключений между основной и дополнительной задачами // Экспериментальная психология. 2009. № 1. С. 35—51.

Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000.

Лузянина М.С. Отдых в системе ценностей трудящегося человека // Вестн. МГОУ. Сер. Психологические науки. 2009. № 2. С. 125—134.

Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: БАХРАХ-М, 2001.

Широкая М.Ю. Личность как субъект организации времени своей жизни // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2008. № 3. С. 136—139.

Cropley M., Millard Purvis L.J. Job strain and rumination about work issues during leisure time: A diary study // Europ. Journal of Work and Organizational Psychology. 2003. Vol. 12 (3). P. 195—207.

Kuznetsova A., Luzianina M., Filina N. Proactive or reactive approach to recreation planning in work: attitudes of employees to rest in organizations with traditional and flexible work/rest modes // Imagine the future world: How do we want to work tomorrow? / Ed. by G. Hertel et al. Münster: Münstersche Informations- und Archivsystem multimedialer Inhalte, 2013. P. 262.

Leonova A.B., Zlokazova T.A., Kachina A.A., Kuznetsova A.S. The determinants of the development of professional distortions in medical personnel, teachers and psychologists working in an industrial-disaster zone // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. Vol. 6. Is. 3. P. 132—149.

Maslach Ch. A multidimensional theory of burnout // Theories of organizational stress / Ed. by C.L. Cooper. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. P. 68—86.

Schaufeli W.B., Bakker A.B., van Rhenen W. How changes in job demands and resources predict burnout, work engagement, and sickness absenteeism // Journal of Organizational Behavior. 2009. Vol. 30. P. 893—917.

Zijlstra F.R.H., Rook J. The weekly cycle of work and rest: A diary study // Time in organizations / Ed. by R.A. Roe, M.J. Waller, S. Clegg. L.: Routledge, 2009. P. 62—79.

Поступила в редакцию
17.03.14

А. А. Матюшкина, Е. К. Жуковская

УСЛОВИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ ИНТУИЦИИ В ТВОРЧЕСКОМ РЕШЕНИИ

В статье представлено эмпирическое исследование условий актуализации интуиции в творческом решении. Интуиция рассматривается (в контексте теории проблемных ситуаций) как предварительное понимание смысла творческой проблемы, обеспечивающее возможность ее дальнейшего решения. Исследование выполнено на особом материале — фрагментах художественных кинофильмов разных жанров. После просмотра короткого фрагмента кинофильма испытуемый должен был догадаться о завершении сюжета фильма в целом. В исследовании показано, что значимыми условиями актуализации интуиции в решении такого типа проблемных заданий выступают: устойчивость интереса к решению, тип подсказки (жанровая, случайная), интеллектуальные и личностные возможности субъекта (глубина мышления, отражающая возможности анализа; «семантический потенциал» — сходный с решением проблемы эмоциональный опыт).

Ключевые слова: творческое мышление, творческая проблема, проблемная ситуация, интуиция, условия актуализации интуиции, подсказка.

The article presents an empirical study of the conditions for actualization of intuition in creative problem solving. Intuition is considered (in the context of the theory of problem situations) as a special form of a preliminary understanding of sense of the problem situation (creative problem), providing opportunities for further prognosis of solution. The special material of this study — fragments of artistic films of different genres. Subjects were required after viewing a short fragment of the film to guess the finish of the film as a whole. The study shows that significant conditions for actualization of intuition in solving this type of problem tasks are: the stability of interest to the solution, the type of prompt (genre, accidental prompt), intellectual and personal possibilities of the subject (“depth” of thinking; “semantic potential” — similar to the problem an emotional experience).

Key words: creative thinking, creative problem, creative problem solving, intuition, the conditions for actualization of intuition, prompt.

Матюшкина Анна Алексеевна — канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* aam_msu@mail.ru

Жуковская Евгения Константиновна — выпускница ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* evgeniya.5@hotmail.com

Введение

В психологии мышления существуют разные подходы к пониманию интуиции и ее роли в достижении творческого решения. В гештальтпсихологии и когнитивной психологии она понимается как инсайт — внезапное нахождение принципа решения (Вертгеймер, 1987; Дункер, 1965; Metcalfe, Wiebe, 1987); в смысловой теории мышления О.К. Тихомирова — как процесс неосознаваемого поиска, протекающий на операционально-смысловом уровне и проявляющийся в эвристической функции интеллектуальных эмоций (Психологические исследования..., 1969; Тихомиров, 1975); в работах А.В. Брушлинского (1979) интуиция связывается с процессами прогнозирования и понятием «немгновенный инсайт»; в исследованиях Я.А. Пономарева (1960, 1976) — с возможностью осознания непрямого («побочного») результата решения задачи «на догадку» и включения его в дальнейший процесс, обеспечивающий творческое решение; в исследованиях Т.В. Корниловой — с выбором в ситуациях неопределенности при принятии решений (Корнилова и др., 2010). В научной школе С.Л. Рубинштейна интуиция рассматривается как особая форма понимания смысла проблемной ситуации, предшествующая в структуре решения творческой проблемы возникновению семантического гештальта (Матюшкин, 2003; Матюшкина, 2012).

Несмотря на полиморфность интуитивных процессов и неоднозначность их понимания, большинство исследователей подчеркивают необходимость включенности интуитивных звеньев в процессы реального творчества.

Можно выделить две группы условий, актуализирующих интуитивное звено решения. К первой группе относятся характеристики объекта мышления: тип задачи (например, задачи гештальтного типа — Вертгеймер, 1987; задачи на прогноз — Брушлинский, 1979); условия задачи (неопределенность — Корнилова и др., 2010); многообразие функциональных решений (Вертгеймер, 1987; Дункер, 1965), обеспечивающих дивергентность мышления (Гилфорд, 1965); использование подсказки — экспериментального приема, индуцирующего интуитивное звено (Вертгеймер, 1987; Леонтьев и др., 1981; Пономарев, 1967). Во вторую группу входят личностные характеристики субъекта: познавательный интерес к заданию и его сохранение на протяжении всего решения; наличие интеллектуальных и творческих ресурсов, позволяющих достичь решения, и др. В теории проблемных ситуаций (Матюшкин, 2009) условия второй группы рассматриваются не только как необходимые, но и как наиболее значимые для актуализации интуитивного этапа решения. Согласно модели творческой проблемы (Матюшкин, 2003), условиями актуализации интуиции в решении со стороны субъекта выступают познаватель-

ный интерес (проблемная доминанта), а также интеллектуальный, семантический (эмоционально-смысловой) и творческий потенциал субъекта. В качестве значимой характеристики объекта, связанной с актуализацией интуитивного звена, может быть рассмотрена недостаточность условий задания, вызывающая проблемную ситуацию. Все вышеуказанные условия были учтены при разработке заданий для нашего исследования.

Эмпирическое исследование условий актуализации интуиции

В настоящем эмпирическом исследовании проверялись предположения о том, что условиями актуализации интуитивного звена решения являются: 1) возникновение проблемной ситуации мышления; 2) тип подсказки; 3) интеллектуальные возможности субъекта, проявляющиеся в уровнях анализа, обобщения, абстракции и синтеза, определяющих глубину мышления и успешность разрешения проблемной ситуации.

Выборка и процедура исследования

Испытуемым — 114 студентам 3-го курса физического факультета МГУ им М.В. Ломоносова — в рамках изучения курса психологии было предложено принять участие в исследовании интуиции. Исследование включало 2 этапа — диагностический и экспериментальный.

На **первом** (диагностическом) этапе выявлялись интеллектуальные возможности испытуемых. Применялись следующие методики: тест «Сложные аналогии» (на уровень развития формально-логического мышления) (Альманах..., 1995); тест «Прогрессивные матрицы Равена» (на общий интеллектуальный уровень) (Равен и др., 2001); методика «Толкование пословиц» (на уровень абстракции) (Рубинштейн, 1970). Результаты первых двух методик оценивались в соответствии с тестовыми нормативами. Уровни абстракции, выявляемые по методике «Толкование смысла пословиц», выделялись качественно: уровень 2 — буквальная или неточная интерпретация смысла пословицы (2 балла); уровень 3 — конкретная интерпретация (3 балла); уровень 4 — абстрактная интерпретация с точной передачей смысла пословицы (4 балла); уровень 5 — чрезмерно высокий уровень абстракции (теряется смысл пословицы; к данной интерпретации подойдут другие пословицы) (5 баллов). Уровень 1, характеризующийся непониманием смысла пословицы и отказом субъекта от интерпретации, не выявился и не анализировался, так как такие испытуемые в данной выборке отсутствовали.

Второй (экспериментальный) этап строился следующим образом.

Для проведения исследования была создана специальная компьютерная программа, которая содержала фрагменты фильмов и вопросы к ним, выполняющие функцию подсказки. Она была размещена в интернет-ресурсе: испытуемый самостоятельно в ограниченный период времени (в течение нескольких дней) мог выполнить исследование в удаленном доступе в режиме online. Испытуемого просили просмотреть фрагменты кинофильмов и сразу же после просмотра в интерактивном окне компьютера ответить на вопросы, набрав текст, касающийся возможного завершения данного сюжета, и вопросы, выражающие их отношение к исследованию. Название фильма на протяжении всего просмотра и ответов на вопросы к каждому фрагменту располагалось на мониторе компьютера. Время выполнения всех заданий (диагностических и экспериментальных) фиксировалось специальным таймером, встроенным в программу, и ограничивалось. При паузе в ответе более 5 минут (при наборе текста) необходимо было заново начать решение, о чем испытуемых информировали до начала исследования.

Материал исследования

Материалом для исследования выступили значимые фрагменты из художественных кинофильмов, получивших высокую профессиональную оценку и общественное признание. К таким произведениям киноискусства нами были отнесены: 1) полнометражный художественный фильм-драма «Простые вещи», реж. А. Попогребский; 2) короткометражный художественный фильм-мелодрама «Правда» (“*The true*”), реж. Том Тыквер; 3) художественный фильм-комедия «Игра в недотрогу» (“*Playing hard to get*”), реж. Тим Балок; 4) мультипликационный фильм «Чуча», реж. Г. Бардин. Приведем краткое содержание предъявленных в исследовании фрагментов с их завершением в фильмах, которое должны были спрогнозировать в исследовании испытуемые.

«**Простые Вещи**». Врач приходит к тяжело больному одинокому пожилому человеку делать ежедневные уколы. Больной предлагает врачу облегчить его страдания, сделав эвтаназию. Взамен он пишет доктору дарственную на дорогую картину из своей коллекции. Врач, удивленный предложением, уходит, обещая больше не приходить. (Завершение сюжета: врач продолжает лечить больного; в сложной для себя жизненной ситуации, когда срочно требуются деньги, он делает больному инъекцию снотворного и забирает картину; его обвиняют в краже, но пожилой человек, придя в сознание, подтверждает подлинность своей дарственной.)

«**Правда**». Юноша отвечает на телефонный звонок: девушка говорит в трубку, что хочет с ним расстаться. Он поражен, замолкает и вспоминает их знакомство (в сюжете выясняется, что он незрячий): кричит девушка,

он подходит к открытому окну и заговаривает с ней. Выясняется, что она проигрывает сцену для вступительного экзамена в актерской школе. (В конце фильма героиня снова набирает его номер и говорит, что она опять репетировала роль.)

«**Игра в недотрогу**». В кафе пусто и тихо: за столом засыпает мужчина, молча сидит компания друзей, скучают бармен и официанты, лениво играют музыканты. Заходит красивая девушка, и все оживает, каждый пытается заинтересовать ее. Музыканты затевают музыкальное соревнование, пытаются привлечь ее внимание. (Никто не подозревает о том, что она не слышит.)

«**Чуча**». Во фрагменте отсутствуют словесные диалоги героев. Эмоционально-смысловое содержание передается только действием и музыкальным сопровождением (Ж. Бизе — Р. Щедрин «Кармен-сюита»). Дружба мальчика и его няни Чучи проверяется испытанием. Их добрые взаимоотношения нарушены появлением еще одного персонажа. В доме поселяется щенок, который вызывает ревность мальчика. Втайне от няни он уводит его в лес и оставляет там привязанным к дереву. (Завершение сюжета: во время грозы щенок отвязывается, спасает мальчика, заблудившегося в лесу, и приводит к няне.)

Выбор фрагментов представлял особую методическую сложность, так как они должны были отвечать следующим требованиям: быть незнакомыми для испытуемого, чтобы избежать опоры на «прошлый опыт» в решении. Это значимое требование важно было соблюсти как по отношению к фильму в целом, так и по отношению к фрагментам. Так, испытуемый мог не видеть самого фильма полностью, но посмотреть рекламу об этом фильме, составив определенное мнение о его содержании. Такие испытуемые (4 человека) были исключены из анализа результатов исследования. Фрагменты должны были инициировать возникновение проблемной ситуации, вызывать интерес; быть дивергентными (допускать несколько возможных вариантов развития сюжета); быть краткими, но нести в себе смысл и центральную проблему всего фильма (гештальтными); различными по жанру, так как жанр может выступать одной из подсказок в решении.

Вопросы на «догадку» о завершении сюжета

Вопросы для испытуемых, направленные на «догадку» об исходе представленной ситуации и дальнейшем развитии сюжета, разделены на несколько групп. В тексте статьи даны в последовательности, соответствующей предъявлению в исследовании. Первая группа касалась понимания содержания фрагмента и отношения к нему. «Напишите свои первые впечатления об этом видеофрагменте (понравилось ли видео в целом, вызвало ли какие-нибудь эмоции, может, какой-либо персонаж вам особенно понравился/не понравился, интересно ли

вам узнать, чем закончится фрагмент? Коротко расскажите, как вы поняли сюжет просмотренного фрагмента». «Как вы считаете, в чем конфликт этого сюжета?»

Далее следовал вопрос, касающийся эмоциональной включенности, сопричастия зрителей с происходящим: «Переживали ли вы когда-нибудь схожие чувства или эмоции? Как бы вы их описали?»

Третья группа вопросов носила «наводящий» характер, выполняя функцию подсказки. «Предположите самую типичную жанровую развязку этой ситуации». Так, в мультипликационном фрагменте развязка является весьма типичной для данного жанра, и в вопросе о типичной жанровой подсказке испытуемые должны были скорее дать правильный ответ, нежели в вопросе об оригинальном развитии сюжета. «Постарайтесь придумать самый оригинальный способ разрешения этой ситуации». Например, в короткометражном фильме «Игра в недотрогу» (*Playing hard to get*) развязка весьма оригинальна для жанра и в достаточной степени непредсказуема. Предполагалось, что испытуемые дадут правильный ответ, отвечая на вопрос об оригинальном конце фрагмента.

«Теперь постарайтесь отвлечься от того, что это кино, представьте, что такая ситуация произошла в реальной жизни. Предположите самый реалистичный исход этой ситуации». «Как ВЫ считаете, каким на самом деле будет продолжение сюжета? (в данном случае «ВЫ» было написано экспериментатором заглавным текстом для того, чтобы акцентировать, что необходимо указать личное мнение испытуемого, и постараться отвлечься от жанра, от того, что фрагмент вымышленный, и т.д.)». Кинофрагмент «Правда» предполагал эффективность подсказки при ответе на данный вопрос, так как фильм в большей степени отражал реальную жизненную ситуацию, пережитую многими испытуемыми данного возраста.

Далее предъявлялась содержательная подсказка, содержащая указания на ключевой для понимания фрагмента момент, и после нее вопрос о том, не изменился ли прогноз, если да, то как. Например, к фрагменту фильма «Правда» давалась следующая подсказка: «Обратите внимание на сцену знакомства главных героев и увлечение героини».

После просмотра и решений испытуемых просили ответить на вопросы, выявляющие их отношение к заданиям и интерес. «Каково было ваше изначальное отношение к эксперименту и как оно изменилось в процессе?»

Значимой подсказкой к пониманию видеофрагментов являлось название фильма, которое на протяжении всего просмотра видео и ответов на вопросы к каждому фрагменту было «перед глазами» у испытуемых. По сути, название каждого кинофрагмента содержит ответ на вопрос о дальнейшем развитии сюжета и развязке фильма.

Например, в отрывке короткометражного фильма «Правда» разгадка кроется в том, что главная героиня, будучи актрисой, и в жизни постоянно играет, притворяется, шутит и «обманывает» своего друга, и чтобы догадаться, как развяжется сюжет, достаточно задать себе вопрос: «А правду ли она сказала на этот раз?» В этом случае достаточно хотя бы допустить, что она и сейчас играет роль, и развязка становится очевидной.

Анализ решений (догадок о завершении сюжетов) проводился по трем направлениям: 1) наличие и устойчивость интереса к заданию; 2) мера успешности разрешения проблемной ситуации; 3) объем и время ответов, наличие эмоционального компонента, проблемных вопросов и утверждений.

Результаты и обсуждение

Степень интереса испытуемых к выполнению заданий выявлялась по их ответам на вопрос: «Каково было ваше изначальное отношение к эксперименту и как оно изменилось в процессе?» Испытуемые выбирали ответ из предложенных вариантов: приступил(а) с большим интересом, который не угас до сих пор (4 балла); было не очень интересно, но потом увлекло (3 балла); сначала было интересно, потом интерес угас (2 балла); интереса не было, и он не появился (1 балл); 5) другое. В соответствии с ответами выборка разделилась на 5 групп: группа 1 — 25 испытуемых со стабильным интересом к заданиям от начала до конца (+/+), свидетельствующая о возникновении проблемных ситуаций по отношению ко всем кинофрагментам; группа 2 — 19 испытуемых с повышением интереса к заданиям от начала к концу эксперимента (-/+); группа 3 — 45 испытуемых с угасанием исходного интереса к заданиям (+/-); группа 4 — 9 испытуемых, ответивших на вопрос об интересе к заданиям «интереса не было и он не появился» (-/-); в группу 5 вошли 16 испытуемых, выбравших ответ «Другое».

Уровень успешности решения (степень приближенности ответа испытуемого к реальному развитию сюжета) оценивался следующими баллами: 1 балл — полностью неправильный ответ, свидетельствующий о непонимании смысла сюжета; таких испытуемых в данной выборке не было, поэтому данный ответ отсутствует в анализе результатов; 2 балла (уровень 2) — в ответе испытуемого имеются тенденции к правильному усмотрению сюжета (некоторые фразы, предположения, угадывание деталей), но они не столь существенны для решения; 3 балла (уровень 3) — испытуемый угадывает общий принцип развития сюжета или некоторые существенные детали; 4 балла (уровень 4) — ответ испытуемого полностью совпадает с реальным развитием сюжета. Приведем примеры ответов разного уровня решения к кинофрагментам.

«Игра в недотрогу»:

2 «Девушка может выбрать того, кто сыграет самую красивую мелодию».

3 «Она уйдет ... и не обратит ни на кого внимания». «Девушка достанет наушники из ушей».

4 «Мужчина подошел и начал разговаривать с девушкой жестами». «Она ничего не слышала».

«Правда»:

2 «Ему сделают операцию, он прозреет и станет актером». «Молодой человек скажет, что всё время видел происходящее».

3 «Это была шутка с ее стороны».

4 «Она в очередной раз репетировала и “потренировалась” на своем парне, на самом деле все хорошо...». «Она спрашивает: “Я получила новую роль! Ну как тебе?”»

«Простые вещи»:

2 «Врач сдает ключи и больше никогда не появляется в квартире больного». «Врач впоследствии согласится».

3 «Врач успокоился бы и продолжал уход за больным...». «Врач каким-то образом возьмет картину».

4 «Сергей (врач) согласится, но вместо смертельного укола сделает другой». «Он не решится на убийство, но всё-таки придумает способ взять картину».

«Чуча»:

2 «Мальчик бы убежал, но, повзрослев, пожалел о содеянном».

3 «Собаку и мальчика найдут, все закончится хорошо». «Мальчик одумается и вернет собаку».

4 «Пес сорвется с привязи и спасет мальчика». «Собака освободится, поможет мальчику, и они вернутся к себе домой».

Таблица 1

Среднее время решения (в секундах) и интеллектуальные показатели в группах, различающихся по интересу к задаче

Интерес к задаче	Уровень успешности решения			Интеллектуальные показатели	
	4	3	2	Сложные аналогии (кол-во правильно решенных заданий за 3 минуты)	Толкование пословиц (уровни решения)
Группа 1 (+/+)	192	269	150	14.3	3.2
Группа 2 (-/+)	95	232	262	12.0	3.0
Группа 3 (+/-)	250	200	206	15.3	3.4
Группа 4 (-/-)	187	122	113	11.3	3.0

В табл. 1 среднее время решения (в секундах) в группах испытуемых с разными уровнями интереса к заданию соотнесено с уровнями успешности решения и результатами выполнения методик, диагностирующих интеллектуальные возможности субъекта в разрешении проблемной ситуации. Как видно из табл. 1, среднее время успешного решения (по всем кинофрагментам) максимально заинтересованными испытуемыми (группа 1 (+/+), уровень 4), у которых сложились проблемные ситуации по отношению ко всем кинофрагментам, равняется 192 секундам. Данное время условно выступает для нас показателем интуитивного решения, так как именно данная группа характеризовалась устойчивостью познавательного интереса к решению. Интуиция в теории А.М. Матюшкина выступает необходимым этапом решения творческой проблемы, мотивационную основу которой составляет познавательный интерес (проблемная доминанта).

Известно, что логическое решение развернуто во времени и более длительно по сравнению с интуитивным. Поэтому решения, время которых значительно больше 192 секунд, скорее всего, являются результатом сознательных логических размышлений, успешность которых зависит от интеллектуальных возможностей каждого испытуемого. А решения, время которых значительно меньше 192 секунд, могут быть признаны либо интуитивным мгновенным «озарением», либо необдуманым случайным ответом.

Отметим, что в группе 4 (-/-) 4 испытуемых из 9 решили задания на наиболее высоком 4-м уровне (судя по времени решения, интуитивно), опередив группу 1 (+/+). Косвенно это указывает на возникновение проблемной ситуации. (Вероятно, эти испытуемые были неточны в оценке своего интереса к заданию.) Остальные представители группы 4, дававшие решение за 122 (уровень 3) и 113 (уровень 2) секунд, скорее всего, действовали «наугад», и их решения чаще всего не совпадали с решением режиссера.

Заслуживает особого анализа группа 3 (+/-), в которой получены самые высокие показатели по интеллектуальным методикам. Многие испытуемые данной группы верно определили продолжение киносюжетов за счет хорошо развитой формальной логики. В группе 2 (-/+) время решения свидетельствует, скорее, о логическом способе размышлений (за исключением решений на уровне 4). В данной группе получены наиболее низкие показатели выполнения интеллектуальных методик, что может объяснить невысокую успешность решений с опорой на формальную логику. Точные догадки в этой группе были совершены за среднее время 95 секунд. Это может служить примером интуитивного озарения, вероятно, связанного с решением тех заданий, которые и вызвали интерес, отсутствовавший вначале исследования, породив проблемную ситуацию.

Тип подсказки и актуализация интуитивного решения

Жанр кинофильма рассматривается нами как одна из форм подсказки, которая в решении творческой проблемы может быть отнесена к «контекстным» условиям (Матюшкина, 2013). Выбранные для исследования кинофильмы представляли разные кинематографические жанры (психологическая драма, мелодрама, комедия и мультипликация) и неидентично презентировали эмоционально-смысловое содержание. Дадим психологические определения содержания данных жанров.

Драма — кинематографический жанр, содержанием которого являются события обычной жизни людей (в отличие от трагедии, основу которой составляют столкновения личности с роком, миром, обществом, выраженные в напряженной форме борьбы сильных характеров и страстей). При этом смысловой акцент делается на общечеловеческих противоречиях, воплощенных в поступках конкретных персонажей. Кинопроизведения в жанре мелодрамы раскрывают духовный и чувственный мир героев в особенно ярких эмоциональных обстоятельствах на основе контрастов: добро и зло, любовь и ненависть. Жанр комедии характеризуется юмористическим подходом к описанию ситуаций, событий, в которых специфически разрешается момент действенного конфликта или борьбы антагонистических персонажей. Мультфильм по содержанию соответствует жанру сказки, который предполагает выражение в иносказательной форме морально-нравственных ориентиров. Таким образом, драма и мелодрама в значительной степени являются «дивергентными» жанрами, предполагают несколько вариантов (позитивных и негативных) разрешения одного и того же сюжета, выступая более сложными и трудными для разрешения проблемной ситуации мышления. Комедия и мультфильм в большей степени являются «конвергентными» жанрами, предполагая позитивное разрешение заданной в сюжете ситуации, и тем самым «диктуют» жанровое решение сюжета.

Таблица 2

Процент успешных догадок при наличии жанровой подсказки

Название и жанр фильма	Уровень успешности решения		
	4	3	2
«Игра в недотрогу» (комедия)	30	53	17
«Правда» (мелодрама)	48	30	22
«Простые вещи» (драма)	8	51	41
«Чуча» (мультипликационный фильм)	59	28	13

Как видно из табл. 2, наиболее трудным для решения оказался драматический сюжет фильма «Простые вещи», наиболее простым — мультфильма «Чуча», что связано с влиянием жанровой подсказки. Так, в догадке о завершении мультфильма 55 испытуемых из 114 верно угадали продолжение фрагмента именно при ответе на вопрос о типичной жанровой развязке: «В мультиках так всегда», «Ну это же детский мультик», «Сказка должна так закончиться». В определенном смысле можно сказать, что данная подсказка выступила как «прямой» ответ, заблокировав интуитивное звено решения.

На следующем месте по количеству точных «угадываний» стоит короткометражный фильм «Правда» — в этом случае половина испытуемых дала верное решение при ответе на вопрос о типичной жанровой развязке, другая половина высказала верное предположение после предъявления сюжетной содержательной подсказки. В отрывке «Игра в недотрогу» большинство испытуемых угадали лишь основную тенденцию развития сюжета, которая была достаточно очевидна, принимая во внимание жанр, название и сюжет фрагмента. Точно угадать развитие данного сюжета можно было, поняв скрытый смысл фрагмента. Это во многом определялось интеллектуальными возможностями субъекта (глубина мышления).

Наиболее трудным для угадывания фрагментом стал отрывок из художественного фильма «Простые вещи». Лишь 8% испытуемых догадались о точном развитии сюжета. Мы связываем трудность с необходимостью для решения особых личностных предпосылок, в данном случае особенно важную роль играет «семантический потенциал личности» (Матюшкин, 2003; Матюшкина, 2012), который в данном исследовании может быть понят как наличие схожего с проблемной ситуацией эмоционального опыта. После предъявления каждого кинофрагмента испытуемым задавался вопрос: «Переживали ли вы когда-нибудь схожие чувства или эмоции?», апеллирующий к прошлому эмоциональному опыту субъекта, в котором при желании он может отыскать дополнительную подсказку. 86% испытуемых, давших правильное решение, отметили, что им знакомы чувства и эмоции героев, они понимают их и ситуации, в которых те оказались. Например, при решении фрагмента «Игра в недотрогу» многие испытуемые описывали свои эмоции следующим образом: «Да, переживал, учащенный ритм сердца, ощущение, что оно выпрыгнет из груди, желание выделиться перед девушкой и показать себя в лучшем свете», «Да, из кожи вон лезешь, чтобы на тебя внимание обратили», «Когда ты соревнуешься, думаешь, что ты уже добился чего-то, но тут появляется кто-то и берёт это». Можно с уверенностью говорить о том, что наличие схожего с данной ситуацией эмоционального опыта помогало испытуемым лучше почувствовать ситуацию и найти верное решение. Все испытуемые, правильно угадавшие продолжение

фильма «Простые вещи», указали, что им знакома подобная проблема морально-нравственного выбора, и совершенно точно поняли суть проблемы, представленной в этом отрывке. Вместе с тем и при наличии сходного эмоционального опыта необходимо достаточно глубоко и точно распознать проблему, заложенную режиссером в произведение (глубина мышления).

Различия в успешности решения между группами и тип подсказки

Анализ средних значений успешности решения по группам (критерий Вилкоксона—Манна—Уитни, критическое значение $U_{кр.} = 1.96$ при $p \leq 0.05$) выявил следующие статистически значимые различия. Группа 1 (+/+) значимо отличается от группы 3 (+\-) по всем видам решений, индуцируемых разными видами подсказки в разрешении проблемной ситуации фильма «Игра в недотрогу» (типичная жанровая подсказка = 2.109, оригинальное решение = 2.623, реальное развитие ситуации в жизни = 2.279). Вероятно, этот факт объясняется устойчивостью познавательной мотивации испытуемых группы 1. Данный фрагмент был первым по предъявлению в исследовании и для своего решения требовал мотивационной включенности. Вероятно, группе 3 не хватило мотивационного ресурса для решения, так как интерес был нестабилен.

В разрешении проблемной ситуации фильма «Правда» получены значимые различия между группами 2 (-/+) и 4 (-/-) в ответе о наиболее оригинальной развязке (2.229). Вероятно, у испытуемых группы 2 интерес к решению возник по мере «погружения», именно в этот момент возникла проблемная ситуация, позволившая им более успешно по сравнению с группой 4 решить данное задание. В остальных случаях значимых различий в решении по группам не обнаружено. Это может быть объяснено тем, что в решении проблемных заданий на основе фрагментов фильма «Простые вещи» и мультипликационного фильма «Чуча» разрешение проблемной ситуации не смогло быть реализовано: в первом случае задание оказалось слишком трудными для испытуемых, во втором — слишком легким. Для более глубокого понимания полученных результатов планируется провести анализ индивидуальных решений в соотношении с интеллектуальными характеристиками тех испытуемых, которые смогли решить проблемное задание на материале кинофрагмента фильма «Простые вещи».

Случайная подсказка в разрешении проблемной ситуации

Важно отметить, что подсказка оказывается эффективной в сочетании с выраженной познавательной мотивацией испытуемого. При настойчивом стремлении разгадать продолжение фрагмента («про-

блемная доминанта» — Матюшкин, 2003), глубоком и точном понимании проблемы субъект «выхватывает из воздуха» необходимый для решения сходный эмоциональный опыт. При других условиях решения испытуемый может просто не вспомнить или не придать никакого значения имеющемуся у него эмоциональному опыту, и подсказка будет упущена. В этой связи опишем один любопытный факт, который проявился в результатах нашего исследования.

При составлении экспериментального материала к фрагменту «Игра в недотрогу» помимо основной подсказки, предьявляемой после просмотра видео (указанные выше вопросы), по ошибке в предьявляемый материал текста содержательной подсказки попала подсказка к другому сюжету, не вошедшему в эксперимент. Текст был следующий: «Подсказка кроется в моменте, когда врач заходит в кабинет». Несмотря на то что в показанном испытуемым фрагменте не было ни врача, ни кабинета, многих испытуемых эта подсказка натолкнула на внезапное правильное решение. Вероятным ключевым словом-символом в данной ситуации явилось слово «врач», так как оно сразу же по смыслу соотносит данную ситуацию с контекстом проблемы здоровья. Испытуемые, которые находились в неразрешенной проблемной ситуации и пытались понять смысл фрагмента (почему же девушка не обращает никакого внимания на музыкантов, которые так громко играют?), восприняли это предложение как подсказку и внезапно поняли, что героиня никого не слышит.

Данный феномен хорошо соотносится с результатами других исследований условий актуализации интуиции. Так, в исследованиях творческого мышления, выполненных под руководством А.Н. Леонтьева (Леонтьев и др., 1981), в решении задачи «шесть спичек» в качестве подсказки для испытуемого выступил объект, случайно оказавшийся в поле зрения, — солонка. Она и натолкнула испытуемого на мысль выйти за пределы плоскостного решения задачи. В исследованиях Я.А. Пономарева (1960, 1967, 1976) было показано, что условием эффективности подсказки выступает простота наводящей задачи и указание в ней только принципа (не готового ответа) решения основной. С позиций школы С.Л. Рубинштейна (2000) можно говорить о поздних этапах анализа, создающих возможности для синтеза и прогноза. В нашем эпизоде эффективности «случайной» подсказки отличия состоят в особом материале решения, включающем не только логическое, но и эмоциональное содержание. Подсказка оказывается эффективной при особом мотивационном состоянии субъекта, отражающем его интерес к решению («проблемная доминанта»), характерном для проблемной ситуации: невозможность отказаться от решения; познавательная мотивация «выхватывает» из контекста то, что может помочь решить задачу. Вероятно, в решении творческой проблемы именно проблемная до-

минанта обеспечивает возможности синтеза основной и наводящей задач в единое эмоционально-смысловое пространство решения.

Выводы

1. Наличие проблемной ситуации мышления выступает необходимым условием актуализации интуитивного решения. Наиболее эффективно решает задания субъект, проявляющий изначальный интерес и сохраняющий его на протяжении всего решения.

2. Главными показателями актуализации интуитивного звена решения выступают: близость к верному решению (задуманному режиссером); время решения (логическое дольше интуитивного); включенность эмоционального компонента в решение.

3. «Контекстными» условиями, актуализирующими интуитивное звено решения, выступают различные типы подсказки. В зависимости от жанра задания (жанр кинофильма) подсказка выступает или условием, или препятствием для актуализации интуитивного решения.

4. В жанрах, характеризующихся дивергентностью, не предполагающих наличие одного верного решения (драма, мелодрама), подсказка оказывает «наводящее» действие. В жанрах, предполагающих единственно верный ответ (комедия, мультфильм), подсказка может как способствовать, так и препятствовать интуитивному решению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альманах психологических тестов / Сост. Р.Р. и С.А. Римские. М.: КСП, 1995.

Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.

Вертгеймер М. Продуктивное мышление. Пер. с англ. / Общ. ред. С.Ф. Горбова, В.П. Зинченко. Вступ. ст. В.П. Зинченко. М.: Прогресс, 1987.

Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. С. 433—457.

Дункер К. Психология продуктивного мышления // Психология мышления / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. С. 86—235.

Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.

Леонтьев А.Н., Пономарев Я.А., Гиппенрейтер Ю.Б. Опыт экспериментального исследования мышления // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под редакцией Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 269—281.

Матюшкин А.М. Интуиция и творчество // Матюшкин А.М. Мышление, обучение, творчество (серия «Психологи Отечества»). Москва: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. С. 204—216.

Матюшкин А.М. Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: учеб. пособие / Под ред. А.А. Матюшкиной. М.: КДУ, 2009.

Матюшкина А.А. Представления о решении творческой проблемы в научной школе А.М. Матюшкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 3. С. 70—81.

Матюшкина А.А. Феноменология решения творческой проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2013. № 3. С. 46—59.

Психологические исследования творческой деятельности / Под ред. О.К. Тихомирова. М.: Наука, 1975.

Пономарев Я.А. Психология творческого мышления. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.

Пономарев Я.А. Психика и интуиция. М.: Политиздат, 1967.

Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Политиздат, 1976.

Равен Дж. и др. Стандартные прогрессивные матрицы Равена (классическая форма). М.: Когито-Центр, 2001.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.

Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии. М.: Медицина, 1970.

Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

Metcalf J., Wiebe D. Intuition in insight and noninsight problem solving // Memory and Cognition. 1987. Vol. 15. N 3. P. 238—246.

Поступила в редакцию
03.02.14

В. В. Нуркова, Е. А. Бодунов

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА ПРИ АЛКОГОЛИЗМЕ

В статье представлено эмпирическое исследование, направленное на поддержку гипотезы о том, что опора на когнитивно-личностную систему автобиографической памяти является потенциальным ресурсом для борьбы с деструктивной трансформацией самоидентичности в условиях внутриличностного конфликта при алкоголизме. Для изучения автобиографической памяти использовалась методика «Линия жизни» у неамнестичных алкоголиков, воздерживающихся от употребления алкоголя ($n=51$). Были выявлены 3 эффекта компенсации конфликта между деструктивной мотивацией потребления алкоголя и просоциальной мотивацией поддержания субъективно приемлемого уровня самооценки за счет изменения формальных и содержательных характеристик картины прошлого: 1) повышение событийности картины прошлого, отражающее компенсаторный механизм уравнивания большого объема негативного опыта большим индексом позитивности прошлого; 2) смещение массива воспоминаний к раннему интервалу временной оси, отражающее компенсаторный механизм сохранения субъективной продолжительности событийно наполненного отрезка жизни; 3) графическая сглаженность «универсального пика» воспоминаний, отражающая неполное, поверхностное усвоение культурного жизненного сценария и являющаяся индикатором девиантной ориентации личности.

Ключевые слова: автобиографическая память, личность, пластичность памяти, методика «Линия жизни», алкоголизм, мотивационная деформация.

This paper presents empirical study supporting the hypothesis that autobiographical memory may serve as a compensation resource for destructive transformation of self-identity in terms of intrapersonal conflict in alcoholism. 51 non-amnestic alcoholics abstinent from alcohol participated in the study.

Нуркова Вероника Валерьевна — докт. психол. наук, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* pourkova@mail.ru

Бодунов Евгений Александрович — врач ГКУЗ МНПЦ Наркологии. *E-mail:* tyler-z@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант №12-06-33049).

Participants got a standard piece of paper with a horizontal arrow line on it with instruction to consider this line as it was representing the entire lives (Life Line), to locate the most important and memorable events around the timeline, to date the events and to indicate valance and intensity of emotion associated with each recalled event by distance from the arrow top (positive) to its bottom (negative). Three findings relevant to the goal of achievement an acceptable level of self-confidence by transformation of autobiographical memory were identified. First, there was 30% increase number of events on Life Line in comparison to healthy controls (n=92). We explained the result as compensatory mechanism balancing negative experiences of being alcoholic by positive memories to maintain positivity index close to controls. Second, there was a shift of memories to the left part of Life Line. That means that alcoholics both started and finished their Life Lines from earlier memories than controls. We refer this finding to attempt to keep a normal subjective duration of event filled part of past. Third, we found that in alcoholics there was no reminiscence bump in time distribution of memories. In our opinion, it reflects the fact of incomplete acquisition of cultural life script structure.

Key words: autobiographical memory, identity, memory plasticity, Life Line method, alcoholism, motivational distortion.

Ситуация жизненного неуспеха, серьезной болезни или социальной маргинализации ставит человека перед выбором: смириться и принять обусловленный новыми неблагоприятными обстоятельствами негативный взгляд на самого себя или попытаться сохранить позитивное самоотношение, которое впоследствии может стать источником преодоления личностного кризиса? В статье представлено исследование, свидетельствующее, что опора на когнитивно-личностную систему автобиографической памяти является потенциальным ресурсом для борьбы с деструктивной трансформацией самоидентичности и интеграции самосознания в объективно неблагоприятных условиях жизни.

1. Автобиографическая память и личность

Среди многообразного функционального репертуара *автобиографической памяти* (АП) наиболее важна функция развития и поддержания стабильности самосознания личности (Нуркова, 2004). Именно в результате оперирования с автобиографическим материалом человек формирует целостное переживание тождества своей личности во времени (самоидентичность), выделяет систему субъективно значимых индивидуально-личностных свойств (Я-концепция) и осуществляет мониторинг степени их выраженности в своей деятельности (самооценка). В зависимости от того, какая задача стоит перед субъектом (например, презентация себя в

коммуникации, поиск оптимального решения в трудной жизненной ситуации, решение задачи «на смысл» в условиях мировоззренческого выбора), происходит адресация к различным уровням организации АП — от отдельного эпизода прошлого до интегрального образа своей судьбы. Структурно-содержательные характеристики конкретной автобиографической продукции по мере восхождения к более высокому уровню организации АП (изолированные эпизоды — жизненные темы и периоды — история жизни — концепция судьбы) все более представляют ядерные структуры личности и все меньше проецируют ситуативную мотивацию (Нуркова, 2010).

1.1. Автобиографическая память как источник формирования личности. Как в содержательных, так и в структурных аспектах АП представляет собой превращенную форму специально организованных аутоэмоциональных культурных практик и в значительной степени предшествует и определяет развитие личности (Fivush et al., 2011; Nelson, Fivush, 2004). Социальная ситуация развития АП в детском и подростковом возрасте предполагает, что близкие взрослые организуют автобиографический диалог с ребенком таким образом, чтобы воплотить определенный «культурный концепт биографии», за которым стоит поощряемый в данной культурной общности тип личности (Нуркова, 2011; Habermas et al., 2010).

В результате анализа представления о своем прошлом в форме графического изображения истории жизни у студентов и их родителей в цикле наших исследований было показано, что внутрисемейная межпоколенная трансмиссия является основным источником формирования следующих параметров структуры АП: 1) общей событийной насыщенности; 2) соотношения числа позитивных и негативных воспоминаний; 3) интенсивности эмоциональной оценки позитивных воспоминаний; 4) соотношения обобщенных воспоминаний и воспоминаний о ярких конкретных эпизодах (Алюшева, 2014; Alyusheva, Nourkova, 2012). Иными словами, молодые люди заимствуют целостный формат представления о своей жизни, наполняя его индивидуальным автобиографическим материалом. Таким образом, если возрастной задачей дошкольного детства в отношении формирования АП является освоение способа фиксации единичного автобиографического воспоминания, в котором представлены культурно и внутрисемейно значимые аспекты самооценки, то в подростковом возрасте такой задачей становится интериоризация жизненного сценария, определяющего социально нормированную «модель» жизни человека, включающую проект «правильного» жизненного пути, готовность к его деятельностному воплощению и активному отстаиванию.

1.2. Личность как инстанция трансформации автобиографической памяти. По мере взросления человек достигает статуса реализации особой активности, несводимой к обеспечивающим ее психическим процессам, вследствие чего личность начинает доминировать над памятью и определять ее содержания. Взаимоотношения между АП и личностью приобретают реципрокный характер: человек мыслит себя таким, каким помнит, и параллельно трансформирует свои воспоминания в соответствии с тем, каким мыслит себя сегодня. Об этом говорит А.Н. Леонтьев: «Человек вступает в отношение к своему прошлому, которое по-разному входит в наличное для него — в память его личности. Толстой советовал: замечай, что помнишь, что не помнишь; по этим признакам узнаешь сам себя» (Леонтьев, 1975, с. 155).

Очевидно, что преобразование содержания памяти по законам смысловой организации личности требует потенциальной пластичности мнемической системы, предназначенной для фиксации, хранения и актуализации автобиографического опыта. В последние два десятилетия проблематике изучения АП было посвящено множество теоретических и эмпирических исследований, выполненных преимущественно на материале единичных воспоминаний (Нуркова, 2008; см. также обзор: Loftus, Davis, 2006). Доказано, что автобиографические воспоминания не более точны, чем другой материал памяти, однако убежденность субъекта в их истинности значительно выше. Она поддерживается особым переживанием достоверности, названным Э. Тульвингом «автоноэтическим сознанием» (Tulving, 2001), и имеет принципиальное адаптивное значение (нельзя сомневаться в том, что верно помнишь свое личное прошлое).

Координация памяти и личности является основным механизмом «обоснования себя» через автобиографическую аргументацию (*“autobiographical reasoning”* — Fivush et al., 2011) и представляет собой существенный фактор психологического благополучия (Lilgendahl, McAdams, 2011; McLean et al., 2007). Люди с высоким уровнем психологического благополучия характеризуются обширным по объему и хорошо согласованным по временным и тематическим показателям автобиографическим нарративом (Habermas, Köber, 2014). Общая позитивная оценка своего прошлого, выявленная с помощью опросника временной перспективы Ф. Зимбардо (Зимбардо, Бойд, 2010), позитивно коррелирует с проработанностью жизненных планов и перспектив. Высокий балл по данной шкале также обнаруживает положительную связь с высоким уровнем самоуважения, эмоциональной стабильностью, благодарностью, а отрицательную — с агрессивностью, застенчивостью и депрессией.

1.3. Автобиографическая память как средство поддержания продуктивного функционирования личности. Постановка проблемы исследования. Онтогенетическое развитие АП имеет следующую историю. Сначала социальная ситуация развития формирует АП с определенными свойствами. Затем, по мере наполнения фактами, АП становится субстратом построения личности. Затем личность форматирует содержание АП таким образом, чтобы оно обеспечивало поддержку текущей самоидентичности. И наконец, изменение характеристик АП выступает как средство для активного самоизменения личности. Сформировавшись в качестве высшей психической функции, АП приобретает статус психологического орудия регуляции личностных процессов.

Одно из популярных направлений современной психотерапии — нарративная психотерапия — исходит из того, что текст автобиографического нарратива организует личность его носителя. Поскольку очевидным субъектом порождения нарратива является сам человек (пусть и в сотрудничестве с психотерапевтом), порождение нарратива может рассматриваться как целенаправленное действие самосозидания личности (Нуркова, 2010б; Singer et al., 2013).

В дифференциально-психологическом исследовании нами было показано, что зрелая АП обладает потенциалом преодоления психофизиологических ограничений субъекта на уровне личностной регуляции (Василевская и др., 2011). У молодых испытуемых ведущая саморегуляционная функция АП, когда обращение к прошлому происходит преимущественно с целью управления своими психическими состояниями, связана с инактивированным типом нервной системы (что согласуется с представлением о том, что именно процессы управления активацией составляют физиологическую основу регуляции). Другими словами, у молодых людей ведущая функция АП соответствует природной предпосылке. У взрослых испытуемых, напротив, саморегуляционная функция максимально развита у тех, кто обладает активированной нервной системой.

Трансформация целостной истории жизни как инструмент адаптации личности к новому культурному контексту была обнаружена нами в полевом исследовании при сравнении историй жизни пожилых коренных горожанок и коренных сельских жительниц с историями жизни горожанок сельского происхождения, в молодости переехавших в город (Нуркова и др., 2012). Было показано, что воспоминания об отдаленных от момента рассказа периодах жизни создаются в соответствии с актуальной на сегодняшний день идентичностью и выражают ценности, которые господствуют в текущем культурном контексте. В связи с этим у горожанок сельского происхождения воспоминания о деревенском детстве воспроизводятся по «городской» модели даже с большей интенсивностью, чем у коренных

горожанок. Можно утверждать, что, наполняя свою АП «городскими» воспоминаниями, эти женщины «укореняют» целевые для них свойства личности.

К закономерному изменению личностных характеристик ведет и направленное изменение наиболее насыщенных личностным смыслом единичных воспоминаний. В экспериментальном исследовании (Нуркова, Василенко, 2013) при специально организованном воздействии в измененном состоянии сознания (по методике сенсомоторного психосинтеза В.В. Кучеренко) создавались альтернативные «самоопределяющие» воспоминания, в которых испытуемые действовали в соответствии со своим уровнем притязаний в значимой ситуации. «Имплантированные» этим методом воспоминания не только были субъективно эквивалентны сложившимся ранее реальным автобиографическим воспоминаниям, но и при отсроченном обследовании использовались для личностной саморегуляции. Следствием присвоения экспериментально сконструированных «автобиографических» воспоминаний, обеспечивающих фактологическую поддержку желаемой самоидентичности, становилось создание более сбалансированной дистанции между образами «Я-реальный» и «Я-идеальный», что вело к снижению личностной тревожности и к редукции нежелательных черт характера.

В связи с изложенными выше результатами исследований возникает вопрос: доступен ли ресурс орудийного использования АП людям с патологической деформацией мотивационной структуры личности? Может ли трансформация представления о личном прошлом стать для них центральным орудием сохранения личности, своеобразным «последним бастионом» борьбы за свою личность?

Адекватным контингентом для изучения этой проблемы, по нашему мнению, являются лица, страдающие алкоголизмом. Согласно концепции алкоголизма как мотивационной аномалии личности (Братусь, 1988), личность алкоголика представляет собой патологическую мотивационную систему с ведущей мотивацией потребления алкоголя. Однако можно предположить, что при условии достаточно позднего алкогольного дебюта новая «алкогольная» личность не полностью вытесняет собой существовавшую прежде конфигурацию мотивов, поэтому в ситуации воздержания от алкоголя должен наблюдаться феномен внутренне конфликтной личности, где противоборствуют деструктивная мотивация потребления алкоголя и просоциальная мотивация поддержания субъективно приемлемого уровня самооценки. Именно в этом случае, согласно нашей гипотезе, будет проявляться специфический симптомокомплекс формальных и содержательных характеристик автобиографической памяти, отражающий ее компенсаторный потенциал относительно мотивационного дефекта.

2. Исследования автобиографической памяти у неамнестичных алкоголиков

В связи с тем, что при свойственных алкоголизму тяжелых поражениях мнестической функции (например, при корсаковском синдроме) катастрофически разрушается вся система памяти, в свете тематики нашей работы особый интерес представляет анализ литературы об особенностях АП у неамнестичных алкоголиков. При отсутствии тотального когнитивного дефицита (конечно, с рядом оговорок) обнаруженные изменения можно отнести на счет мотивационной деформации личности при алкоголизме, что позволит глубже понять взаимосвязь между личностью и АП.

2.1. Снижение доступности воспоминаний о конкретных эпизодах прошлого у лиц с алкогольной зависимостью. В исследовании А. Д'Аржембо с коллегами (D'Argembeau et al., 2006) алкоголикам, прошедшим процедуру детоксикации в стационаре, и участникам контрольной группы предлагали вспомнить события в ответ на 10 слов-подсказок (5 позитивных и 5 негативных). Было установлено, что неамнестичные алкоголики по сравнению с контрольной группой значимо чаще воспроизводят продолжительные (например, «трехнедельные каникулы») и категориальные (суммирующие ряд событий, например «посещал концерты с детьми») и значимо реже — специфические (например, «ходил на концерт прошлым летом») воспоминания. Однако все-таки актуализированные ими в небольшом количестве специфические воспоминания не отличались от нормы по детальности и уровню погружения в автоноэзис.

Схожие данные были получены в работе К. Уитли с коллегами (Whiteley et al., 2009): в ответ на ключевые слова участники целевой группы (лица с алкогольной зависимостью) воспроизводили в среднем 51% специфических воспоминаний, а участники контрольной группы — 76%. Кроме того, воспроизведение специфических воспоминаний у лиц из целевой группы было существенно затруднено: этот тип воспоминаний актуализировался значительно медленнее, чем в контрольной группе. Таким образом, снижение доступности специфических автобиографических воспоминаний у алкоголиков можно считать достаточно устойчивым эмпирическим фактом.

2.2. Особенности временного распределения автобиографических воспоминаний у лиц с алкогольной зависимостью. В работе Дж.М. Фитцджеральд и С. Шифли-Гров в качестве ключевых слов предлагались названия 20 эмоциональных (позитивных и негативных) состояний. Эпизоды, воспроизведенные в ответ на эти слова, требовалось датировать (Fitzgerald, Shifley-Grove, 1999). Наиболее

интересные результаты состояли в том, что, во-первых, алкоголики воспроизводили значимо более ранние воспоминания (к последним 15 месяцам относились 74% воспоминаний контрольной группы и 47% воспоминаний алкоголиков), а во-вторых, наиболее ранние воспоминания алкоголики воспроизводили в ответ на позитивные слова, а испытуемые из контрольной группы — в ответ на негативные. Таким образом, наблюдался специфический для данной нозологии эффект «обеднения картины недавнего прошлого» в совокупности с повышением доступности позитивных воспоминаний о детстве. По нашим данным, у здоровых респондентов, находящихся в остром стрессовом состоянии в результате неожиданного тюремного заключения, наоборот, картина недавнего прошлого существенно расширялась (феномен «онтологизации настоящего»), а воспоминания о детстве становились практически недоступными (Нуркова, Василевская, 2003).

Дж.М. Фитцджеральд и С. Шифли-Гров обнаружили также несимметричные эффекты во взаимосвязи осознаваемых качеств личности и соответствующих этим свойствам автобиографических воспоминаний. Если в контрольной группе признание свойства, стоящего за словом-подсказкой в качестве присущего респонденту в высокой степени, было однозначно связано с быстрым и содержательно релевантным извлечением из памяти эпизода в ответ на это слово, то в группе алкоголиков такой связи обнаружено не было. Можно сказать, что у алкоголиков наблюдалось разрушение автоматической связи между самоидентичностью и поддерживающим ее корпусом ассоциативно доступных автобиографических воспоминаний.

В том же исследовании у алкоголиков был обнаружен более высокий уровень выраженности универсального эффекта «пика» воспоминаний (непропорционально большое число воспоминаний, относящихся к периоду юности и молодости) по сравнению с контрольной группой. Данный результат вступает в противоречие с положением о том, что наличие универсального «пика» в индивидуальной автобиографической продукции свидетельствует о высокой степени интериоризации культурного жизненного сценария (перечня социально желательных событий жизни человека и их временного расписания) и готовности выстраивать свою жизнь в соответствии с ним (Нуркова, 2010б; Fivush et al., 2011). Мы считаем, что этот результат объясняется суммацией эффектов универсального и индивидуального «пиков» воспоминаний. Последний представляет собой индивидуальную конфигурацию субъективных событийных сгущений, отражающую последовательность «переломных» или «самоопределяющих» воспоминаний, т.е. периодизацию личностью своих значимых изменений (Нуркова и др., 2005). Для алкоголиков

«самоопределяющим» событием, которое группирует вокруг себя другие воспоминания, является осознание у себя факта алкогольной зависимости. Это событие чаще всего относится к молодости, что и создает у исследователей иллюзию усиления универсального «пика».

Данные в поддержку предположения о специфической организующей роли воспоминаний «алкогольной» тематики у лиц, страдающих алкоголизмом, представлены в масштабной работе М. Реми с коллегами (Remy et al., 1990). В их исследовании приняли участие 119 алкоголиков, находящихся на стационарном лечении. После стандартной процедуры ассоциативного воспроизведения воспоминаний в ответ на ключевые слова и их датировки с испытуемыми проводилась беседа с целью выяснения момента осознания алкогольной зависимости. Затем для каждого респондента соотносился момент приобретения алкогольной идентичности (на оси этот момент принимался за 0) и даты иных (из предъявленных 48) важных событий прошлого. Данные обобщались и усреднялись. Для контрольной группы за точку 0 принимался тот возраст, который в алкогольной группе оказался средним возрастом дебюта алкогольного самосознания (алкогольной личности). У лиц с алкогольной зависимостью наблюдалось сгущение воспоминаний о важных событиях в годы, непосредственно предшествовавшие и следовавшие за событием, зафиксировавшим алкогольную деформацию личности в самосознании.

Таким образом, в ряде исследований были установлены следующие особенности АП при алкогольной зависимости: 1) трудность доступа к специфическим воспоминаниям о прошлом, в том числе и к тем, которые служат опорой для описания текущей самоидентичности; 2) обеднение картины недавнего прошлого в совокупности с повышением доступности позитивных воспоминаний о детстве; 3) сгущение воспоминаний вокруг «переломного» автобиографического события — факта осознания алкогольной самоидентичности.

3. Эмпирическое исследование особенностей автобиографической памяти при мотивационной деформации личности у больных алкоголизмом

Цель исследования — выявление взаимосвязи между мотивационной деформацией личности при алкоголизме и механизмами реализации личностных функций, проявляющимися в структурных и содержательных параметрах АП. Предмет исследования — целостное представление личности о своем жизненном пути в соотношении с иерархически организованной мотивационной системой.

3.1. Методика

В зарубежных исследованиях специфики АП при алкоголизме в основном используется ассоциативная методика сбора данных, при применении которой происходит адресация к элементарному способу структурирования мнемического материала, воспроизводимого путем актуализации различных ассоциативных связей. Однако, как показано нами ранее (Нуркова, 2000), механизмы организации материала в АП не сводимы только к ассоциативным законам. Мы считаем, что возможность преодолеть указанное методическое ограничение открывается при применении методики графической экспликации макроструктуры АП («Линия жизни»), что должно привести к обнаружению новых, «личностных» особенностей АП у данного контингента.

В исследовании приняли участие 143 испытуемых мужского пола, 92 из них составили контрольную группу (ср. возраст 38.9 ± 9.8). В целевую группу вошел 51 пациент (ср. возраст 41.5 ± 8.5) наркологической клинической больницы № 17 г. Москвы с диагнозом «синдром зависимости от алкоголя 2-й степени». Исследование проводилось на второй неделе пребывания больных в стационаре, когда острые проявления алкогольного абстинентного синдрома были купированы.

Процедура. Методика «Линия жизни» (стандарт интерпретации см.: Нуркова, 2010а) выполнялась испытуемыми в ходе индивидуальной беседы. Испытуемый получал лист бумаги А4 с горизонтальной стрелкой, разделяющей лист на две равные полуплоскости, и следующую инструкцию: «Представьте, что перед вами ваше прошлое от начала жизни до сегодняшнего дня. Обозначьте самые значимые, наиболее запомнившиеся события. Чем более позитивно событие, тем выше отмечайте его от центральной оси времени (поставьте точку и подпишите), а чем негативнее событие — тем ниже. На самой оси укажите, сколько вам было лет, когда это событие произошло».

3.2. Результаты и обсуждение

Средние показатели по методике «Линия жизни» в группах больных алкоголизмом (А-группа) и здоровых испытуемых (К-группа) отражены в таблице. Анализ этих различий позволил обнаружить три релевантных теме статьи эффекта особенностей структуры и содержания АП больных алкоголизмом. Рассмотрим их подробнее.

Эффект повышения событийности картины прошлого заключается в том, что вопреки предположению о неспецифической деградации автобиографической продуктивности больных алко-

Средние показатели по методике «Линия жизни» в группах больных алкоголизмом (А-группа) и здоровых испытуемых (К-группа)

Показатель методики «Линия жизни»	А-группа	К-группа	Значимость различий по критерию Манна—Уитни (*) или Фишера (**)
Количество воспоминаний	16.3±9.7	11.6±7.6	p=0.00*
Индекс позитивные/негативные воспоминания	2.1±1.24	3.49±2.88	p=0.004*
Возраст первого воспоминания	6.7±4.7	9.1±6.6	p=0.04**
Расстояние от 0 до первого воспоминания (в см)	1.6±1.2	4.53±4.43	p=0.001*
Расстояние от последнего воспоминания до конца линии (в см)	6.03± 5.02	2.66±2.5	p=0.001*

лизмом испытуемые А-группы нанесли на «Линию жизни» в среднем на 30% больше событий, чем испытуемые К-группы (средние 16.3±9.7 против 11.6±7.6, различие значимо $U=1474.5$, $p=0.00$). Причем повышенная событийная насыщенность картины прошлого в А-группе достигается не только за счет увеличения количества негативных воспоминаний (средние 5.86±3.39 против 3.33±2.7, различие значимо $U=1260$, $p=0.00$), но и за счет увеличения количества позитивных воспоминаний (средние 10.43±7.46 против 8.27±5.56, различие значимо $U=1804$, $p=0.017$). Однако при этом не обнаружено различий между группами в уровне специфичности воспоминаний ($U=1081.500$, $p=0.888$), что расходится с описанными в обзорной части статьи данными. В обеих группах получено четырехкратное преобладание конкретных воспоминаний над обобщенными.

Данный результат может показаться парадоксальным. Однако, по нашему мнению, использованная нами методика «Линия жизни», в отличие от применяемого зарубежными коллегами обращения к содержаниям АП путем ассоциаций со стандартным набором стимульных слов, создает такую экспериментальную ситуацию, когда когнитивный дефицит преодолевается в рамках высоко мотивированной задачи, прямо относящейся к личности человека. Задача создать целостную историю своей жизни адресуется к фрустрированной и при этом крайне актуальной для лиц, страдающих алкоголизмом, мотивации сохранения представления о себе как о полноценно функционирующем человеке. В результате гипермотивации испытуемые А-группы выполняют методику как бы с «избытком» по сравнению с испытуемыми К-группы: через актуализацию большего числа воспоминаний респонденты стараются доказать

экспериментатору и самим себе, что им «есть, что вспомнить». Показательно, что 15% испытуемых А-группы (9 человек из 51) вопреки инструкции выполнили методику на двух и даже на трех листах. Например, испытуемый Р.Ж. использовал 3 листа, суммарно нанеся на «Линию жизни» 59 воспоминаний, из них 50 положительных и 9 отрицательных. Испытуемые К-группы не демонстрировали такую «избыточность»: они насыщали «Линию жизни» событиями скорее по принципу «необходимого и достаточного».

Вместе с тем при сохранении общего положительного баланса между позитивными и негативными автобиографическими воспоминаниями в обеих группах «Линии жизни» испытуемых А-группы характеризуются пониженным индексом позитивности. Соотношение числа воспоминаний, расположенных в положительной и отрицательной полуплоскостях листа, для них равно 2.1 ± 1.24 , в то время как в К-группе данный индекс составляет 3.49 ± 2.88 , что значительно различается ($U=1677.5$, $p=0.004$). Причем только у двух из 92 испытуемых К-группы число негативных воспоминаний превысило число позитивных, а в А-группе такое превышение зафиксировано у 5 испытуемых из 51. Логично предположить, что обнаруженная у лиц с алкогольной зависимостью повышенная актуализация позитивных автобиографических воспоминаний выполняет компенсаторную функцию «нейтрализации» большого числа воспоминаний о негативных событиях жизни, связанных со спецификой их заболевания (алкоголизма).

Эффект сдвига массива воспоминаний к раннему интервалу временной оси заключается в том, что испытуемые А-группы в среднем датируют первое воспоминание тремя годами раньше (средние 6.7 ± 4.7 против 9.1 ± 6.6 , различие значимо $F=4.181$, $p=0.04$) и графически отмечают его в 3 раза ближе к началу «Линии жизни» по сравнению с испытуемыми К-группы (средние 1.6 ± 1.2 против 4.53 ± 4.43 , различие значимо $U=429.5$, $p=0.001$). В К-группе не было ни одного случая включения в «Линию жизни» события, отнесенного к возрасту до 3 лет, в то время как в А-группе таких случаев было 4. Например, первое воспоминание «помню себя в больнице, болел корью» датировано возрастом 1 год и 7 месяцев, а воспоминание «рождение брата» — возрастом два с половиной года. В совокупности с этим в А-группе последнее воспоминание находится более чем в 2 раза дальше от конца линии, чем в К-группе (средние 6.03 ± 5.02 против 2.66 ± 2.5 , различие значимо $U=415.5$, $p=0.001$). Эти данные хорошо согласуются с ранее полученными результатами (Fitzgerald, Shifley-Grove, 1999).

Конечно, нет оснований считать, что раннее развитие АП является предиктором алкоголизма в будущем. Скорее, полученный эффект может быть проинтерпретирован как проявление компенсаторного механизма, направленного на сохранение необходимой для

позитивной самоидентичности субъективной продолжительности прожитой части жизни, где обеднение настоящего компенсируется за счет более ранней датировки первого воспоминания.

Эффект графической сглаженности «универсального пика» воспоминаний заключается в том, что испытуемые А-группы в два раза реже организуют временное пространство «Линии жизни» в соответствии с универсальным жизненным сценарием, чем испытуемые К-группы (34% против 68%, $\chi^2=12.398$, $p=0.04$). Таким образом, у людей с алкогольной мотивационной деформацией личности наблюдается снижение эффекта «пика» при обращении к своему жизненному пути в целом, что поддерживает приведенную выше интерпретацию контрастирующих данных, полученных при применении ассоциативной методики.

4. Заключение

Устойчивые характеристики мотивационной системы личности определяют все структурно-функциональные уровни АП, в особенности их влияние значимо при создании субъектом целостной картины своего жизненного пути. На протяжении жизненного пути человека АП закономерно изменяет свой статус относительно личности. Сначала она выступает в качестве предпосылки (субстрата) развития личности с определенными свойствами, затем принимает функцию обоснования наличной самоидентичности и на высшем этапе своего развития может выполнять роль психологического орудия (средства) для целенаправленного самоизменения личности. В ситуации продолжительной фрустрации личность способна реализовывать стратегию закономерной трансформации содержания АП для удержания позитивной самоидентичности.

На материале исследования неамнестичных алкоголиков с применением методики графической презентации истории прошлого («Линия жизни») был выявлен ряд эффектов компенсации внутриличностного конфликта за счет изменения формальных и содержательных характеристик АП. *Эффект повышения событийности картины прошлого* отражает компенсаторный механизм уравнивания большого объема негативных воспоминаний большим объемом позитивных воспоминаний для сохранения положительного индекса позитивности прошлого. *Эффект сдвига массива воспоминаний к раннему интервалу временной оси* отражает компенсаторный механизм сохранения субъективной продолжительности событийно наполненного отрезка жизни. *Эффект графической сглаженности «универсального пика» воспоминаний* отражает неполное, поверхностное усвоение культурного жизненного сценария и может рассматриваться как индикатор девиантной ориентации личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алюшева А.Р. Общекультурная и внутрисемейная трансмиссия структуры автобиографической памяти // *Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика.* 2014 (в печати).

Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

Василевская К.Н., Кабардов М.К., Нуркова В.В. Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти // *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* 2011. № 2(16). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/462-vasilevskaya-kabardov-nurkova16.html#e3>

Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Пер. с англ. О. Гатановой. СПб.: Речь, 2010.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000.

Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // *Мир психологии.* 2004. № 2. С. 77—87.

Нуркова В.В. Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // *Когнитивные исследования / Под ред. В.Д. Соловьева, Т.В. Черниговской.* М.: Ин-т психологии РАН и др., 2008. С. 87—102.

Нуркова В.В. Методика «Линия жизни» как фактор формирования зоны ближайшего развития исторического аспекта самосознания личности // «Зона ближайшего развития» в теоретической и практической психологии: Мат-лы XI Междунар. чтений памяти Л.С. Выготского (Москва, 15—17 ноября 2010 г.). М.: РГГУ, 2010а. С. 88—95.

Нуркова В.В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // *Развитие личности.* 2010б. № 1. С. 74—92.

Нуркова В.В. Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 2011. № 1. С. 79—91.

Нуркова В.В., Василевская К.Н. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации // *Вопр. психологии.* 2003. № 5. С. 93—102.

Нуркова В.В., Василенко Д.А. Формирование вариативного репертуара самоопределяющих воспоминаний как средство развития самоидентичности // *Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер. Психологические науки.* 2013. № 18(119). С. 11—30.

Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // *Психологические исследования: электрон. науч. журнал.* 2012. Т. 5. № 25. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.02.2014).

Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Автобиографическая память: «Сгущения» в субъективной картине прошлого // *Психол. журнал.* 2005. Т. 26. № 2. С. 22—32.

Alyusheva A. R., Nourkova V.V. Identity formation and autobiographical memory: Two interrelated concepts of development // World Academy of Science, Engineering and Technology. 2012. Vol. 66. P. 285—288.

D'Argembeau A., van der Linden M., Verbank P., Noel X. Autobiographical memory in non-amnesic alcohol-dependent patient // Psychological Medicine. 2006. Vol. 36. Iss. 12. P. 1707—1715.

Fitzgerald J.M., Shifley-Grove S. Memory and affect: autobiographical memory distribution and availability in normal adults and recently detoxified alcoholics // Journal of Adult Development. 1999. Vol. 6. P. 11—19.

Fivush R., Habermas T., Waters T., Zaman W. The making of autobiographical memory: Intersections of cultures, narrative and identity // Intern. Journal of Psychology. 2011. Vol. 46. P. 321—345.

Habermas T., Köber C. Autobiographical reasoning is constitutive for narrative identity: The role of the life story for personal continuity // The Oxford handbook of identity development / Ed. by K.C. McLean, M. Syed. Oxford, UK: Oxford University Press, 2014. P. 354—362.

Habermas T., Negele A., Brenneisen Mayer F. “Honey, you’re jumping about” — Mothers’ scaffolding of their children’s and adolescents’ life narration // Cognitive Development. 2010. Vol. 25. P. 339—351.

Lilgendahl J.P., McAdams D.P. Constructing stories of self-growth: How individual differences in patterns of autobiographical reasoning relate to well-being in midlife // Journal of Personality. 2011. Vol. 79. P. 391—428.

Loftus E.F., Davis D. Recovered memories // Annual Review of Clinical Psychology. 2006. Vol. 2. P. 469—498.

McLean K.C., Pasupathi M., Pals J.L. Selves creating stories creating selves // Personality and Social Psychology Review. 2007. Vol. 11. P. 262—278.

Nelson K., Fivush R. The emergence of autobiographical memory: A social cultural developmental theory // Psychological Review. 2004. Vol. 111. P. 486—511.

Remy M., Soukup-Stepan S., Tatossian A. Alcoholism and life events: Short term and long term effects. Role of social support. Factual and methodological problems // Alcohol and behavior: Basic and Clinical aspects / Ed. by H. Ollat, S. Parves, H. Parves. Utrecht, The Netherlands: VSP BV, 1990. P. 39—68.

Singer J.A., Blagov P., Berry M., Oost K.M. Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy // Journal of Personality. 2013. Vol. 81(6). P. 569—582.

Tulving E. Origin of auto-nosis in episodic memory // The Nature of Remembering: Essays in Honor of Robert G. Crowder / Ed. by H.L. Roediger et al. Washington, DC: American Psychological Association, 2001. P. 17—34.

Whiteley C., Wanigaratne S., Marshall J., Curran H.V. Autobiographical memory in detoxified dependent drinkers // Alcohol and Alcoholism. 2009. Vol. 44. N 4. P. 429—430.

А. А. Корнеев, А. В. Курганский

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПОРЯДКА ДВИЖЕНИЙ В СЕРИИ, ЗАДАННОЙ ЗРИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗЦОМ

При отсроченном двигательном воспроизведении серии движений в порядке, обратном тому, в котором ее элементы были заданы зрительными стимулами, возникает вопрос о том, как сохраняется серия в рабочей памяти (РП). Первая возможность состоит в том, чтобы сначала обратить порядок элементов, а потом сохранить результат в РП, а вторая — в том, чтобы запомнить последовательность в исходном порядке и преобразовать порядок элементов непосредственно перед или в процессе выполнения серии. Для того чтобы проверить, какая из этих возможностей реализуется в действительности, был проведен эксперимент, в котором 14 взрослых испытуемых (20—30 лет), наблюдая за движущимся вдоль невидимых траекторий курсором, должны были запоминать эти траектории и отсроченно воспроизводить их на графическом планшете в прямом и обратном порядке. Сравнение длительности латентной фазы и временной структуры последовательности графических движений, воспроизведенных в прямом и обратном порядке, показало, что замена исходного порядка следования сегментов траектории на противоположный не оказывает влияния на длительность латентной фазы, но приводит к возрастанию длительности пауз, возникающих в вершинах траектории. Также обнаружено, что при прямом и обратном воспроизведении траекторий количество допускаемых ошибок и пространственные характеристики движений испытуемых не различаются. Полученные результаты указывают на то, что преобразование порядка элементов происходит непосредственно в процессе реализации серии движений.

Ключевые слова: латентное время, внутренняя репрезентация, серийный порядок, сенсорная память, рабочая память.

Whenever the reverse order of delayed execution of sequence of movements set by a visual template is required, the question arises as to how the sequence

Корнеев Алексей Андреевич — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории нейропсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ст. науч. сотр. лаборатории нейрофизиологии когнитивной деятельности Института возрастной физиологии РАО. *E-mail:* korneeff@gmail.com

Курганский Андрей Васильевич — канд. биол. наук, вед. науч. сотр. лаборатории нейрофизиологии когнитивной деятельности Института возрастной физиологии РАО. *E-mail:* akurg@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 12-06-00327).

representation is stored in working memory (WM). One option is to first reverse the order of movements and then retain the result in WM. The other option is to retain the original order of elements and change it immediately before or during the sequence execution. In order to verify which of the two options takes place we conducted an experiment in which 14 adult (20—30 years old) subjects were asked to memorize the route of visual cursor moving along the invisible polygonal chains and after a given delay to reproduce the motion with a graphical tablet in either direct or reverse order. The analyses of latency and timing for the sequences produced in either direct or reverse order showed that the order reversal does not affect the latency but results in some increase of the time spent (pause) in the vertices of piecewise trajectories. It also shown that the order reversal effect neither spatial characteristics of the reproduced sequences nor the frequency of the erroneous reproduction. The reported results suggest that the reversal of the order of elements in a sequence of movements occurs during the sequence execution

Key words: latency, internal representation, serial order, sensory memory, working memory.

Введение

Большинство действий в двигательном репертуаре человека носят отсроченный характер, в то время как немедленные реакции на события окружающего мира составляют хотя и важное, но все же исключение. Отсроченный характер двигательной деятельности требует наличия эффективного способа сохранения в памяти ее внутренней репрезентации. Считается, что внутренняя репрезентация — план будущего движения — формируется на основе «потребного будущего» (Бернштейн, 1966) или, как принято говорить в современной литературе, «ожидаемых сенсорных последствий» (Glover, 2004; Stock, Stock, 2004). Большинство действий представляют собой более или менее сложные упорядоченные последовательности относительно простых двигательных элементов, и это обстоятельство предполагает, что их внутренняя репрезентация должна содержать информацию о порядке выполнения элементов (Bullock, 2004; Rhodes et al., 2004). Следуя традиции, заложенной Н.А. Бернштейном (1966) и А.Р. Лурия (1969), такие последовательности мы в данной работе будем называть сериями движений, или серийными движениями.

Если речь идет о новой, ранее не встречавшейся серии, то при не слишком больших временных задержках внутренняя ее репрезентация (план серии) сохраняется в *рабочей памяти* (РП). Традиционная модель РП предполагает, что ее объем ограничен определенным количеством «ячеек» (*slots*), в каждой из которых может храниться единица информации (Alvarez, Cavanagh, 2004; Baddeley, 2003; Burgess, Hitch, 2005; Luck, Vogel, 1997; и др.). Однако такой подход к пониманию структуры РП подвергается критике (Cowan,

2000). В последние годы получил развитие альтернативный взгляд, в соответствии с которым РП рассматривается как ограниченный ресурс, распределяемый между всеми одновременно сохраняемыми элементами (Bays et al., 2011; Burnett Heyes, 2012; Fougne et al., 2012; Gorgoraptis et al., 2011; Zokaei et al., 2011). В таком случае увеличение числа сохраняемых элементов снижает количество информации о каждом элементе, которое может быть сохранено.

Прежде чем серия будет реализована в виде соответствующей последовательности движений, ее внутренняя репрезентация должна быть превращена в моторную форму — в правильно упорядоченную последовательность параметров конкретных движений. Основной вопрос, который обсуждается в настоящей работе, заключается в следующем: в какой момент происходит подобное превращение и, следовательно, в какой форме сохраняется внутренняя репрезентация серии в РП (Abrahamse et al., 2010; Agam et al., 2007; Cisek, 2005; Hudson, Landy, 2012).

При отсроченном воспроизведении серии это превращение может быть выполнено заранее, т.е. в процессе восприятия или за время последующего хранения информации в РП. Но оно может происходить также и непосредственно перед двигательной реализацией серии (*pre-programming*) или даже в процессе выполнения ее элементов (*ongoing programming*).

Результаты нашего предыдущего исследования (Корнеев, Курганский, 2013) свидетельствуют о том, что внутренняя репрезентация серии графических движений (ломаных траекторий), сформированная на основе статической информации (симультанной карты движений) или динамической информации (наблюдение за движением объекта по маршруту), сохраняется не в моторной, а, скорее всего, в перцептивной форме (в виде пространственных кодов). В пользу такой точки зрения говорит обнаруженная в этой работе выраженная зависимость времени реакции и времени движения от длительности удержания следа в РП. Время реакции (или латентный период двигательной реакции) — это интервал времени между началом выполнения движений и началом предъявления стимула. Время реакции содержит информацию о длительности происходящих в РП процессов, в частности процессов формирования и преобразования внутренней репрезентации серийного движения. Полученные ранее результаты указывают на поздний характер преобразования внутренней репрезентации последовательности из немоторной формы в моторную. Однако результаты работы (Корнеев, Курганский, 2013) не позволяют ответить на вопрос: информация о предстоящем движении преобразуется в моторную форму в течение латентного периода или также и во время выполнения последовательности графических движений? В частности, остается неизвестным, когда

именно происходит преобразование информации о порядке выполнения элементов.

При необходимости запомнить и воспроизвести новое серийное движение, заданное с помощью движущегося в зрительном поле объекта (такая ситуация возникает, например, при имитации одним человеком движений другого человека), порядок выполнения движений-элементов становится известен уже на стадии зрительного предъявления. Если внести дополнительное условие — воспроизводить последовательность движений в порядке, обратном исходному порядку предъявления ее элементов, — то потребуются дополнительная когнитивная операция преобразования порядка. Если эта операция происходит на ранних этапах (в пространстве исходных перцептивных кодов), то временные издержки, связанные с ее выполнением, не скажутся ни на длительности латентного периода, ни на временной структуре серии движений. В процессе обращения порядка элементов последовательности в РП должны параллельно сосуществовать две версии последовательности — исходная и формируемая обратная. Поэтому в соответствии с традиционными моделями РП можно ожидать возрастания числа ошибок (пропусков, замен элементов и проч.), а в соответствии с ресурсной моделью РП — снижения точности, с которой сохраняются сведения о длинах и пространственной ориентации сегментов ломаной траектории.

Напротив, при позднем преобразовании операция обращения порядка элементов может увеличить латентное время копирования (при построении моторной программы непосредственно перед движением) или сказаться на темпе выполнения движений последовательности (при планировании в процессе движения). В этом случае обращение порядка элементов в процессе выполнения последовательности не требует наличия двух версий последовательности (поскольку обращенная последовательность формируется вовне и доступна перцептивно). Соответственно нет оснований ожидать увеличения числа ошибок и/или снижения пространственной точности воспроизведения элементов серии.

Дополнительную возможность проверить, происходит ли изменение порядка выполнения последовательности на этапе ее восприятия или же позже, во время ее двигательной реализации, предоставляет исследование эффектов недавности (*recency effect*) и первичности (*primacy effect*). Эффект недавности заключается в том, что последние элементы серии запоминаются лучше, чем элементы в ее середине, а эффект первичности — в том, что первый элемент воспроизводится точнее, чем последующие (Аткинсон, Шиффрин, 1998; Gorgoraptis et al., 2011; Murdock, 1962). При этом эффект первичности обычно выражен сильнее эффекта недавности (Rhodes et al.,

2004). Данные исследований, посвященных особенностям прямого и обратного серийного воспроизведения, свидетельствуют о том, что при обращении порядка происходит усиление эффекта «недавности» и ослабление эффекта «первичности» (см. обзор: Hurlstone et al., 2004). В свете имеющихся данных представляется интересным проанализировать наличие и силу этих эффектов на материале серийных движений. Поскольку при обращении порядка элементов последовательности первый и последний элементы меняются местами, при раннем обращении порядка следует ожидать, что эффекты первичности и недавности тоже поменяются местами. Напротив, в случае обращения порядка на поздних этапах нет основания ожидать, что такая замена произойдет.

Для того чтобы проверить, какие из этих возможностей реализуются в действительности, был проведен эксперимент, в котором сравнивались длительность латентной фазы и временная структура последовательности графических движений, заданных движущимся объектом и воспроизводимых испытуемыми в прямом и обратном порядке.

Методика эксперимента

В эксперименте участвовали 14 взрослых испытуемых (6 мужчин, 8 женщин, средний возраст — 25 лет). Испытуемые были проинформированы о характере предстоящей экспериментальной процедуры и выразили согласие на участие в исследовании. Все испытуемые были практически здоровы, характеризовались предпочтением правой руки (по самоотчету), а также нормальным (или корригированным) зрением.

Задача испытуемого состояла в том, чтобы, наблюдая за движущимся по невидимой траектории курсором, запомнить эту траекторию и в ответ на подачу императивного сигнала воспроизвести (скопировать) ее на графическом планшете.

В качестве стимулов использовался набор из 32 различных траекторий — незамкнутых ломаных, состоящих из 6 вертикальных или горизонтальных сегментов (рис. 1). Курсором служил квадрат со стороной 3 мм.

Для предъявления стимулов использовался дисплей с диагональю 40 см и частотой кадровой развертки 60 Гц. Движения записывались с помощью графического планшета (Wacom Intuos3, формат A5) с частотой оцифровки 100 Гц и пространственным разрешением 200 линий на мм.

Каждая проба начиналась с появления фиксационной точки в течение 1000 мс, после чего в течение 3000 мс предъявлялся движущийся вдоль траектории курсор. По окончании стимуляции с задержкой, варьируемой в пределах от 0 до 3000 мс, подавался короткий

тональный звуковой императивный сигнал. В ответ на этот сигнал испытуемый должен был как можно быстрее начать воспроизведение запомненной траектории и выполнять ее максимально быстро, стараясь избегать ошибок, но не исправляя уже допущенные ошибки.

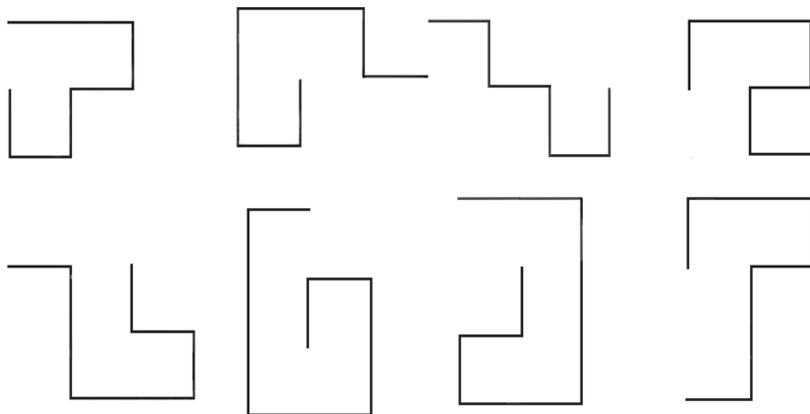

Рис. 1. Примеры траекторий, предъявляемых в эксперименте

Для исключения потенциального влияния лево-правой и верхне-нижней асимметрии на двигательный ответ испытуемого направление первого движения влево, вправо, вверх, вниз в блоке проб встречалось одинаково часто. Начальная точка движения при этом была одна и та же — движение начиналось из центра планшета, это задавалось инструкцией.

Эксперимент был построен по 2×4 внутрииндивидуальной схеме, в которой факторами служили порядок воспроизведения («прямой» или «обратный», далее ПОРЯДОК) и время удержания следа в рабочей памяти (0, 500, 1000 и 3000 мс, далее ЗАДЕРЖКА). Сессия эксперимента состояла из двух блоков проб. В одном блоке испытуемый воспроизводил траекторию в прямом порядке, в другом — в обратном порядке. Порядок выполнения блоков в пределах сессии был уравновешен: половина испытуемых сначала выполняла пробы в прямом порядке, а затем в обратном; вторая половина испытуемых придерживалась противоположного порядка выполнения блоков. Эти два блока проб формировались за счет двукратного предъявления каждой из 32 траекторий, порядок траекторий определялся квазислучайно, отдельно для каждого испытуемого. При этом 4 уровня фактора ЗАДЕРЖКА были с равной вероятностью псевдослучайным образом распределены среди 64 проб блока, каждый уровень этого фактора (0, 500, 1000 и 3000 мс) встречался за время выполнения блока проб ровно 16 раз.

Обработка результатов

Записанные траектории движений — зависимости координат кончика электромагнитного пера планшета от времени — использовались для определения латентного времени (*reaction time, RT*) воспроизведения траектории, средней длительности движения (*moving time, MT*) вдоль одного сегмента траектории и длительности промежуточных остановок в углах траектории (*dwelling time, DT*).

Процедуры определения этих величин подробно описаны в нашей предыдущей работе (Корнеев, Курганский, 2013). Путем визуального сопоставления воспроизведенной траектории с образцом для каждого испытуемого определялось число ошибок. К ошибкам воспроизведения траектории относили неправильное число сегментов (усложнение или упрощение), значительное, затрудняющее узнавание фигуры, искажение при правильном числе сегментов, а также достаточно редко встречающиеся пространственные искажения, в результате которых вся траектория или отдельные ее элементы отражаются относительно горизонтальной или вертикальной оси.

В соответствии с описанными выше представлениями о РП как о ресурсе с ограниченной разрешающей способностью при увеличении количества элементов запоминаемой последовательности можно ожидать снижения качества репрезентации последовательности и увеличения разброса величины углов между элементами при воспроизведении траектории. С этой целью были посчитаны углы между элементами в записях ответов испытуемых. При этом в анализ включались как правильно, так и ошибочно воспроизведенные траектории с числом элементов от 5 до 8. В каждой из анализируемых траекторий измерялись все углы между элементами и затем рассчитывалось стандартное отклонение полученного набора значений. Эти стандартные отклонения усреднялись отдельно для каждой из встречающихся длин траекторий (от 5 до 8). Поскольку при воспроизведении ломаных испытуемые могли пропустить элементы или добавить лишние, количество воспроизведенных элементов можно рассматривать как апостериорный фактор.

С целью оценки пространственной точности выполнения отдельных элементов серии (сегментов траектории) в зависимости от места в серии был проведен анализ стабильности их ориентации относительно горизонтальной и вертикальной осей. Для этого отдельно у каждого элемента каждой траектории вычислялся угол, под которым он находится к горизонтальной оси планшета. Если этот угол оказывался больше 45 градусов, то элемент считался вертикальным и рассчитывался угол его отклонения от вертикальной оси планшета. Далее вычислялось стандартное отклонение полученных угловых значений для элементов в зависимости от порядка их предъявле-

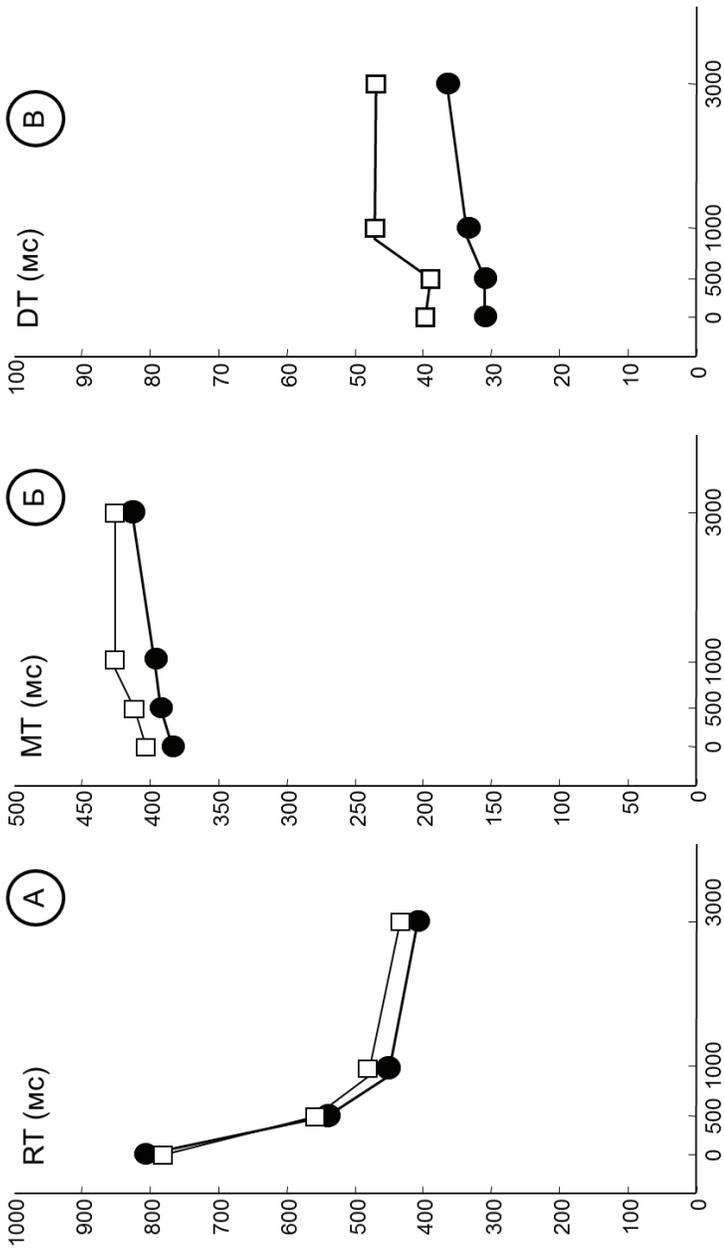

Рис. 2. Зависимость усредненных по группе испытуемых временных параметров RT (А), MT (Б) и DT (В) от величины задержки Δ для прямого (квадраты) и обратного (круги) порядка воспроизведения. Величина задержки Δ дана в секундах, значения параметров — в миллисекундах

ния. В данном случае в анализ были включены только траектории, состоящие из 6 элементов, поэтому в результате было получено по 6 стандартных отклонений — для первого, второго и т.д. элементов.

Результаты эксперимента и их обсуждение

Величины латентного периода (RT), времени движения вдоль одного сегмента (MT) и длительности промежуточных остановок в углах траектории (DT) были подвергнуты дисперсионному анализу (rmANOVA) с внутри-индивидуальными факторами ПОРЯДОК (прямой или обратный) и ЗАДЕРЖКА (0, 500, 1000 и 3000 мс).

Оказалось, что фактор ПОРЯДОК влияет на величину DT ($F(1, 13)=5.13$, $p=0.041$), но не влияет ни на RT ($F(1, 13)=0.749$, $p=0.402$), ни на MT ($F(1, 13)=1.564$, $p=0.233$). Фактор ЗАДЕРЖКА, напротив, оказывает высоко значимое влияние на RT ($F(3, 11)=34.402$, $p<0.0005$) и MT ($F(3, 11)=21.733$, $p<0.0005$), но никак не влияет на DT ($F(3, 11)=1.441$, $p<0.284$). Ни для одной из трех величин не было обнаружено значимого взаимодействия факторов ПОРЯДОК×ЗАДЕРЖКА (все $p>0.326$).

Полученные эффекты иллюстрирует рис. 2, из которого видно, что время реакции RT монотонно убывает с ростом длительности удержания следа в РП. Характер этой зависимости (затухающая экспонента) качественно соответствует полученным ранее результатам (Корнеев, Курганский, 2013) и подтверждает тот факт, что внутренняя репрезентация последовательности движений не является статической, а представляет собой процесс преобразования полученной сенсорной информации в перцептивные коды. Причем этот процесс активно протекает по крайней мере в течение 3 секунд. Отсутствие различий во времени реакции при прямом и обратном воспроизведении может свидетельствовать как в пользу того, что процесс обращения порядка происходит на ранних этапах — в процессе восприятия стимула или сразу после окончания его предъявления, так и в пользу того, что он осуществляется в процессе выполнения последовательности. В пользу второй возможности также свидетельствует значимо большее время промежуточных остановок при обратном воспроизведении — явление, которое обычно связывают с уточнениями и текущим построением программы в процессе движения (*ongoing programming*).

На рис. 3 показано среднее число ошибок при прямом и обратном воспроизведении для разных значений времени задержки. Хотя приведенные на этом рисунке графики показывают тенденцию к увеличению числа ошибок с ростом времени удержания следа в РП, а также несколько большее число ошибок при воспроизведении траектории в прямом порядке, эти эффекты оказались статистически незначимы. Дисперсионный анализ (rmANOVA) с внутрииндивидуальными

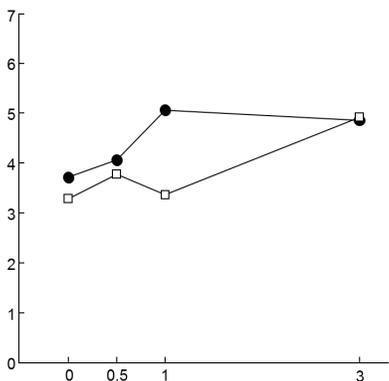

Рис. 3. Зависимость усредненного по группе испытуемых количества ошибок (ось ординат) от величины задержки Δ (ось абсцисс) для прямого (круги) и обратного (квадраты) порядка воспроизведения. Величина задержки Δ дана в секундах

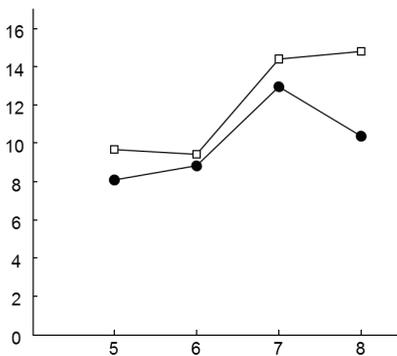

Рис. 4. Зависимость стабильности углов между элементами последовательности от длины траектории для прямого (круги) и обратного (квадраты) порядка воспроизведения. По оси абсцисс указано количество элементов в последовательности, по оси ординат — стандартное отклонение углов между элементами

факторами ПОРЯДОК (прямой или обратный) и ЗАДЕРЖКА (0, 500, 1000 и 3000 мс) показал, что влияние каждого из факторов и их взаимодействия не достигает уровня значимости ($p > 0.2$ во всех случаях).

Отсутствие влияния обращения порядка воспроизведения на количество допускаемых ошибок свидетельствует о формировании последовательности в процессе воспроизведения траектории. В этом случае при обращении порядка нет необходимости удерживать в РП одновременно две последовательности — прямую и обратную, что делало бы задачу более сложной и приводило бы к заметному увеличению числа ошибок при воспроизведении в обратном порядке.

Зависимость меры стабильности воспроизведения углов между элементами от длины воспроизводимой траектории при прямом и обратном ее воспроизведении показаны на рис. 4. Дисперсионный анализ (rmANOVA) с внутрииндивидуальными факторами КОЛИЧЕСТВО ЭЛЕМЕНТОВ (5, 6, 7 и 8) и ПОРЯДОК (прямой или обратный) показал, что оба фактора не влияют на стабильность угла между элементами ($p < 0.2$ в обоих случаях). Взаимодействие факторов также не оказало значимого влияния на оцениваемый параметр ($p = 0.416$).

Описанные выше результаты можно рассмотреть в контексте «ресурсной» модели РП, согласно которой при увеличении числа элементов снижается точность и

полнота информации о каждом из них. В таком случае полученные данные свидетельствуют в пользу того, что обращение порядка не связано с увеличением количества удерживаемых в РП элементов. Пространственные характеристики воспроизводимых испытуемыми траекторий не меняются при обращении порядка. Этот факт, как и предыдущие результаты, свидетельствует в пользу гипотезы позднего формирования порядка элементов и обращения их порядка.

Надо отметить, что количество элементов тоже не влияет на стабильность размера углов между элементами траектории, что противоречит предсказаниям «ресурсной» модели РП. Не исключено, что причина этого заключается в недостаточно большой выборке траекторий с 5 и 8 элементами (их обнаружилось всего 5% от общего числа).

Средние значения меры разброса ориентации сегмента в зависимости от порядкового номера его предъявления при прямом и обратном воспроизведении показаны на рис. 5.

Дисперсионный анализ (rmANOVA) с внутрииндивидуальными факторами НОМЕР ЭЛЕМЕНТА (от 1 до 6) и ПОРЯДОК (прямой или обратный) показал, что ни один из этих факторов не оказывает значимого влияния на стабильность выполнения элементов ($p > 0.8$ для обоих факторов). При этом взаимодействие факторов в данном случае оказалось значимым ($F(5, 9) = 6.877, p = 0.007$).

Характер влияния взаимодействия факторов можно оценить по рис. 5. При прямом воспроизведении (черные кружки) усредненные стандартные отклонения первых элементов относительно высоки, а к последним элементам этот показатель падает (т.е. качество двигательной реализации повышается). В данном случае можно говорить о наличии эффекта недавности (*recency effect*) и отсутствии эффекта первичности (*primacy effect*). При обратном воспроизведении, напротив, от 1 к 6 элементу качество ухудшается, т.е., напротив, наблюдается эффект первичности и отсутствует эффект недавности. Хотя такая картина не соответствует ни имеющимся данным, полученным другими исследователями (см. Hurlstone et al., 2014), ни сформулированным выше гипотезам, тем не менее эти данные можно про-

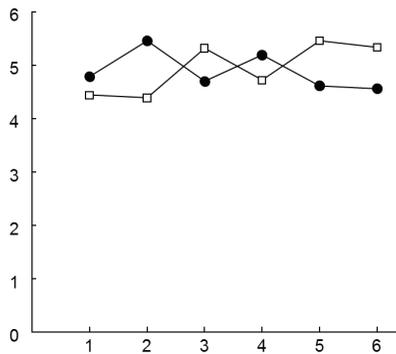

Рис. 5. Зависимость стабильности ориентации элементов от их порядкового номера для прямого (кружки) и обратного (квадраты) порядка воспроизведения. По оси абсцисс указан номер элемента, по оси ординат — стандартное отклонение угла наклона элемента

интерпретировать следующим образом. Эффект изменения качества связан не столько с порядком предъявления элементов, сколько с порядком их воспроизведения. Если предположить, что формирование порядка элементов происходит в процессе выполнения движений, то полученную картину можно объяснить тем, что в начале выполнения точность воспроизведения пространственных параметров снижена за счет загруженности процессами построения программы из многих элементов. Между тем выполнение последних элементов происходит в ситуации, когда серийный порядок уже сформирован и первые элементы последовательности реализованы. В этом случае естественно ожидать более высокой точности воспроизведения пространственных параметров элементов.

Таким образом, выбранный параметр — стабильность ориентации элемента в зависимости от его положения в серии — оказался чувствителен к порядку воспроизведения элементов. Полученные данные указывают на то, что этот параметр изменяется в процессе выполнения серийного действия, что в свою очередь позволяет говорить о том, что процесс построения последовательности происходит на позднем этапе.

Заключение

Полученные в настоящем исследовании результаты свидетельствуют о том, что замена исходного, заданного во время зрительного предъявления, порядка следования сегментов на противоположный не оказывает влияния на длительность латентной фазы воспроизведения последовательности, а также не сказывается на числе ошибок при выполнении и на вариативности пространственных параметров элементов траектории. Тем не менее обращение исходного порядка элементов приводит к хотя и незначительному по абсолютной величине, но статистически значимому влиянию на длительность пауз, возникающих в вершинах траектории.

Отсутствие выраженного влияния порядка выполнения последовательности на число ошибок и меры вариативности ее элементов, а также полученное сочетание двух обнаруженных фактов — нечувствительности длительности латентного периода и чувствительности фазы реализации движения к обращению порядка выполнения элементов серии — делает маловероятным предположение о том, что процесс обращения траектории происходит во время наблюдения или в течение латентного периода. Скорее, полученные данные соответствуют представлениям о текущем программировании (Alouche et al., 2012), т.е. идее о превращении внутренней репрезентации сложного движения из абстрактной или перцептивной формы в моторные коды параллельно с ее двигательной реализацией.

Таким образом, результаты исследования указывают на то, что последовательность сегментов траектории запоминается в исходном порядке и замена порядка ее элементов на обратный происходит, по-видимому, непосредственно в процессе реализации серии движений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аткинсон Р., Шиффрин Р. Управление кратковременной памятью // Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 1998. С. 508—547.

Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. Москва: Медицина, 1966.

Корнеев А.А., Курганский А.В. Внутренняя репрезентация серии движений при воспроизведении статического рисунка и траектории движущегося объекта // Журн. высш. нерв. деятельности им. И.П. Павлова. 2013. Т. 63. № 4. С. 437—450.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

Abrahamse E.L., Jiménez L., Verwey W.B., Clegg B.A. Representing serial action and perception // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2010. Vol. 17. N 5. P. 603—623.

Agam Y., Galperin H., Gold B.J., Sekuler R. Learning to imitate novel motion sequences // *Journal of Vision*. 2007. Vol. 7. N 5 (1). P. 1—17.

Alouche S.R., Sant'Anna G. N., Biagioni G., Ribeiro-do-Valle L.E. Influence of cueing on the preparation and execution of untrained and trained complex motor responses // *Brazilian Journal of Medical and Biological Research*. 2012. Vol. 45. N 5. P. 425—435.

Alvarez G. A., Cavanagh P. The capacity of visual short-term memory is set both by visual information load and by number of objects // *Psychological Science*. 2004. Vol. 15. N 2. P. 106—111.

Baddeley A. Working memory: Looking back and looking forward // *Nature Reviews Neuroscience*. 2003. Vol. 4. N 10. P. 829—839.

Bays P.M., Gorgoraptis N., Wee N. et al. Temporal dynamics of encoding, storage, and reallocation of visual working memory // *Journal of Vision*. 2011. Vol. 11. N 10 (6). P. 1—15.

Bullock D. Adaptive neural models of queuing and timing in fluent action // *Trends in Cognitive Sciences*. 2004. Vol. 8. N 9. P. 426—433.

Burgess N., Hitch G. Computational models of working memory: putting long-term memory into context // *Trends in Cognitive Sciences*. 2005. Vol. 9. N 11. P. 535—541.

Burnett Heyes S., Zokaei N., van der Staaij I. et al. Development of visual working memory precision in childhood // *Developmental Science*. 2012. Vol. 15. N 4. P. 528—539.

Cowan N. The magical number 4 in short-term memory: A reconsideration of mental storage capacity // Behavioral and Brain Sciences. 2000. Vol. 24. N 1. P. 87—114.

Cisek P. Neural representations of motor plans, desired trajectories, and controlled objects // Cognitive Processing. 2005. Vol. 6. N 1. P. 15—24.

Fougnie D., Suchow J.W., Alvarez G.A. Variability in the quality of visual working memory // Nature Communications. 2012. Vol. 3. P. 1229.

Glover S. Separate visual representations in the planning and control of action // Behavioral and Brain Sciences. 2004. Vol. 27. N 1. P. 3—24.

Gorgoraptis N., Catalao R.F., Bays P.M., Husain M. Dynamic updating of working memory resources for visual objects // The Journal of Neuroscience. 2011. Vol. 31. N 23. P. 8502—8511.

Hudson T.E., Landy M.S. Motor learning reveals the existence of multiple codes for movement planning // Journal of Neurophysiology. 2012. Vol. 108. N 10. P. 2708—2716.

Hurlstone M.J., Hitch G.J., Baddeley A.D. Memory for serial order across domains: An overview of the literature and directions for future research // Psychological Bulletin. 2014. Vol. 140. N 2. P. 339—373.

Luck S.J., Vogel E.K. The capacity of visual working memory for features and conjunctions // Nature. 1997. Vol. 390. N 6657. P. 279—281.

Murdock Jr B.B. The serial position effect of free recall // Journal of Experimental Psychology. 1962. Vol. 64. N 5. P. 482.

Rhodes B.J., Bullock, D., Verwey, W.B. et al. Learning and production of movement sequences: Behavioral, neurophysiological, and modeling perspectives // Human Movement Science. 2004. Vol. 23. N 5. P. 699—746.

Stock A., Stock C. A short history of ideomotor action // Psychological Research. 2004. Vol. 68. N 2—3. P. 176—188.

Zokaei N., Gorgoraptis N., Bahrami B. et al. Precision of working memory for visual motion sequences and transparent motion surfaces // Journal of Vision. 2011. Vol. 11. N 14. P. 1—18.

Поступила в редакцию
07.02.14

**А. А. Абрамова, С. О. Кузнецова,
С. Н. Ениколопов, А. В. Разумова**

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЙ АГРЕССИВНОСТИ У БОЛЬНЫХ С ДЕПРЕССИЕЙ РАЗНОЙ НОЗОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, СТЕПЕНИ ТЯЖЕСТИ И ДЛИТЕЛЬНОСТИ

В статье описан характер взаимосвязи количественных и качественных аспектов агрессивности с нозологической принадлежностью, длительностью и тяжестью депрессии. В исследовании участвовали 87 больных с депрессивным расстройством (31 женщина и 56 мужчин) в возрасте от 17 до 46 лет. Депрессивное расстройство протекало как самостоятельное заболевание или сочеталось с другими психическими заболеваниями. Диагноз был зафиксирован врачом-психиатром в истории болезни. В исследовании использовались следующие методики: методика Цунга, шкала Бека, Торонтская алекситимическая шкала, тест Вагнера «Рука» в модификации А.В. Герасимова, методика Басса—Дарки, методика Розенцвейга в модификации Н.В. Тарабриной, компьютерная психофизиологическая методика «Operator». Показана специфика агрессивности у больных с депрессивными расстройствами по сравнению со здоровыми испытуемыми. У больных депрессией по сравнению со здоровыми испытуемыми более выражены агрессивность, подозрительность, обидчивость и враждебность. Выраженность этих параметров возрастает с утяжелением депрессии, а с увеличением длительности заболевания выраженность агрессивности снижается. Уровень физической агрессии выше при депрессивном расстройстве в рамках психопатий. В группе больных депрессией женщин повышена агрессивность, в группе больных депрессией мужчин выше общая и физическая агрессия. При депрессивных расстройствах ухудшается оценка и распознавание эмоционального состояния окружающих и своего собственного.

Абрамова Аида Алексеевна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН. *E-mail:* aida-abramova@yandex.ru

Кузнецова Светлана Олеговна — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН. *E-mail:* Kash-kuznezova@yandex.ru

Ениколопов Сергей Николаевич — канд. психол. наук, зав. отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН. *E-mail:* enikolopov@rambler.ru

Разумова Анна Васильевна — канд. психол. наук, директор психол. центра «Линии жизни». *E-mail:* ann-razumova@yandex.ru

Ключевые слова: эндогенная психическая патология, депрессия, агрессия, агрессивность, эмоциональная экспрессия.

This article describes the nature of the relationship of quantitative and qualitative aspects of aggressiveness with nosology, duration and severity of depression. The study involved 87 patients with a depressive disorder (31 women and 56 men) aged 17 to 46 years. Depressive disorder occurs as an independent disease, or combined with other mental illnesses. The diagnosis was recorded as a psychiatrist in the history of the disease. The study used the following methodology: Zung's method, Beck scale, Toronto Alexithymia Scale, Wagner's "Hand-test" (A.V. Gerasimov's modification), Buss—Durkey Inventory, The Rosenzweig Picture-Frustration Study (N.V. Tarabrina's modification), computer psychophysiological method "Operator". The quantitative and qualitative character of aggressiveness in patients with mental disorders as compared with healthy subjects is shown. In depressed patients compared to healthy subjects are more pronounced aggression, suspicion, resentment and hostility. Intensity of these parameters increases with worsening depression and with increasing duration of disease severity decreased aggressiveness. Level of physical aggression is higher at depressive disorder within psychopathy. In the group of female patients with depression increased aggressiveness, in the group of male patients with depression increased general and physical aggression. In depressive disorders worsens assess and recognize the emotional state of others and their own.

Key words: endogenous mental pathology, depression, aggression, aggressiveness, emotional expression.

Проблема взаимосвязи агрессивности с психическими расстройствами, в частности с депрессией, уже давно разрабатывается в психологических и клинических исследованиях (Абрамова, 2005, 2006а, б; Ваксман, 2005; Ениколопов, Садовская, 2000; Biaggio, Godwin, 1987; Blackburn, 1974; Schless et al., 1974), но до сих пор остается актуальной. Впервые эта проблема была сформулирована З. Фрейдом. Результаты исследований этой области весьма неоднозначны. Существует мнение, что для депрессивного расстройства не характерны агрессивность и агрессивные действия, за исключением суицидальных тенденций, которые трактуются как проявления аутоагрессии (Руководство..., 1999; Смулевич, 2000). Исследователи отмечают тесную связь депрессивных расстройств с суицидальными намерениями и в тоже время отрицают существенные различия в уровне агрессивности между больными депрессией и здоровыми испытуемыми (Castrogiovanni et al., 1998). Есть данные о том, что при депрессии уровень агрессивности повышен и наряду с прямыми ее проявлениями у больных наблюдаются раздражительность, подозрительность и негативизм (Куликов, 1997; Wolfersdorf, Kiefer, 1998). Выявлено наличие патогенетической связи между депрессивным

расстройством и агрессивностью в виде общих нейрохимических механизмов возникновения депрессивных расстройств и агрессивности, в частности нарушения обмена серотонина (Srikumar et al., 2001). Показано также, что сочетанные симптомы тревоги и депрессии, агрессивности и делинквентности обусловлены генетически (Гиндина, 2005).

Под агрессивностью чаще всего понимают свойство личности, выражающееся в готовности к агрессии и в склонности воспринимать и интерпретировать поведение другого как враждебное. Агрессия — это любая форма поведения, нацеленная, мотивированная на причинение кому-либо физического или психологического ущерба, вреда (Берковиц, 2001; Реан, 1996). Ф.С. Сафуанов (2003) отмечает, что агрессивность часто выступает как внутреннее побуждение к совершению агрессивных действий, закрепленный, привычный способ поведения в определенных жизненных ситуациях или как черта личности, но она может проявляться и только при фрустрирующих обстоятельствах как реакция на стрессовую, неприятную ситуацию.

Среди широкого спектра психических расстройств депрессия — одно из наиболее широко распространенных заболеваний современности, и число людей, страдающих этим недугом, неуклонно растет (Вертоградова, 1997; Куликов, 1997; Руководство..., 1999). Вероятность развития в течение жизни монополярной депрессии составляет до 20%. Ежегодно более 100 млн жителей нашей планеты обнаруживают признаки депрессии, причем у женщин риск возникновения и в дальнейшем повторения депрессивного расстройства в два раза выше по сравнению с мужчинами. Кроме того, наряду с увеличением распространенности депрессий в современном мире отмечается рост агрессивного и аутоагрессивного поведения (Крупина, 2000).

Проявления агрессивности тесно связаны с эмоциональным состоянием человека. В частности, при депрессии такие важные части социализации и социальной коммуникации, как восприятие и интерпретация эмоциональной экспрессии (Михайлова, 2002), искажаются. Депрессия меняет восприятие и оценку поступающей информации, нарушает адекватность реагирования, приспособительное поведение, произвольный контроль поведения и снижает работоспособность (Филатова, 2000). Эмоции, выполняющие в норме роль одного из механизмов внутренней регуляции психических и физиологических процессов приспособительного поведения, в условиях патологии превращаются в дезорганизующий фактор. А. Бек (Beck, 1970) первым высказал предположение о том, что больные депрессией игнорируют позитивные сигналы, а негативным уделяют чрезмерное внимание. По данным исследований Н.С. Курека (2001), у подростков с агрессивным поведением и депрессивными симптома-

ми, злоупотребляющих психоактивными веществами, была выявлена неточность опознавания эмоциональной экспрессии по жестам и позам. В группе женщин, страдающих алкоголизмом, по сравнению со здоровыми испытуемыми отмечается снижение точности опознавания эмоций «радость», «печаль», «гнев», «страх». Выражение радости является наиболее легко и точно распознаваемым (Ekman, Friesen, 1976; Young et al., 1995). Механизмы опознавания эмоций гнева и страха исследованы в меньшей степени по сравнению с эмоциями радости и горя (печали). Это направление представляет особый интерес в связи с важностью опознавания этих эмоций для адекватно-приспособительной деятельности человека, так как утрата способности их правильного распознавания может быть причиной девиантного (агрессивного) поведения (Davidson et al., 2000).

В ходе проведенного нами многолетнего эмпирического исследования, посвященного изучению роли агрессивности в этиопатогенезе психических заболеваний (шизофрения, психопатии и аффективные расстройства), решались следующие основные задачи: 1. Выделение спектра факторов, способствующих формированию и проявлению агрессивности при психических заболеваниях. 2. Определение и анализ связей между агрессивностью в структуре психических заболеваний и восприятием и оценкой эмоционального состояния окружающих и своего собственного как клинико-психологических параметров психических заболеваний.

В данной статье представлены результаты **исследования проявлений агрессивности у больных с депрессией разной нозологической принадлежности, тяжести и длительности.**

Задачи исследования: 1. Выявить уровень и характер проявления агрессивности при депрессивных расстройствах. 2. Определить и проанализировать связи между агрессивностью в структуре психических заболеваний и восприятием, оценкой эмоционального состояния окружающих и своего собственного. 3. Сравнить результаты, полученные в группе больных, с результатами в нормативной группе. 4. Выявить особенности уровня и проявления агрессивности и восприятия, оценки эмоционального состояния окружающих и своего собственного в зависимости от тяжести, длительности, нозологической принадлежности депрессивного расстройства и в зависимости от пола больных.

Выборка. В исследовании участвовали 87 больных с депрессивным расстройством (31 женщина и 56 мужчин) в возрасте от 17 до 46 лет. Критерий включения в исследование больных, находящихся на стационарном лечении — наличие депрессивного состояния различной степени тяжести, клиническая картина которого исклю-

чала наличие бредовых и галлюцинаторных расстройств, а также заболеваний ЦНС. Депрессивное расстройство протекало как самостоятельное заболевание или сочеталось с другими психическими заболеваниями. Диагноз был зафиксирован врачом-психиатром в истории болезни. В соответствии с этим вся выборка больных была разделена на три группы. Группа 1 — депрессия в рамках аффективных расстройств (23 мужчины и 22 женщины): F 31 — биполярное аффективное расстройство (17 человек), F 32 — депрессивный эпизод (3), F 33 — рекуррентное депрессивное расстройство (10), F 34.0 — циклотимия (8), F 34.1 — дистимия (1), F 41.2 — смешанное тревожное и депрессивное расстройство (2) и F 43.21 — пролонгированная депрессивная реакция (4 человека).

Группа 2 — депрессия в рамках шизофрении (15 мужчин и 8 женщин): F 20 — шизофрения (3 человека), F 21 — шизотипическое расстройство (15) и F 25.1 — шизоаффективный психоз (5 человек).

Группа 3 — депрессия в рамках психопатий (18 мужчин и 1 женщина): F 61.0 — смешанные расстройства личности (8 человек), F 60.1 — параноидное расстройство личности (1), F 60.3 — эмоционально неустойчивое расстройство личности (6), F 60.4 — истерическое расстройство личности (2) и F 60.6 — тревожное расстройство личности (2 человека).

Контрольную группу составили 68 человек, не страдающих психическими заболеваниями, — 37 женщин и 31 мужчина в возрасте от 17 до 45 лет.

Методики

1. Для исследования/диагностики (уровня, характера) депрессии применялись: а) Методика Цунга для диагностики депрессии (Балашова, 1997); б) Шкала Бека для субъективной оценки депрессии (Тарабрина, 2001).

2. Для исследования/диагностики агрессивности и агрессии:

а) Тест Вагнера «Рука» в модификации А.В. Герасимова (1999), направленный на изучение агрессивности. Обследуемому предлагают описать действия, совершаемые изображенной на карточке рукой. Ответы оценивают по 11 классическим шкалам и по 5 субшкалам согласно направленности приписываемых руке действий: 1) взаимодействие субъект—субъект; 2) взаимодействие субъект—объект; 3) действие, направленное на себя; 4) незавершенное, конфликтное, символическое действие; 5) отсутствие действия, описательная характеристика.

б) Методика Басса—Дарки, позволяющая оценивать агрессию на основе самоотчета обследуемого о совершенных им агрессивных действиях в прошлом (Практическая психодиагностика, 1998).

в) Методика Розенцвейга в модификации Н.В. Тарабриной (2001) для изучения реакции испытуемого, в том числе агрессивной, и ее направленности во фрустрирующих ситуациях.

3. Для исследования правильности оценки и восприятия эмоционального состояния окружающих и своего собственного:

а) Торонтская алекситимическая шкала Тейлора (Алекситимия..., 1994).

б) Компьютерная психофизиологическая методика «Operator» (Моносова, 1994), предназначенная для исследования восприятия эмоциональных мимических стимулов. На экране монитора (в центре поля зрения) в случайном порядке предъявляли фотографии лиц, выражающих эмоции «радость», «горе», «гнев», «страх». Проводили 2 серии эксперимента. В 1-й серии на экране компьютера в случайном порядке испытуемому предъявлялись то эмоция радости, то эмоция горя. Во 2-й серии — то эмоция гнева, то эмоция страха. Предъявлялось 8 изображений каждой эмоции от минимальной до максимальной степени выраженности. Испытуемого просили как можно быстрее идентифицировать эмоцию и нажать правую (если он видит эмоцию горя в 1 серии и эмоцию страха во 2 серии) или левую (если он видит эмоцию радости в 1 серии и эмоцию гнева во 2 серии) клавишу «мыши» компьютера. После нажатия клавиши изображение лица заменялось маскировочным фоном. Неправильная идентификация эмоции или отсутствие ответа в течение 1500 мс фиксировались как ошибка выбора.

Обработка результатов производилась с помощью статистического пакета Statistica for Windows версия 6.0. Для оценки значимости межгрупповых различий использовались критерии Манна—Уитни и Колмогорова—Смирнова. Для определения меры связи между отдельными показателями подсчитывался коэффициент корреляции Спирмена, а также процент совпадения значений.

Результаты

1. Агрессивность в группах здоровых испытуемых и больных депрессией

По тесту «Рука» в группе больных (Б-группе) выявлена достоверно более высокая, чем в контрольной (К) группе, агрессивность, направленная на предметы (неживые объекты) ($p < 0.001$). При этом по уровню агрессивности, направленной на людей, группы Б и К не различаются (значения этого параметра одинаково высокие). Согласно фрустрационной теории (Dollard et al., 1939), агрессивность — одна из форм поведения, порождаемого фрустрацией. Агрессивное поведение может не проявляться в момент фрустрации, прежде всего из-за угрозы наказания. В этом случае происходит «смещение», в результате которого агрессивные действия направляются на объект,

нападение на который ассоциируется с наименьшим наказанием. Можно предположить, что смещение агрессивности на предметы (неживые объекты) у больных происходит из-за страха неодобрения (Абрамова, 2005).

Результаты теста Басса—Дарки показали, что в Б-группе достоверно более выражены подозрительность ($p=0.03$), обидчивость ($p=0.004$) и враждебность ($p=0.004$). Это частично согласуется с данными о том, что больные демонстрируют более высокие показатели по шкале «подозрительность» (Wei Wang et al., 2002; Wolfersdorf, Kiefer, 1998).

По результатам теста «Рука» в Б-группе отмечается тенденция к более выраженному внутреннему диалогу, что косвенно может свидетельствовать о тенденции к «застреванию» на собственных переживаниях, постоянной проработке своих проблем. В Б-группе выявлена также алекситимия ($p<0.001$), которая означает неспособность к распознаванию и точному описанию эмоционального состояния (собственного и другого человека), что может приводить к трудностям и конфликтам в межличностных отношениях. Алекситимия при психических заболеваниях положительно и достоверно ($0.001\leq p\leq 0.03$) коррелирует с агрессивностью, враждебностью, подозрительностью и обидой (Абрамова, 2005).

По результатам методики «Operator» в Б-группе обнаружено достоверно более длительное время опознавания эмоций «радость», «горе», «страх» и в особенности «гнев» ($p<0.001$). Эти данные согласуются с общей моторной заторможенностью, наблюдаемой при депрессии (Руководство..., 1999).

В Б-группе, в отличие от К-группы, процент ошибок опознавания эмоций горя и страха положительно и достоверно коррелирует с агрессивностью, а процент ошибок опознавания радости — с негативизмом и подозрительностью. Таким образом, в Б-группе ошибки восприятия связаны с личностными качествами, способствующими развитию агрессивного поведения (Абрамова, 2005).

В Б-группе при ошибочном опознавании радости и горя наблюдаются реакции по типу «ложной тревоги» (время правильного опознавания стимулов превышает время ошибочного выбора ответа), а при опознавании гнева и страха — «пропуски стимула» (время правильного опознавания стимулов короче времени ошибочного выбора ответа). В К-группе реакции по типу «ложных тревог» отмечались только при ошибочном опознавании радости, а при опознавании негативных эмоций — «пропуски стимула». Таким образом, здоровые испытуемые если и испытывают затруднения, то в равной степени при опознавании всех предложенных негативных эмоций (горе, гнев и страх), что согласуется с опубликованными ранее данными, а больные затрудняются преимущественно в опо-

знании гнева и страха, т.е. эмоций, имеющих особую важность для адекватно-приспособительной деятельности. Утрата способности их правильного распознавания может быть причиной девиантного (агрессивного) поведения (Моносова, 1994).

Можно предположить, что данные об одинаковом характере опознавания эмоций радости и горя в Б-группе могут быть связаны с действием механизма «психологической защиты» (Костандов, 1983): у больных с болезненным переживанием печали порог опознавания выражения горя на лицах других людей повышен.

2. Агрессивность в группах больных с разной степенью тяжести депрессии

На основании результатов шкалы депрессии Бека было выделено 5 групп больных по тяжести депрессии: 1) с минимальной депрессией (3 женщины и 12 мужчин); 2) с легкой депрессией (6 женщин и 13 мужчин); 3) с депрессией средней тяжести (5 женщин и 9 мужчин); 4) с тяжелой депрессией (12 женщин и 12 мужчин); 5) с очень тяжелой депрессией (8 женщин и 7 мужчин).

Наиболее отчетливые различия были получены при сравнении групп больных с *минимальной* (Мин) и *очень тяжелой* (ОТ) депрессией.

По тесту «Рука» в ОТ-группе выявлен достоверно более высокий, чем в Мин-группе, показатель агрессивности, направленной на людей ($p=0.05$).

По тесту Басса—Дарки в ОТ-группе обнаружены достоверно более высокие, чем в Мин-группе, личностные показатели подозрительности ($p=0.006$), обиды ($p=0.005$) и враждебности ($p=0.008$).

Качественный анализ результатов теста Розенцвейга показал, что в ситуациях фрустрации больные Мин-группы чаще всего игнорируют конфликтную ситуацию, а у больных ОТ-группы проявляется агрессивность, направленная на окружающих и на ситуацию — как реакция на стресс.

Кроме того, в ОТ-группе отмечено достоверное увеличение уровня алекситимии ($p=0.01$), а по результатам методики «Operator» — достоверно более длительное время опознавания эмоции гнева ($p=0.007$).

В Мин-группе при ошибочном опознавании радости, горя и страха зафиксированы реакции по типу «ложных тревог», а при ошибочном опознавании гнева — «пропуски стимула». В ОТ-группе при ошибочном опознавании всех предложенных эмоций отмечались «пропуски стимула».

Таким образом, у больных ОТ-группы на фоне подозрительности, обидчивости и враждебности отмечаются повышенная агрессивность как личностная черта и как реакция на стресс, а также изменения

восприятия эмоционального состояния окружающих и себя. Это свидетельствует о наличии «благоприятной почвы» для развития агрессивного поведения у больных с очень тяжелой депрессией, и подтверждает гипотезу о взаимосвязи всех описанных выше показателей (агрессивности, подозрительности, обиды, враждебности, повышения уровня алекситимии и увеличение времени опознавания эмоции гнева) как некоего симптомокомплекса.

Следует обратить внимание также на то, что в ОТ-группе при ошибочном опознавании гнева преобладают реакции по типу «пропуск стимула» и отмечается более длительное время опознавания этой эмоции, хотя по характеру ошибок при опознавании радости, горя и страха группы Мин и ОТ не различаются. Для объяснения особенностей опознавания эмоциональной лицевой экспрессии можно предположить более выраженную общую заторможенность больных ОТ-группы, однако в этом случае опознавание всех эмоциональных мимических стимулов было бы одинаково длительным, а этого не наблюдается. Время опознавания радости, горя и страха при разной тяжести депрессии достоверно не различается. Полученные данные скорее можно рассматривать как проявления механизма «психологической защиты», а также как возможную склонность к «застреванию» на собственных переживаниях, более выраженную у больных с тяжелой формой депрессии.

3. Агрессивность в группах больных с разной длительностью депрессии

По длительности заболевания, зафиксированной в истории болезни, было выделено две группы: 1-я — до 1 года включительно (6 женщин и 9 мужчин) и 2-я — более 1 года (25 женщин и 47 мужчин).

По данным теста «Рука», в группе *больных с длительностью депрессии более 1 года* (Б1) по сравнению с группой *больных с длительностью депрессии менее 1 года* (М1) выявлена достоверно более низкая агрессивность, направленная на предметы ($p=0.02$). Однако в группе Б1 обнаружена более высокая (на уровне тенденции) агрессивность, направленная на людей. Можно предположить, что в группе М1 смещение агрессивности на неживые объекты происходит из-за страха быть наказанным, поэтому агрессивность направляется на объект, нападение на который ассоциируется с наименьшим наказанием. При этом по тяжести депрессивного расстройства сравниваемые группы не различаются.

Качественный анализ результатов теста Розенцвейга выявил следующие различия в группах М1 и Б1. В ситуациях фрустрации в группе М1 отмечается агрессивность, направленная на окружающих, как реакция на стресс; в группе Б1 — двойственная реакция: с одной

стороны, игнорирование фрустрации, с другой — принятие на себя ответственности за случившееся.

С увеличением длительности депрессии достоверно возрастает уровень алекситимии ($p=0.03$). Ухудшение распознавания эмоционального состояния окружающих и своего собственного может происходить за счет изменений в личностной и эмоциональной сферах пациента.

Нами не было получено достоверных различий между группами Б1 и М1 в проценте ошибочных ответов при опознавании лицевой экспрессии. В группе М1 при ошибочном опознавании горя наблюдаются реакции по типу «ложных тревог», при опознавании остальных эмоций — «пропуски стимула». В группе Б1 при ошибочном опознавании радости отмечаются «ложные тревоги», при опознавании негативных эмоций — «пропуски стимула».

Полученные результаты о снижении уровня агрессивности и возрастании уровня алекситимии с увеличением длительности депрессии, возможно, обусловлены проводимой психофармакотерапией и изменениями, происходящими в личностной и эмоциональной сферах пациента. Изменение отношения к болезни объясняется вынужденной постепенной адаптацией к своему болезненному состоянию. Кроме того, меняются восприятие окружающей действительности и реакция на внешние воздействия и контакты: снижается острота реагирования на фрустрацию, ухудшается распознавание, идентификация своего эмоционального состояния, становятся более выраженными затруднения при вербализации своих чувств и переживаний.

Таким образом, у больных депрессией, по сравнению со здоровыми испытуемыми, наблюдается более высокая выраженность диспозициональных характеристик агрессивного поведения — агрессивности, подозрительности, обидчивости и враждебности. При утяжелении депрессивного расстройства выявлена тенденция к усилению агрессивности, а также более выраженная подозрительность, обидчивость и враждебность. С увеличением длительности заболевания наблюдается снижение уровня агрессивности. Ухудшение качества и скорости опознавания эмоционально-мимических стимулов, а также ухудшение качества оценки эмоционального состояния окружающих и своего собственного могут служить индикатором углубления депрессивного расстройства и повышения риска агрессивных проявлений.

3. Агрессивность в группах больных депрессией разной нозологической принадлежности

По результатам теста Цунга, максимальная степень выраженности депрессии отмечена в группе больных с диагнозом «аффективные

расстройства» (АР-группа). Установлены значимые различия по этому показателю с группой больных с диагнозом «шизофрения» (Ш-группа), в то время как различия с группой больных депрессией в рамках психопатий (П-группа) отмечаются на уровне тенденции (Абрамова, 2006б).

По тесту Басса—Дарки в П-группе, в отличие от двух других групп больных, достоверно выше физическая агрессия ($p=0.02$), оцениваемая по субъективному отчету больных на основании личного опыта (реально осуществлявшиеся агрессивные действия). В отличие от данных теста Басса—Дарки результаты ответов больных на конфликтные ситуации в тесте Розенцвейга характеризуют их возможную реакцию на воображаемую ситуацию. Так, у больных АР-группы имеет место два типа реакций на фрустрацию и стресс: 1) агрессивность, направленная на окружающих, на ситуацию и обстоятельства; 2) просьба о помощи и самостоятельный поиск выхода из сложившихся условий. В Ш-группе отмечается отрицание своей вины в случившемся, игнорирование фрустрации и безучастное созерцание ситуации. В П-группе имеет место двойственная реакция: с одной стороны, восприятие ситуации как благоприятной или игнорирование фрустрации, вины окружающих в случившемся, с другой — агрессивность как реакция на фрустрацию.

В связи с приведенными выше данными представляется интересным сопоставить различия между группами больных по времени опознавания эмоциональных мимических стимулов и характеру ошибок этого опознавания по данным компьютерной методики «Operator». Значимые различия между группами больных обнаруживаются по времени опознавания негативной эмоции гнева. Наименьшее время опознавания выявлено в П-группе; наибольшее — в Ш-группе (различия достоверны); в АР-группе отмечаются промежуточные значения времени реакции (различия на уровне тенденции). Анализ характера ошибок при опознавании эмоциональной мимической экспрессии в трех группах больных показал, что больные депрессией в рамках психопатий при ошибочном опознавании гнева осуществляют реакции по типу «ложная тревога», т.е. их реакции носят импульсивный характер. Больные двух других групп, напротив, совершают ошибки по типу «пропуск стимула», т.е. принимают решение со значительным запаздыванием.

В Ш-группе, в отличие от двух других групп больных, не выявлено каких-либо отчетливых данных, характеризующих их с точки зрения выраженности депрессии и агрессивности. В этой группе отмечено наибольшее время опознавания гнева и ошибки опознавания этой эмоции в виде «пропуска стимула». Возможно, это объясняется тем, что при шизофрении характерно снижение психической активности; обеднение эмоциональных реакций, их неадекватность и

парадоксальность. Отмечаются нарастающая пассивность личности больного шизофренией (он как бы «плывет по течению»), признаки амбивалентности — невозможности принятия решения (Руководство..., 1999).

Таким образом, наиболее яркие различия выявлены в двух группах больных — АР и Ш. Проведенный нами анализ полученных данных выявил связь психодинамических характеристик (времени опознавания эмоциональной мимической экспрессии и характера ошибок) и таких психологических характеристик, как выраженность депрессии и агрессивность.

Мы предполагаем, что полученные нами данные указывают на наличие двух факторов, характеризующих особенности деятельности, личностные и психодинамические свойства, относящиеся к разным иерархическим уровням: импульсивность у больных с психопатиями и рефлексивность у больных с аффективными расстройствами.

4. Агрессивность в группах больных разного пола

Традиционно считается (Крейхи, 2003), что мужчины в целом более агрессивны, чем женщины. В нашем исследовании у больных депрессией женщин (Ж-группа), по сравнению с больными депрессией мужчинами (М-группа), по результатам теста «Рука», достоверно более высокая агрессивность, направленная на предметы ($p=0.04$).

По результатам тестов Бека и Цунга в Ж-группе депрессия достоверно более тяжелая ($0.006 < p < 0.01$) по сравнению с М-группой. Агрессивность достоверно ($p=0.05$) и положительно коррелирует с более тяжелой депрессией в Ж-группе по сравнению с М-группой.

По результатам теста Басса—Дарки, в М-группе выявлена достоверно более высокая общая ($p=0.05$), в том числе и физическая ($p=0.003$), агрессия. Это согласуется с данными о том, что половые различия более заметны в проявлении физической агрессии по сравнению с вербальной, а также прямой по сравнению с косвенной (Huesmann, Guerra, 1997).

Качественный анализ данных теста Розенцвейга показал в М-группе фиксацию на препятствии и безучастное созерцание происходящего; в Ж-группе — агрессивность как реакцию на фрустрацию, направленную на окружающих и ситуацию.

В Ж-группе достоверно более выражена алекситимия ($p=0.05$), которая значимо положительно коррелирует с более тяжелой депрессией.

Согласно результатам методики «Operator», в Ж-группе зафиксировано достоверно более длительное время опознавания эмоции гнева ($p=0.004$). Кроме того, в М-группе отмечено увеличение процента ошибок опознавания эмоций радости, горя и страха, однако

наибольший процент ошибок отмечается при опознавании гнева (межгрупповые различия недостоверны). Наши результаты согласуются с опубликованными ранее данными о том, что женщины справляются с опознаванием эмоциональной мимической экспрессии лучше, чем мужчины (Изард, 1999).

Таким образом, в Ж-группе была выявлена достоверно более выраженная депрессия и алекситимия и при этом достоверно более высокая агрессивность, чем в М-группе. Напротив, в М-группе выявлена достоверно более высокая общая, в том числе и физическая, агрессия. Учитывая половые различия в восприятии эмоциональной мимической экспрессии, можно предположить, что повышенная агрессивность у больных депрессией женщин и трудности ее реализации в поведении связаны с механизмом «психологической защиты» (Костандов, 1983).

Результаты, отраженные в статье, и дальнейшие исследования взаимосвязи агрессивности с психическими расстройствами позволяют сделать более эффективной психотерапевтическую, психокоррекционную и профилактическую работу психологов.

Выводы

1. У больных депрессией, по сравнению со здоровыми испытуемыми, зафиксирована более высокая выраженность диспозиционных характеристик агрессивного поведения — агрессивности, а также подозрительности, обидчивости и враждебности.

2. Агрессивность и агрессия обнаруживают связь с тяжестью и длительностью депрессии. В частности, тенденция к усилению агрессивности, а также более выраженные подозрительность, обидчивость и враждебность отмечаются при утяжелении депрессии; с увеличением длительности заболевания наблюдается снижение агрессивности.

3. Влияние половых различий на уровень агрессивности поведения при депрессии проявляется в более высокой агрессивности у женщин и в повышении общей, в том числе физической, агрессии у мужчин.

4. Уровень физической агрессии тесно связан с нозологической принадлежностью депрессивного расстройства: он значительно выше при депрессивных расстройствах в рамках психопатий, чем в группах больных с аффективными расстройствами и шизофренией.

5. Ухудшение качества и скорости опознавания эмоционально-мимических стимулов, а также оценки эмоционального состояния окружающих и своего собственного может служить одним из индикаторов углубления депрессивного расстройства и повышения риска агрессивных проявлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова А.А. Агрессивность при депрессивных расстройствах: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005.

Абрамова А.А. Агрессивность и восприятие эмоциональной экспрессии у больных с депрессивным расстройством различной степени тяжести и длительности // Психиатрия. 2006а. № 3 (21). С. 22—29.

Абрамова А.А. Зависимость агрессивности и восприятия эмоциональной экспрессии от нозологической принадлежности заболевания // Журн. практ. психолога. 2006б. № 3. С. 3—15.

Алекситимия и методы ее исследования при пограничных психосоматических расстройствах: Метод. пособие / Сост. Б.Д. Ерьско и др. СПб.: Психоневрол. ин-т им. В.М. Бехтерева, 1994.

Балашова Т.И. Методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний Цунга // Практикум по экспериментальной и прикладной психологии: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. С. 198—202.

Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.

Ваксман А.В. Враждебность и агрессивность в структуре депрессии (закономерности формирования, прогностическая значимость, терапия и социально-психическая адаптация): Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2005.

Вертоградова О.П. Депрессия как общемедицинская проблема // Медицина для всех. 1997. № 2. С. 2—9.

Герасимов А.В. Тест «Рука» // Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексологическая экспертиза. М.: Изд-во РИОГНЦСиСП им. В.П. Сербского, 1999. Т. 1. С. 87—98.

Гиндина Е.Д. Генетические основы эмоциональных и поведенческих особенностей у детей подросткового возраста: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005.

Ениколопов С.Н., Садовская А.В. Враждебность и проблема здоровья человека // Журн. неврол. и психиатр. им. Корсакова. 2000. № 7. С. 59—64.

Изард К.Э. Психология эмоций / Пер. с англ. СПб.: Питер, 1999.

Костандов Э.А. Функциональная асимметрия полушарий мозга и неосознаваемое восприятие. М.: Наука, 1983.

Крейхи Б. Социальная психология агрессии. СПб.: Питер, 2003. (Серия «Концентрированная психология»).

Крупина Н.А. Новая модель экспериментального депрессивного синдрома: патофизиологические механизмы: Автореф. дисс. ... докт. биол. наук. М., 2000.

Куликов Л.В. Психология настроения. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997.

Курек Н.С. Нарушения психической активности и злоупотребление психоактивными веществами в подростковом возрасте. СПб.: Алетей, 2001.

Михайлова Е.С. Нейрофизиологические механизмы опознавания эмоциональной лицевой экспрессии в норме и при аффективных расстройствах: Автореф. дисс. ... докт. биол. наук. М., 2002.

Моносова А.Ж. Анализ особенностей эмоциональной сферы в норме и при аффективных расстройствах методом обонятельной стимуляции: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1994.

Практическая психодиагностика. Методики и тесты: Учеб. пособие / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: ИД «Бахрах», 1998.

Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности // Психол. журн. 1996. № 5. С. 3—18.

Руководство по психиатрии: В 2 т. / Под ред. А.С. Тиганова. Т. 1. М.: Медицина, 1999.

Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003.

Щулевиц А.Б. Депрессии в общемедицинской практике. М.: Берег, 2000.

Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.

Филатова Т.В. Особенности познавательной деятельности при эндогенных депрессиях с «ювенильной астенической несостоятельностью»: нейропсихологическое исследование: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2000.

Beck A.T. Depression. Causes and treatment. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1970.

Biaggio M.K., Godwin W.H. Relation of depression to anger and hostility constructs // Psychological Reports. 1987. Vol. 61. P. 87—90.

Blackburn I.M. The pattern of hostility in affective illness // Brit. Journal of Psychiatry. 1974. Vol. 125. P. 141—145.

Castrogiovanni P., Pieraccini F., Di Muro A. Suicidality and aggressive behaviour // Acta Psychiatrica Scandinavica. 1998. Vol. 97. P. 144—148.

Davidson R.J., Putman K.M., Larson C.L. Dysfunction in the neural circuitry of emotion regulation — a possible prelude to violence // Science. 2000. Vol. 289. P. 591—594.

Dollard J., Doob L.W., Miller N.E. et al. Frustration and aggression. New Haven (Conn.): Yale University Press, 1939.

Ekman P., Friesen W. Pictures of facial affect. Palo Alto, CA: Consulting Psychological Press, 1976.

Huesmann L.R., Guerra N.G. Children's normative beliefs about aggression and aggressive behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. Vol. 72. P. 408—419.

Schless A.P., Mendels J., Kipperman A., Cochrane C. Depression and hostility // Journal of Nervous and Mental Disease. 1974. Vol. 159. P. 91—100.

Srikumar M.A., Gruber-Baldini A.L., Richard J.H. Relationship between aggressive behaviors and depression among nursing home residents with dementia // Intern. Journal of Geriatric Psychiatry. 2001. Vol. 16. P. 139—146.

Wei Wang, Warwick J., Nettelbeck T. Zuckerman-Kuhlman's personality questionnaire in patients with major depression // Social Behavior and Personality: An Intern. Journal. 2002. Vol. 30. P. 757—764.

Wolfersdorf M., Kiefer A. Depression and aggression. A control group study on the aggression hypothesis in depressive disorders based on the Buss-Durkee Questionnaire // Psychiatrische Praxis. 1998. Vol. 25. P. 240—245.

Young A.W., Aggleton J.P., Hellawell D.J. et al. Face processing impairments after amygdalotomy // Brain. 1995. Vol. 118. P. 15—24.

ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Е. Войскунский

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В статье дается обзор направлений отечественных и зарубежных исследований в области социальной перцепции (именуемой также восприятием человека человеком, межличностным познанием и др.). Анализируется специфика процессов социальной перцепции в условиях электронного — опосредствованного Интернетом — общения. Особое внимание уделяется механизмам управления процессами социальной перцепции в социальных сетях. Выявляется основной механизм такого управления — конструирование самопрезентаций, в том числе множественных и альтернативных. Самопрезентации включают вербальный и визуальный (фотографии, видеоизображения) материал, а часто также и аудиофайлы. Наряду с другими элементами личных страниц в социальных сетях самопрезентации являются основой для сетевых (виртуальных) идентичностей; показано, что таких идентичностей может быть более одной и что нередко имеет место экспериментирование со специально сконструированными альтернативными (дополнительными) идентичностями. На теоретическом и эмпирическом уровнях рассматриваются отличия идентичностей в реальной жизни и в электронном общении.

Ключевые слова: общение, электронное общение, социальная перцепция, социальная сеть, самопрезентация, идентичность.

Psychological studies in social perception (named also person perception, or interpersonal cognition) are reviewed in the paper. Special interest is given to social perception in electronic — computer and Internet mediated — interaction, first of all in social networking. Construction of self-presentations is listed among the main psychological mechanisms of social perception management. It is shown that networkers often develop multiple and alternative self-presentations which include verbal as well as visual and audio materials. Self-presentations form the basis for network identities, or virtual identities; networkers often experiment (play, in their own words) with their identities by changing elements of self-presentations. The paper proceeds to empirical exposure of differences between real-life and electronic identities.

Key words: interaction, e-interaction, social perception, social network, self-presentation, identity.

Войскунский Александр Евгеньевич — канд. психол. наук, ст. науч. сотр. кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* vae-msu@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 12-06-00281а).

Коммуникация, интеракция и социальная перцепция

Опосредствованные Интернетом формы общения (далее будем называть их *электронным общением* — ЭО) занимают все большее место в нашей жизни. Особенно заметную роль в ЭО играют широко распространенные сегодня социальные сети — информационные и коммуникационные технологии, допускающие и личностное, и деловое, и групповое, и массовое общение (в нашей стране это прежде всего «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Twitter, Skype, YouTube). В рамках данной статьи мы отвлечемся от других форм ЭО (блоги, форумы и др.), которые уже неоднократно рассматривались в психологической литературе, в том числе отечественными авторами (Асмолов, Асмолов, 2010; Личность..., 2007; Шкуратова, 2009).

В психологических работах принято выделять три стороны общения — коммуникацию (информационный обмен), интеракцию (взаимодействие между людьми: сотрудничество, противоборство и др.) и социальную перцепцию (восприятие человека человеком, ориентировка в коммуникативном партнере, межличностное познание и др.). В условиях ЭО все эти стороны изменяются и приобретают специфические особенности. Перечислим некоторые из них.

Коммуникационные процессы при ЭО заметно отличаются от таковых при личностном и деловом общении. В ЭО присутствуют каналы устной речи, но все же доминирует письменная речь. При этом в *личностном* (диалогическом или полилогическом) ЭО письменная речь приобретает ряд черт устной речи (таких, как незавершенность фраз, опора на общий контекст, «проглатывание» имен собственных); в ней появляются своеобразная пунктуация, сокращенное и упрощенное написание слов, сниженная и обценная лексика, жаргонизмы (Войскунский, 1991). В наибольшей степени это характерно для переписки посредством Твиттера или устройств мобильной связи (sms). В *деловом* ЭО сообщение может приобрести дополнительную обоснованность за счет прикрепления к нему какого-либо документа, картинки, звукового файла. При этом и деловое, и личностное письменное ЭО ставит исследовательские проблемы перед специалистами в области эмоционального интеллекта, поскольку широко применяемые эмодзи («смайлики») не являются полноценной заменой способности выражать на письме свои эмоции и понимать чужие.

Кроме того, в рамках личностного ЭО может генерироваться информация делового характера. Надо уметь ее обнаружить и оценить ее важность. Так, «в 2008 году Google создал систему раннего предупреждения регионального распространения гриппа, основанную всего лишь на частоте веб-поиска по слову “грипп”. Система обнаруживала вспышки болезни на неделю раньше, чем Центры контроля и предотвращения заболеваний»; тревожные данные

собирались путем поиска «из триллионов слов на более чем трех сотнях языков» (Глик, 2013, с. 447). Тем самым новые технологии не только опосредствуют общение между людьми, но и в ряде случаев способствуют тому, что продукты информационного обмена превращаются в знание без какого-либо участия в этом процессе самих коммуникантов.

О второй стороне общения — интеракции (понимаемой как взаимодействие между людьми: сотрудничество, противоборство и др.) чаще всего говорят в социологическом аспекте, а иной раз и в политологическом (например, в контексте мобилизации протестующих участников «арабской весны»). Социологи (см., напр.: Кастельс, 2000; Рейнгольд, 2006) считают нужным различать «сильные» (любовь, дружба, ненависть и др.) и «слабые» (френды, фолловеры, подписчики и др.) социальные связи и при этом отмечают, что в ЭО «сильные» связи существенно не укрепляются, зато более «слабые» связи интенсифицируются. Люди чаще знакомятся и «френдятся» в режиме онлайн, нежели в обычной жизни, чаще вступают в тематические группы обсуждений, сообщества для поддержки каких-то инициатив или протеста против них, чаще участвуют в акциях (например, в массовых флешмобах). В ряде случаев такие отношения перерастают в «сильные» связи — подлинно дружеские, а иногда и семейные. «Слабые» интерактивные связи зачастую носят временный характер, ими легко пожертвовать. Тем не менее отсутствие таких связей, в особенности нарочитое игнорирование и обрывание контактов, переживается людьми так же, как изоляция в реальной жизни, и в ряде случаев травмирует самооценку (Filipkowski, Smyth, 2012).

Третья сторона общения — социальная перцепция — заметно изменяется в ЭО в сравнении со взаимодействием «лицом к лицу». Основной массив исследований в области «восприятия человека человеком» (Бодалев, 1982) или процессов ориентировки в общении (Леонтьев, 1997) был выполнен в до-интернетную эпоху с опорой на непосредственное зрительное восприятие. Между тем познавательные процессы в ЭО опираются преимущественно на вербальные тексты и лишь в меньшей степени — на изображения. Вербальный материал часто обновляется, что до некоторой степени ослабляет ригидность стереотипизации по принципу «эффекта ореола» («галло-эффекта») (Тихомиров и др., 1986). Это характерно для широко распространенных ситуаций осуществления социальной перцепции людьми, никогда друг с другом не встречавшимися; ЭО предоставляет также дополнительный материал для восприятия уже знакомых между собой людей.

Изменившиеся в условиях ЭО механизмы и способы осуществления социальной перцепции заслуживают тщательного рассмотрения. Наиболее актуальной задачей является изучение перцептивного пове-

дения участников социальных сетей — прежде всего в силу их массовости: к примеру, сообщество пользователей «Фейсбука» представляет собой самое массовое в истории неполитическое и внеконфессиональное человеческое объединение. Социально-перцептивные действия участников социальных сетей опираются на сконструированные их партнерами по общению самопрезентации (материал в значительной степени вербальный), а последние, как будет показано ниже, соотносятся с идентичностью. Следует согласиться с отечественными исследователями: «возможные самопрезентации в интернет-коммуникации связаны с реальной идентичностью человека. Представляется, что участие в интернет-коммуникации может оказывать влияние на реальную идентичность различными способами. ... Такие особенности интернет-коммуникации, как анонимность и ограниченный сенсорный опыт, порождают уникальную возможность экспериментирования с собственной идентичностью» (Манеров и др., 2006, с. 89). Таким образом, при изучении особенностей социальной перцепции в ЭО следует принимать во внимание вероятность «экспериментов» участников ЭО с собственными идентичностями. О подобных особенностях будет подробнее говориться ниже.

Направления отечественных исследований в области социальной перцепции

Современные исследования социально-перцептивных процессов у пользователей социальных сетей опираются на классические (начиная с работ Дж. Брунера 1940-х гг.) и современные работы в области социальной перцепции, или межличностного восприятия (восприятия человека человеком), или ориентировки в собеседнике в условиях непосредственного и опосредствованного общения. Понятие «социальная перцепция» может считаться своего рода «зонтиковым» термином, объединяющим такие процессы, как социальное познание (с категоризацией, каузальными схемами, атрибуцией, рефлексией, проекцией, аттракцией, стереотипизацией, ролевым поведением, идентификацией и т.п.), построение имплицитных теорий личности, развитие и функционирование социального интеллекта, психология влияния (с феноменами внушаемости, ригидности, манипулирования, флексибильности и др.). Большое внимание уделяется изучению перверсий социально-перцептивных механизмов при заболеваниях (шизофрения, аутизм, алекситимия и т.д.). В психологических работах, ориентированных на практику, соответствующая тематика связывается с компетентностью в общении, или коммуникативной компетентностью, а также с социальной компетентностью в целом и, в частности, с социальной сензитивностью (качество коммуникативной компетентности может повышаться, например, путем прохождения специальных тренингов).

Заметим, что восприятие человека человеком не ограничивается собственно перцепцией (т.е. восприятием и последующим узнаванием внешнего облика другого человека). По внешним проявлениям, поведению, процессам и продуктам деятельности другого человека делается заключение о его личностных качествах, интенциях, способностях, эмоциональном состоянии, социальном статусе, культурном уровне и т.п. Ограничимся рассмотрением проблем, возникающих при восприятии не социальных групп, а отдельного человека, и тем самым сузим механизмы социальной перцепции до соответствующих процессов межличностного восприятия. Подобное сужение весьма распространено и зачастую не оговаривается специально.

Несмотря на выход в 1997 г. монографии Г.М. Андреевой «Психология социального познания» и ее последующие переиздания (Андреева, 2005), данное направление исследований не превратилось в отдельную область научного знания. Поэтому наиболее существенные для данной области исследования выполняются параллельно в рамках социальной психологии личности, психологии восприятия и психологии общения. Остановимся на отечественных работах; иностранные труды, хотя и превышают отечественные количественно, выполняются в границах тех же областей знания.

Значительная часть исследований социальной перцепции, включая работы в области социальной психологии личности, ведется в когнитивной парадигме. В отличие от них исследования в области психологии общения менее привязаны к данной парадигме. Инициированные А.А. Леонтьевым (который чаще говорил не о межличностном восприятии, а об ориентировке в собеседнике) и Б.Ф. Ломовым эмпирические исследования непосредственного человеческого общения (М.И. Лисина, А.А. Брудный, И.А. Зимняя, В.Н. Панферов, В.Н. Куницына, В.С. Собкин, Н.Н. Обозов, Я.Л. Коломинский, О.Т. Мельникова и др.) оказались в значительной степени связанными с изучением процессов восприятия и понимания человека человеком (А.А. Бодалев, С.В. Кондратьева, О.Г. Кукосян, Т.П. Гаврилова и др.). Данное направление исследований дополняют работы по психопатологии общения (А.Р. Лурия, Л.С. Цветкова, Т.В. Ахутина, Ж.М. Глозман, И.Б. Ханина и др.). Значимый пласт работ составляют исследования процессов общения в мыслительной деятельности (Я.А. Пономарев, А.В. Брушлинский, О.К. Тихомиров, Г.М. Кучинский, В.А. Поликарпов, Е.В. Цуканова и др.). Среди работ по социальной психологии личности и по коммуникативной компетентности заметны исследования, выполненные представителями факультетов психологии Московского (Г.М. Андреева, В.С. Агеев, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская, А.У. Хараш, Е.П. Белинская и др.), Санкт-Петербургского (А.А. Бодалев, В.Н. Куницына, Н.Н. Обозов, А.А. Реан и др.) и Ростовского (В.А. Лабунская, И.П. Шкуратова, Л.И. Рюмина и др.) университетов.

Направление исследований социального познания применительно к процессам общения отражено в монографиях (Андреева, 2005; Куницына и др., 2002; Лабунская, 1999; Соловьева, 1992; Шкуратова, 2009) и представительных сборниках статей (Психология..., 1981; Эмоциональные..., 1999); итоговой на момент подготовки данной работы является статья Г.М. Андреевой (2013). Параллельно ведутся исследования социально-перцептивных особенностей профессионального (в первую очередь педагогического, медицинского или юридического) общения, нередко дополняемые разработкой соответствующих тренингов (Зимняя, 1997; Рождественская, 2004; Творогова, 2002). Проведение тренингов в высшей степени характерно для данного направления исследовательской и прикладной деятельности (Лабунская и др., 2001; Петровская, 1989). Изучение социальной перцепции в общении осуществляется также с применением психосемантических методов (Джерелиевская, 2000; Петренко, 2005; Шмелев, Кондратьева, 1981). В психологии восприятия и в особенности в области опосредствованного восприятия ведутся интенсивные исследования генезиса и динамики восприятия выражения лица (в том числе представленного на экране монитора или в качестве картинки), репрезентации и распознавания эмоций. Могут быть отмечены выполняющиеся в Институте психологии РАН экспериментальные исследования, связанные с восприятием и пониманием социальных объектов: когнитивно-личностное изучение генеза восприятия, действия и ментальных репрезентаций (Исследования..., 2004) и психофизическое изучение восприятия лиц и лицевой экспрессии, а также речевых сигналов (Лицо..., 2012; Познание..., 2011).

В условиях ЭО наблюдается большинство феноменов, выделенных специалистами в области социальной перцепции: среди них предрассудки, внешнегрупповая дискриминация и внутригрупповой фаворитизм, эффекты ореола (гало-эффект) и новизны, презумпция взаимности, разнообразные (в том числе фундаментальная) ошибки атрибуции, когнитивные искажения т.п. Следует добавить к этому различные коммуникативные барьеры и ошибки в установлении и функционировании обратной связи: многие из них проявляются, к примеру, в иноязычном ЭО, поскольку в глобальных сетях общение зачастую ведется на языке-посреднике (часто английском), который не является родным ни для кого из участников общения. В этом плане определенные коммуникативные барьеры и ошибки могут считаться неизбежными, если не типовыми.

В социальных сетях ежедневно и массово решаются непростые перцептивные задачи межличностного восприятия. Опыт, накопленный миллионами участников ЭО, недостаточно исследован психологами, другими специалистами-гуманитариями (антропологами,

социологами и т.д.), равно как дизайнерами или специалистами в области компьютерных наук. Немногочисленные в этой области психологические исследования развивались в нашей стране следующим образом. Одной из первых отечественных публикаций по психологии опосредствованного общения явилась небольшая коллективная монография, посвященная медико-психологическим задачам, встающим в ходе космических полетов (Дистанционное наблюдение..., 1982). Совместная статья отечественного и канадского психологов (Стрикленд, Трусов, 1985) была помещена в сборнике по психологии общения, а статья о психологических задачах, связанных с перспективным общением посредством компьютеров, — в журнале «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология» (Тихомиров и др., 1986). Вскоре после этого оказались возможными исследования общения и познания, опосредствованного компьютерными телекоммуникациями (т.е. компьютерами, объединенными техническими сетями связи; так говорилось в то время, поскольку еще не было наименования «Интернет»), в рамках исследовательских проектов, возглавляемых М. Коулом и А.В. Беляевой в Академии наук СССР и О.К. Тихомировым в МГУ (Гуманитарные исследования..., 2000; Познание и общение, 1988). Дальнейшие исследования подробно рассмотрены в недавних работах (Белинская, 2013; Войскунский, 2010; Войскунский и др., 2013б) и частично — в российско-испанском сборнике (Человек..., 2007), что освобождает нас от подробного раскрытия данной тематики.

Исследования социальной перцепции в условиях электронного общения

Еще в «до-интернетной» публикации (Тихомиров и др., 1986) поднимался вопрос о необходимости детального изучения социально-перцептивных процессов в рамках общения, опосредствованного компьютерами. Однако социально-перцептивная сторона такого общения редко становилась предметом специального исследования. Это относится и к зарубежным работам, которые в целом более многочисленны. Так, имеется немало исследований, связанных с идентификацией в Интернете (в ходе взаимодействия в блогосфере, в многопользовательских играх или в социальных сетях) и со сменой ролевых позиций. Поскольку в настоящее время в ЭО все большее место занимают изобразительные материалы (фото- и видеoinформация), то существенным дополнением к имеющимся исследованиям должно стать изучение визуально-перцептивной стороны интернет-коммуникаций, прежде всего — опосредствованных изображениями в виде аватаров. При изучении особенностей социальной перцепции используются аватары как модельные виртуальные объекты: показано, что определенные характеристики аватаров оказывают

воздействие на то, как участники ЭО воспринимают конкретных людей, которых представляют эти аватары (Scarborough, Bailenson, 2014; Yee, 2014). Для изучения специфики подобного восприятия исследователи прибегают, в частности, к методам нейровизуализации (Carter, Pollick, 2014).

Изучение процессов изменения идентичности в результате взаимодействия человека с информационными технологиями, как видим, допускает междисциплинарность подходов. При этом первоочередным является анализ с психологических позиций – это подчеркивается в концепции «Техно-Я» (Technoself), развиваемой в настоящее время (Lurpicini, 2013). В данной концепции акцентируются четыре основных момента. Во-первых, возможность различий между «реальной» и «виртуальной» (презентируемой) идентичностью. Во-вторых, желание участника ЭО воспользоваться анонимностью и «скрыть» себя либо, напротив, «раскрыть» и обрести определенную известность. В-третьих, искушение «сыграть» в аналог ролевой игры с какой-либо из собственных идентичностей (каковых может быть более одной). Наконец, перспектива воздействия «виртуальной» идентичности на самопрезентацию и на особенности общения в реальной жизни (Dunn, 2013). Финские исследователи добавляют, что новое (модельное, или виртуальное) направление исследований пока что ограничивается эмпирикой, а теоретические позиции до сих пор не разработаны (Sivunen, Hakonen, 2011).

В работах, выполненных без применения виртуальных аватаров, отмечаются (см., напр.: Войскунский, 2010) такие сопутствующие применению Интернета феномены, как: подавление негативной информации; выстраивание флюидной или идеальной идентичности; аггравация; неадекватные копинг-стратегии; агрессивность; нарциссизм; демонстрация деструктивных или манипулятивных наклонностей; «кибер-преследование» («буллинг»); применение символики, свидетельствующей об идентификации с андеграундными движениями, и др. И для публичных персон, и для обычных людей социальные сети — существенный, нередко основной канал выстраивания репутаций, формирования и дополнения имиджа (Пикулёва, 2013; Solove, 2007).

В настоящее время наблюдается процесс стихийного становления социально-перцептивных действий в социальных сетях. Необходимым условием ЭО, как справедливо полагает Е.П. Белинская (2013, с. 85), является «решение задачи самоопределения, поиска идентичности». Восприятие и оценка конкретных участников социальных сетей другими участниками основывается на самопрезентациях (или самопредъявлениях — по И.П. Шкуратовой, 2009), как правило, не чисто вербальных, а дополненных фото- и видеоизображениями, в том числе музыкальными вставками («любимая музыка»). Так конструируются

сетевые идентичности. Но выстраиванием таковых деятельность участников социальных сетей не ограничивается: параллельно они анализируют идентичности других участников (потенциальных или реальных «френдов»), и этот анализ не может быть охарактеризован иначе как совершение социально-перцептивных действий.

Определенную пользу в реализации социально-перцептивных действий оказывает доступный список «друзей» конкретного участника: желательное наличие среди них общего знакомого — репутация этого знакомого служит своего рода подтверждением корректности производимых действий по межличностному восприятию. При этом никогда нет уверенности в том, что лично не знакомый (в непосредственном общении) пользователь есть тот, за кого себя выдает: презентация может оказаться намеренно ошибочной или ернической, фотоматериалы могут вообще не относиться к автору презентации, биографические данные могут не совпадать с реальной биографией пользователя либо совпадать лишь частично. Каждый участник компьютерной социальной сети может иметь много аккаунтов, зарегистрированных для разных целей либо различающихся хронологически (напр., заброшенный и не закрытый аккаунт при наличии нового и активно используемого) или содержательно, т.е., по сути, задающих разные идентичности предъявляющего себя участника.

По данным ВЦИОМ за 2011 г., не менее половины российских респондентов искажают в социальных сетях сведения о себе: от возраста, семейного положения, внешности и доходов вплоть до пола, политических и религиозных взглядов, музыкальных пристрастий и др. (см.: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111364>). Исследователи из США обратили внимание, что в информационном массиве на сайте знакомств усредненный вес тела, указываемый женщинами, на 3—9 кг ниже среднего веса для популяции американских женщин тех же возрастов; а вес, указываемый мужчинами, несколько превышает стандартный; рост, указываемый мужчинами и женщинами, также превышает средний для популяции (Hitsch et al., 2010). Можно предположить, что это делается в целях «приукрашивания» собственного образа. При выборе аватаров пользователи «ВКонтакте» мужского пола чаще искажают и корректируют информацию о себе, чем это делают пользователи женского пола (Погонцева, 2012). При этом в Интернете «и юноши, и девушки в большей степени искажают информацию о себе друзьям противоположного пола, чем своего пола» (Шкуратова, 2009, с. 144). Характерные для обоих полов искажения в самопрезентации означают попытку воздействовать на социально-перцептивные процессы, осуществляемые другими участниками социальных сетей (ни их количество, ни персональный состав не могут быть изначально определены, хотя по прошествии определенного времени они могут быть фиксированы).

Самое существенное, на наш взгляд, состоит в том, что в ЭО имеются немалые (и едва ли широко доступные ранее) возможности управления социально-перцептивными процессами коммуникативного партнера/партнеров. Управление осуществляется посредством выстраивания (конструирования) собственного образа, который презентуется прежде всего в виде текстов, дополненных изображениями и аудиофайлами. В социальных сетях можно видоизменить или «приукрасить» биографию, добавив себе жизненного опыта, умения и компетенции вместе с мудростью, отзывчивостью и задушевностью, либо (как вариант) представить себя несправедливо пострадавшим рецидивистом. Найти подходящий аватар, отобразить и «отфотошопить» фотографии — нетрудно. Самопрезентацию часто дополняют элементами некоторых культурных кодов — сведениями о предпочитаемых музыкальных произведениях, их авторах или группах исполнителей, а также о привлекательных медиаперсонах, кинофильмах или книгах. Разработчики социальных сетей могут расширять или сужать список запрашиваемых у каждого пользователя культурных кодов, при этом игнорирование запроса (например, отсутствие сведений о музыкальных вкусах) представляет собой вполне значимую, даже «кричащую» информацию, что также работает на выстраиваемый образ либо способствует его разрушению. В конструируемый образ включаются и способы взаимодействия с друзьями/френдами и подписчиками/фолловерами, например пренебрежение, брутальные угрозы или подчеркнутая внимательность, вежливость, ласковость вплоть до сюсюканья. Не последнюю роль в успешности процесса конструирования образа играют общая культура и степень грамотности продуцируемых вербальных сообщений: нередко низкая степень грамотности, незнание значимых событий в мире культуры служат разрушению презентуемого образа, а нарочитая демонстрация безграмотности может вписываться в качестве элемента аггравации в желаемый образ. Конструкторы собственных презентаций зачастую не знают, что симулировать общую культуру и в особенности приемлемый уровень грамотности намного труднее, чем перечислять показные музыкальные предпочтения или приукрашивать свою биографию (Войскунский, 2010).

Сегодня стали широко доступными разнообразными, в том числе расходящиеся с реальностью, альтернативные способы самопрезентации (Войскунский и др., 2013а), нацеленные на управление социально-перцептивными процессами в условиях отсутствия у партнеров привычных каналов классификации и коррекции презентуемого образа. Миллионы участников социальных сетей избредают и активно применяют способы конструирования желаемого образа. Для каждого человека открыта перспектива нацеленного выстраивания и презентации другим людям целого ряда расходящихся,

несовпадающих (противоречащих один другому или совпадающих лишь частично) образов, которые в более традиционном контексте могли бы быть названы, к примеру, субличностями.

Возможность управления социально-перцептивным процессом других участников социальных сетей открывает каналы для манипуляций; в этой сфере за сравнительно короткое время возникла новая терминология, например *флейминг* (грубость, оскорбления, переходящая «на личности» неаргументированная критика), *троллинг* (агрессия, издевка, подстрекательство, «подначивание»), *кибербуллинг* (систематическая травля, провоцирование и терроризирование — обычно соученика, соседа или сослуживца — посредством Интернета), *кибермоббинг* (то же самое, осуществляемое группой людей). Судя по отрывочным данным, успешные манипуляции — не редкость, и их успех зачастую связан с тем, что в новых условиях привычные способы осуществления социальной перцепции недостаточны.

Так, среди распространенных манипуляций может быть отмечена практика отклонения от действительности. Даже нацеленность самопредъявления на внешнее или на внутреннее в самом/самой себе связана с (условным) отклонением от объективности. «При самопрезентации люди могут описывать как свои психологические характеристики, так и внешний вид» (Белинская, 2013, с. 30). Замечено, что если в самоописаниях делается упор на привлекательность (женщин) или высокий социальный статус (мужчин), то личностным чертам уделяется сравнительно мало внимания. Едва ли справедливо было бы считать недостаток психологических самохарактеристик сознательным отклонением от «объективной» самопрезентации; скорее, он обусловлен отсутствием или слабой разработанностью навыков «предъявления себя». В то же время успешными манипуляторами могут, на наш взгляд, стать люди с развитыми способностями к децентрации.

Если массовое участие в конструировании собственных презентаций носит оттенок учебы (как-никак подобный опыт накапливается впервые, рекомендации учителей и родителей не имеют веса), то выстраивание одним и тем же человеком множественных (в том числе альтернативных) самопрезентаций можно уподобить параллельному обучению разным специальностям. Возможно, сами участники социальных сетей не вполне это осознают. Во всяком случае, участники исследования, проведенного недавно автором с коллегами, признали наиболее распространенным объяснением наличия альтернативных самопрезентаций игровой момент, шутку и развлечение, а не процесс обучения методами проб и ошибок, экспериментирования и «набивания шишек» в поисках наиболее подходящего образа самого/самой себя (Войскунский и др., 2013а). Этот результат не означает, причем, что в социальных сетях нет места обучению: на самом деле

там идет интенсивное самообучение с исправлением допущенных ошибок и с учетом опыта других.

Может показаться, что процессы выстраивания образов себя (идентичностей) идут вразнобой и по бесчисленным направлениям. Как показало другое проведенное нами исследование, это не совсем так. В исследовании (Войскунский и др., 2013б) был применен опросник «Аспекты идентичности» (*Aspects of Identity AIQ-IV*), разработанный под руководством Дж. Чика (Cheek, Briggs, 1982) и фиксирующий различные аспекты идентичности. Респонденты в возрасте 17—25 лет — активные участники социальных сетей — дважды (с длительным перерывом) заполняли опросник «Аспекты идентичности» — сначала с нейтральной инструкцией, а затем с инструкцией «оценить представленные утверждения от лица своей виртуальной личности, как она представлена в социальной сети». Результаты первого заполнения опросника признавались соответствующими реальной идентичности интервьюируемого, а результаты второго заполнения — его или ее сетевой (виртуальной) идентичности.

Для сравнения этих двух видов идентичности был проведен эксплораторный факторный анализ. Факторные структуры оказались в значительной степени схожими. Для данных, относящихся к виртуальной (сетевой) идентичности, было выделено два фактора, объясняющих 72.6% дисперсии: «Внешнее самопредъявление личности» и «Внутреннее пространство личности». Обнаружилось, что сетевая идентичность организована существенно проще, чем реальная. Факторный анализ относящихся к реальной идентичности данных выявил три фактора, объясняющих 83.36% дисперсии. Первый фактор, как и в случае сетевой идентичности, соответствует «Внешнему самопредъявлению личности», а второй фактор (для сетевой идентичности он представлен как единый фактор «Внутреннее пространство личности») раскладывается на два независимых фактора: «Я с другими» и «Личностная идентичность».

В той же работе (Войскунский и др., 2013б) приведены результаты корреляционного анализа (критерий Спирмена). Получены следующие значимые корреляции: первого фактора структуры сетевой идентичности («Внешнее самопредъявление личности») с одноименным первым фактором реальной идентичности ($r=0.543$; $p=0.001$); второго фактора сетевой идентичности («Внутреннее пространство личности») с третьим фактором («Личностная идентичность») реальной идентичности ($r=0.412$; $p=0.007$); второго фактора реальной идентичности («Я с другими») с первым ($r=0.349$; $p=0.024$) и со вторым ($r=0.476$; $p=0.001$) факторами сетевой идентичности. Тем самым идентичность личности, связанная с ее отношениями с другими людьми, выражается в сети через внешнюю самопрезентацию и одновременно входит в состав внутреннего представления человека

о себе. Указанные результаты вновь не противоречат интуитивным представлениям. В той же статье представлены различия, связанные с возрастом и полом респондентов, а наличие альтернативных идентичностей (Войскунский и др., 2013а) может интерпретироваться как свидетельство затянувшегося процесса поиска собственной идентичности в молодом возрасте. Данный процесс не может не быть осложнен перспективой (и необходимостью) конструирования собственной идентичности не только в реальной жизни, но и в сетевом пространстве, а в последнем — еще и во множестве вариантов, включая альтернативные самопрезентации.

Одна из актуальных практических задач, связанных с применением коммуникационных и информационных технологий, состоит в помощи детям и подросткам в выработке навыков межличностного восприятия, помогающих избегать манипуляторов, обманщиков, провокаторов, вербовщиков разнообразных (включая деструктивные) сект и т.п. Наиболее актуальным следует признать осуществление такой работы на начальных этапах вхождения детей и подростков в компьютерные социальные сети. Безопасное пользование новыми коммуникативными сервисами обеспечивается теоретическими и практическими знаниями в области социальной перцепции, опосредствованной компьютерными технологиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.

Андреева Г.М. Социальное познание и социальные проблемы // Нац. психол. журнал. 2013. № 1 (9). С. 39—49.

Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 1. С. 3—21.

Белинская Е.П. Психология интернет-коммуникации. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013.

Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Войскунский А.Е. Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций // Вопр. психологии. 1991. № 6. С. 142—147.

Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010.

Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2013а. № 1. С. 66—83.

Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013б. Т. 10. № 2. С. 98—121.

Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток. М.: Corpus, 2013.

- Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Терра-Можайск, 2000.
- Джерелиевская М.А.* Установки коммуникативного поведения: диагностика и прогноз в конкретных ситуациях. М.: Смысл, 2000.
- Дистанционное наблюдение и экспертная оценка. Общение и коммуникация в задачах медицинского контроля / Отв. ред. П.В. Симонов, В.И. Мясников. М.: Наука, 1982.
- Зимняя И.А.* Педагогическая психология. Ростов н/Д: Феникс, 1997.
- Исследования по когнитивной психологии / Под ред. Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «ИП РАН», 2004.
- Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.
- Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.* Межличностное общение. СПб.: Питер, 2002.
- Лабунская В.А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
- Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д.* Психология затрудненного общения. М.: Академия, 2001.
- Леонтьев А.А.* Психология общения. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 1997.
- Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / Под ред. В.Л. Волохонского, Ю.Е. Зайцевой, М.М. Соколова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.
- Лицо человека как средство общения: междисциплинарный подход / Под ред. В.А. Барabanщикова, А.А. Демидова, Д.А. Дивеева. М.: Когито-Центр, 2012.
- Манеров В.Х., Королева Н.Н., Богдановская И.М., Проект Ю.Л.* Миробразование и личностные феномены Интернет-коммуникации. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.
- Петровская Л.А.* Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
- Пикулёва О.А.* Психологическая многозначность понятия «самопрезентация личности» и современные научные подходы к пониманию его содержания // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 21—34.
- Погонцева Д.В.* Самопрезентация в киберпространстве // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2012. № 2(4). С. 66—72.
- Познание в деятельности и общении. От теории и практики к эксперименту / Под ред. В.А. Барabanщикова, Е.С. Самойленко, В.Н. Носуленко. М.: Изд-во «ИП РАН», 2011.
- Познание и общение / Под ред. Б.Ф. Ломова, А.В. Беляевой, М. Коула. М.: Наука, 1988.
- Психология межличностного познания / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Педагогика, 1981.
- Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М.: Фаир-Пресс, 2006.

Рождественская Н.А. Способы межличностного познания: психолого-педагогический аспект. М.: Пер Сэ-Пресс, 2004.

Соловьёва О.В. Обратная связь в межличностном общении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

Стрикленд Л.Х., Трусов В.П. Опосредствованное общение: социально-психологические аспекты // Психологические исследования общения / Под ред. Б.Ф. Ломова, А.В. Беляевой, В.Н. Носуленко. М.: Наука, 1985. С. 334—342.

Творогова Н.Д. Общение: диагностика и управление. М.: Смысл, 2002.

Тихомиров О.К., Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. Общение, опосредствованное компьютером // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 3. С. 31—42.

Человек и новые информационные технологии: завтра начинается сегодня / Авторы: Е. Ван Поведская, А.Д. Масейра и др. СПб.: Речь, 2007.

Шкуратова И.П. Самопредъявление личности в общении. Ростов н/Д: Изд-во Южного фед. ун-та, 2009.

Шмелев А.Г., Кондратьева А.С. Психосемантический анализ стилей межличностного восприятия в семье // Семья и формирование личности / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Педагогика, 1981. С. 80—86.

Эмоциональные и познавательные характеристики общения / Под ред. В.А. Лабунской. Ростов н/Д: Изд-во Ростовск. ун-та, 1990.

Carter E.J., Pollick F.E. Not quite human: What virtual characters have taught us about person perception // The Oxford handbook of virtuality / Ed. by M. Grimshaw. New York, NY: Oxford Univ. Press, 2014. P. 145—161.

Cheek J.M., Briggs S.R. Self-consciousness and aspects of identity // Journal of Research in Personality. 1982. Vol. 16. N 4. P. 401—408.

Dunn R.A. Identity theories and technology // Handbook of research on Technoself: Identity in a technological society / Ed. by R. Luppincini. Hershey, PA: IGI Global, 2013. Vol. 1. P. 26—44.

Filipkowski K.B., Smyth J.M. Plugged in but not connected: Individuals' views of and responses to online and in-person exclusion // Computers in Human Behavior. 2012. Vol. 28. P. 1241—1253.

Hitsch G.J., Hortaçsu A., Ariely D. Matching and sorting in online dating // American Economic Review. 2010. Vol. 100 (1). P. 130—163.

Luppincini R. The Emerging field of Technoself studies (TSS) // Handbook of research on Technoself: Identity in a technological society / Ed. by R. Luppincini. Hershey, PA: IGI Global, 2013. Vol. 1. P. 1—25.

Scarborough J.K., Bailenson J.N. Avatar Psychology // The Oxford handbook of virtuality / Ed. by M. Grimshaw. New York, NY: Oxford Univ. Press, 2014. P. 129—144.

Sivunen A., Hakonen M. Review of virtual environment studies on social and group phenomena // Small Group Research. 2011. Vol. 42. N 4. P. 405—457.

Solove D.J. The Future of reputation: Gossip, rumor and privacy on the Internet. New Haven, CT & London: Yale Univ. Press, 2007.

Yee N. The Proteus paradox: How online games and virtual worlds change us — and how they don't. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2014.

ПСИХОЛОГИЯ — ПРАКТИКЕ

А. В. Шаболтас

ПРОГРАММА ПРЕВЕНЦИИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ НА УРОВНЕ СООБЩЕСТВ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ЛИДЕРОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

В статье представлены основные положения теории диффузии инноваций Э. Роджерса, дан обзор эмпирических работ по использованию этой теории в продвижении здоровьесберегающих поведенческих практик и превенции рискованного поведения в сфере здоровья. Приведены результаты лонгитюдного исследования эффективности групповой поведенческой превентивной программы для лидеров общественного мнения, разработанной под руководством автора в рамках международного исследовательского проекта по превенции ВИЧ и инфекций, передаваемых половым путем (ИППП), на уровне сообществ студентов, проживающих в общежитиях г. Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: теория диффузии инноваций, лидеры общественного мнения, ВИЧ/СПИД, превенция, лонгитюдное исследование.

The manuscript described the basis issues of Roger's diffusion of innovations theory, the variety of empirical data on applying this theoretical approach in promotion of protective health behaviors and prevention of health risk behaviors. Also author presents the main results of longitudinal research conducted to evaluate the effectiveness of group behavioral intervention for popular opinion leaders as part of international research project to prevent HIV/STD among students living in dormitories in St. Petersburg, Russia. The study was funded by National Institute of Mental Health (USA) — NIMH Collaborative HIV/STD Prevention Trial.

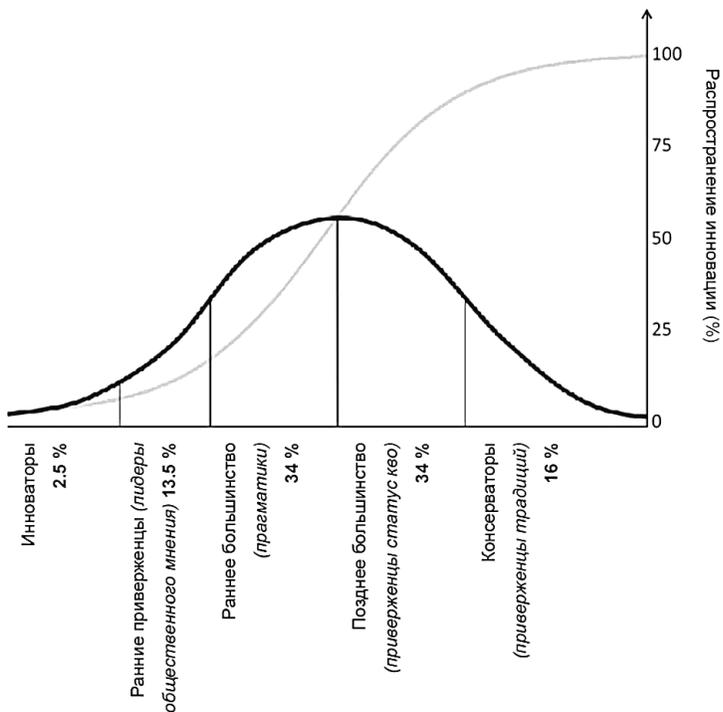
Key words: diffusion of innovations theory, popular opinion leaders, HIV/AIDS, STD, prevention, longitudinal study.

Шаболтас Алла Вадимовна — канд. психол. наук, доцент, зав. кафедрой психологии поведения и превенции поведенческих аномалий, декан ф-та психологии Санкт-Петербургского гос. ун-та. *E-mail:* a.shaboltas@spbu.ru

Исследование проведено при поддержке гранта Национального института психического здоровья США — NIMH Collaborative HIV/STD Prevention Trial.

Привлечение лидеров общественного мнения к продвижению здоровьесберегающего поведения на уровне сообществ основывается на теории социальной диффузии, или диффузии инноваций, предложенной Э. Роджерсом для сферы маркетинга (Rogers, 1995). Теория дает представление о том, как в обществе распространяются инновации. На ее основе был разработан целый ряд превентивных программ в сфере здоровья, в которых в качестве агентов поведенческих изменений используются лидеры общественного мнения. Теория диффузии утверждает, что различные виды инноваций (промышленные продукты, технологии, поведенческие нормы) распространяются в популяции через процессы динамических изменений, последовательно возникающих в группах населения, различающихся по степени «открытости» новому опыту. По мнению Э. Роджерса и других авторов, людей можно разделить на три основные группы. Две из них представляют своего рода полюса распределения общей популяции. Первая группа — это *инноваторы*, т.е. те, кто в первую очередь усваивают новое и стремятся к нему. Вторая — *консерваторы*, активно сопротивляющиеся всему новому и необычному и предпочитающие традиционные устоявшиеся модели поведения. Большинство популяции составляет промежуточное звено, делящееся на три части: небольшая группа людей, быстро воспринимающих новшества (*лидеры общественного мнения*), большинство членов общества, довольно рано принимающих инновации (*прагматики*) и большинство поздно принимающих все новое (*сторонники status quo*). Процесс принятия инновации в сообществе начинается с инноваторов, затем захватывает лидеров общественного мнения, затем большинство и в конце концов принимается консерваторами (рисунк). На последнем этапе инновация перестает быть таковой и превращается в обыденную норму. Инноваторы, а также лидеры общественного мнения, т.е. члены сообщества, пользующиеся большим авторитетом и влиянием, играют важнейшую роль в распространении любых новшеств, в том числе рискованных форм поведения либо, напротив, здоровьесберегающих практик.

Теория Э. Роджерса получила свое подтверждение в многочисленных исследованиях в области маркетинга, промышленности, сельского хозяйства. Она применялась для описания распространения эпидемий инфекционных заболеваний (Angulo et al., 1980), для изучения интернет-взаимодействия с врачами (Chew et al., 2004). Данный подход нашел свое подтверждение и в исследованиях, направленных на оценку эффективности превентивных программ в сфере здоровья (Dearing, 2004; Green et al., 2009; Moseley, 2004; Rogers, 1992). Теория неоднократно успешно использовалась при разработке и внедрении специализированных превентивных программ в отношении различных проблем в сфере здоровья. Успешный опыт ее применения пред-

Кривая распространения инноваций в популяции Э. Роджерса

ставлен в программах планирования семьи для развивающихся стран (Murphy, 2004). Имеются убедительные эмпирические доказательства эффективности превентивной программы на базе этой теории в отношении эпидемии табакокурения в Швейцарии (Kuntsche, Gmel, 2005), пропаганды вакцинации против гриппа (Britto et al., 2006), продвижения программы эффективного совладания с диабетом (De Civita, Dasgupta, 2007). Описан опыт использования теории диффузии инноваций при разработке комплексной программы долгосрочного мониторинга состояния здоровья детей (Farr, Ames, 2008). Получены интересные данные о возможности применения этой теории для внедрения программ помощи детям, страдающим аутизмом (Dingfelder, Mandell, 2011). Показана эффективность программ с привлечением лидеров для продвижения тестирования как превентивного вмешательства, в частности регулярного тестирования крови для оценки уровня сахара (Nicol et al., 2011), для внедрения программы системной оценки отделений реанимации (Bowen et al., 2012). Дж. Келли с коллегами одними из первых применили теорию диффузии инноваций в исследованиях эффективности превентивных вмешательств на уровне сообщества, направленных на профилактику рискованного

сексуального поведения и заражения ВИЧ (Kelly, 1995, 1997; Kelly et al., 1991, 1992; Kelly, Kalicman, 1995). В рамках серии лонгитюдных исследований в гей-барах пяти городов США (выборка гомосексуалов), в жилых многоквартирных домах (выборка женщин), в клинике для страдающих психическими расстройствами (выборка пациентов), в центре наркозаместительной терапии (выборка наркопотребителей) было показано, что профилактические тренинги с привлечением лидеров являются эффективной и ресурсосберегающей превентивной технологией.

Необходимый компонент, обеспечивающий успешность подобных программ, — идентификация и привлечение для участия в профилактических мероприятиях и тренингах достаточного количества неформальных лидеров, пользующихся авторитетом и популярностью. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что для достижения значимого эффекта в профилактических тренингах должны принять участие не менее 15% представителей сообщества (Kelly, 1997; Rogers, 1995).

Эпидемия ВИЧ/СПИД является для России такой же острой проблемой, как и для других стран (UNAIDS/WHO..., 2012). Случаи ВИЧ-инфекции выявлены во всех регионах нашей страны. По данным Всероссийского федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИД, на конец октября 2012 г. в стране зарегистрирован 703 781 случай ВИЧ-инфекции, в том числе 6193 среди детей в возрасте до 15 лет. Оценочное общее число зараженных, по мнению экспертов, превышает 1 млн 200 тыс. Ежедневно заражается около 200 человек. С начала эпидемии ВИЧ в РФ умерли почти 140 тыс. ВИЧ-инфицированных. Только за 2012 г. умерли 20 000 человек. Смертность от ВИЧ сравнялась с уровнем смертности от дорожно-транспортных происшествий, которая в нашей стране имеет один из самых высоких показателей в мире. Среди зарегистрированных ВИЧ-инфицированных 63,5% составляет молодежь в возрасте от 15 до 30 лет. Проблема превенции ВИЧ давно вышла за рамки медицинского подхода. Наряду с сугубо медицинскими аспектами эпидемиологии и лечения ВИЧ-инфекции актуальны вопросы разработки и оценки эффективности программ профилактики ВИЧ на базе биопсихосоциального подхода с использованием биологических, поведенческих и социальных критериев оценки. В связи с быстрым темпом развития эпидемии ВИЧ в России большой интерес представляют превентивные технологии, направленные на изменение норм и рискованных поведенческих практик на уровне сообщества, включая программы на основе теории диффузии инноваций с привлечением лидеров общественного мнения. Необходима апробация и оценка эффективности подобных программ в рамках лонгитюдных клинических исследований.

Рандомизированное лонгитюдное исследование эффективности групповой поведенческой программы по профилактике ВИЧ и инфекций, передаваемых половым путем (ИППП), среди студентов, проживающих в общежитиях Санкт-Петербурга, с привлечением лидеров общественного мнения, является частью уникального масштабного 5-летнего международного проекта оценки эффективности программ для различных сообществ и стран. Оно осуществлялось при поддержке Национального института психического здоровья США (The National Institute..., 1998) в Бразилии, Индии, Китае, Перу и России. Подробное описание методологических и методических аспектов организации и проведения исследования в 5 странах, включая этнографические и этические вопросы, представлено в ряде публикаций, в том числе в специальном выпуске журнала «AIDS» (Дятлов и др., 2005; NIMH Collaborative..., 2007, 2010).

В данной статье представлено общее описание и основные результаты оценки эффективности программы в Санкт-Петербурге.

Основной целью исследования являлась оценка эффективности программы поведенческого тренинга по профилактике ВИЧ/ИППП на уровне сообществ студентов.

Дизайн исследования был определен международным стандартом для подобных проектов как рандомизированное лонгитюдное исследование с использованием экспериментальной группы интервенции и контрольной группы в условиях равного внимания.

Исследование было одобрено Этическими комитетами Биомедицинского центра (Санкт-Петербург) и Медицинского колледжа штата Висконсин (США), которые являлись партнерами по реализации проекта в Санкт-Петербурге.

В качестве **участников исследования** выступали студенты (мужского и женского пола) высших учебных заведений, проживающие в общежитиях Санкт-Петербурга. Выбор популяции был обусловлен двумя необходимыми основаниями для осуществления оценки интервенции на уровне сообщества: (1) наличие стабильного по составу и времени проживания однородного сообщества и (2) наличие в популяции достаточного уровня рискованных поведенческих практик и уровня распространенности ИППП для возможности осуществить объективную оценку в лонгитюде.

До начала основного этапа (проверки эффективности интервенции) в течение года проводилась этнографическая стадия (формативное исследование) с целью разработки культурно-приемлемого инструментария и программы профилактического вмешательства. В этнографическом исследовании приняли участие 1100 человек. В качестве основных факторов рискованного поведения молодежи были выявлены: употребление алкоголя, употребление наркотиков,

низкий уровень знаний, касающихся проблемы ВИЧ/СПИД. Уровень распространенности ИППП составил 15.09%, включая распространенность ВИЧ-инфекции — 0.72%. Результаты этнографического исследования подробно представлены в коллективной монографии Н.В. Соколова, О.И. Бородкиной и А.П. Козлова (2007).

Для стадии проверки эффективности интервенции были отобраны 24 общежития, из них в случайном порядке 12 попали в группу интервенции (далее будем называть ее экспериментальной, Э-группой) и 12 — в контрольную (К-группу). В общей сложности в двухлетнем сопровождении и оценке — до начала интервенции, через 12 и 24 месяца после — участвовали 2107 человек.

Профилактическое вмешательство

Международные этические стандарты проведения профилактических исследований в отношении социально значимых инфекций предполагают необходимость обеспечения доступа к базовым профилактическим ресурсам участников как Э-, так и К-группы (Шаболтас и др., 2010). В соответствии с этими требованиями обе группы студентов в течение всего периода исследования обеспечивались бесплатными профилактическими брошюрами по проблемам ВИЧ/СПИД и ИППП, информацией о возможностях пройти тестирование, консультирование и лечение. Во всех общежитиях был обеспечен бесплатный доступ к презервативам. В случае если в ходе тестирования у студентов обнаруживались ИППП, им предоставлялось бесплатное лечение. Каждое из трех оценочных обследований на наличие инфекций сопровождалось интенсивным консультированием до и после сдачи анализов, в ходе которого студенты могли понять специфику тестирования, обсудить индивидуальные риски и стратегии индивидуальной профилактики.

В экспериментальных общежитиях проводилась поведенческая профилактическая программа для лидеров общественного мнения. В соответствии с теорией диффузии инноваций предполагается, что желаемые изменения, продвигаемые группой лидеров, будут легче проникать и усваиваться другими членами сообществ (Rogers, 1995). В данном проекте в качестве желаемых изменений выступали социальные нормы в отношении поведения, направленного на снижение рисков заражения ВИЧ и ИППП. До начала интервенции в каждом из экспериментальных общежитий были выявлены неформальные лидеры на основании комплекса процедур, включая полевое наблюдение, номинирование со стороны ключевых информаторов (комендантов, председателей студсоветов и т.д.), номинирование со стороны членов сообществ на основе социометрии или самономинирование. В каждом из общежитий рекрутировалось от 15 до 20% студентов от общего числа проживающих, идентифицированных

как потенциальные лидеры. Выявленные лидеры приглашались для участия в профилактическом тренинге, состоящем из 5 групповых занятий продолжительностью 1.5—2 часа каждое. Занятия проводились в группах по 10—15 человек два раза в неделю в удобное для студентов время двумя ведущими разного пола. В качестве ведущих выступали студенты старших курсов Санкт-Петербургского государственного университета (психологи и социологи), прошедшие подготовку по ведению профилактической программы. Программа тренинга основана на когнитивно-поведенческом подходе, который демонстрирует наибольшую методологическую и эмпирическую обоснованность применительно к изменению поведения в сфере здоровья (Bandura, 1985, 1994; Glanz, Bishop, 2010).

Программа 5 групповых занятий включала информационные блоки по проблематике ВИЧ/ИППП и роли лидеров в продвижении здоровьесберегающего поведения в сообществе, а также поведенческие блоки по отработке навыков формулирования и распространения превентивных сообщений. Каждое занятие заканчивалось домашним заданием на отработку необходимых навыков в реальной жизни. Опыт выполнения задания обсуждался на следующем занятии. Ведущие применяли интерактивные упражнения, моделирование и ролевые игры, способствующие успешной выработке поведенческих навыков, формированию мотивации и уверенности. Каждому лидеру также предоставлялись футболки и значки с логотипом проекта, которые помогали инициировать профилактические разговоры с соседями по общежитию и друзьями. Компоненты превентивных сообщений включали распространение знаний о ВИЧ/ИППП, возможных способах снижения поведенческих рисков, а также позитивные установки в отношении использования презервативов или избегания рискованных сексуальных контактов и в целом поддержку поведенческих изменений, направленных на заботу о здоровье. Задачей участников было распространение превентивных сообщений после окончания тренинга в течение всего времени исследования. Ежемесячно после окончания тренинга ведущими организовывались групповые встречи для обсуждения обратной связи и поддержки участников проекта.

Оценка интервенции

Процедуры оценки проводились три раза — до начала интервенции, через 12 и 24 месяца после окончания тренинга. Методы оценки включали:

1. Интервью с использованием стандартизированного опросника оценки поведенческих рисков в сфере здоровья. Опросник включал разделы, посвященные социально-демографическим и поведенческим характеристикам участников. Особое внимание уделялось вопросам

о рискованных сексуальных практиках (в частности, незащищенном сексе, количестве половых партнеров), об использовании мер защиты во время половых контактов, о специфике взаимоотношений с сексуальными партнерами и т.п. Продолжительность интервью составляла 45—60 минут.

2. Тестирование образцов крови, мочи и мазков (для девушек) на ВИЧ и ИППП (сифилис, гонорея, генитальный герпес (HSV-2), хламидиоз, трихомониаз). Тестирование сопровождалось консультированием до сдачи анализов и при получении результатов через 2—3 недели.

Для оценки эффективности вмешательства использовались два основных показателя — поведенческий и биологический. Первый рассчитывался как разница в пропорции участников, практикующих незащищенные половые контакты с партнерами (не супругами) на входе и через 24 месяца после интервенции. Биологическим показателем служил уровень заражаемости (*incidence rate*), т.е. разница в проценте участников, заразившихся ВИЧ/ИППП, диагностированными на 12-м и 24-м месяце после окончания интервенции.

При математической обработке данных использовались описательные статистики, критерий перестановки (*permutation test*), метод логистической регрессии, а также метод обобщенной оценки уравнений (*generalized estimating equation — GEE*). Статистический анализ проводился с помощью программного обеспечения SPSS, версия 17.

Результаты

Всего для участия в исследовании были рекрутированы 2107 студентов из 24 общежитий, 1036 человек из Э-группы и 1071 — из К-группы. На входе как не соответствующие критериям включения в исследование были отсеяны 6.35% участников. Уровень сохранения выборки на этапе оценки через 12 месяцев составил 94.4% , на этапе через 24 месяца — 92%.

Из табл. 1, где представлены основные социально-демографические и поведенческие характеристики участников исследования, видно, что в целом выборки не имели существенных различий между собой. Было рекрутировано примерно равное количество девушек и юношей, средний возраст участников составил 20 лет. В основном участники не состояли в официальном браке или не проживали с постоянным партнером. Наличие ИППП было обнаружено примерно у 8% участников, не было выявлено ни одного случая ВИЧ-инфекции. В ходе этнографической стадии ИППП были обнаружены у 15% участников, из них ВИЧ-инфекция — у 0.8%. Процент участников, практикующих незащищенные половые контакты в течение 3 месяцев до начала исследования, составил 36%.

Таблица 1

Социально-демографические и поведенческие характеристики участников исследования (N=2107)

Показатель	Э-группа (N=1036) Значение (станд. отклонение)	К-группа (N=1071) Значение (станд. отклонение)
Мужчины (%)	52.3 (6.1)	49.8 (3.9)
Средний возраст (лет)	20 (0.20)	20 (0.34)
Брак или совместное проживание с партнером (%)	5.6 (1.1)	7.3 (1.5)
Незащищенные сексуальные контакты за последние 3 месяца (%)	36.0 (2.2)	36.2 (1.7)
Наличие ИППП (%)	7.9 (1.1)	8.6 (1.2)

Таблица 2

Динамика поведенческого показателя эффективности вмешательства

Показатель	Э-группа			К-группа			Разница в изменении (Э – К)	p-value
	Вход	24 мес.	Изменение	Вход	24 мес.	Изменение		
Незащищенные сексуальные контакты	35.61	28.02	-7.60	36.06	32.11	-3.95	-3.65	0.23

Таблица 3

Динамика биологического показателя эффективности вмешательства

Показатель	Э-группа	К-группа	Разница в заражаемости между Э и К	p-value
Уровень заражаемости ИППП за 24 месяца	9.07	11.15	-2.08	0.26
Уровень заражаемости HSV-2	4.77	6.32	-1.50	0.016

В табл. 2 представлены результаты изменения основного поведенческого показателя эффективности интервенции, а в табл. 3 — динамика биологического показателя между оценкой на входе и через 24 месяца. Отрицательные значения разницы означают позитивный эффект вмешательства. Абсолютное значимое снижение процента участников, практикующих незащищенные сексуальные контакты через 24 месяца после интервенции, выявленное в обеих

группах, почти в 2 раза сильнее выражено в Э-группе по сравнению с К-группой (9.1 vs 4%).

Вторичный анализ данных заражаемости ИППП выявил статистически значимые различия в пользу Э-группы по уровню заражаемости генитальным герпесом (HSV-2) (-1.50, $p=0.016$). Дополнительные показатели эффективности — количество участников, разговаривающих с друзьями на тему проблематики ВИЧ/СПИД, и использование презервативов — значимо выросли через 24 месяца также только в Э-группе (63.1 и 56.7%), в К-группе эти значения составляли 51.0 и 46.1% соответственно, на входе эти показатели в Э-группе — 50.1 и 46.1% соответственно.

Обсуждение

В Э-группе было обнаружено снижение на 30% распространенности рискованных сексуальных практик и снижение на 20% заражаемости ИППП. Кроме того, значимые превентивные изменения были выявлены также в К-группе как по поведенческому показателю, так и по уровню заражаемости ИППП. Важно отметить, что в К-группе трижды (на входе, через 12 и 24 месяца) предоставлялось индивидуальное консультирование и тестирование на ВИЧ/ИППП (общая продолжительность процедуры — 45—60 минут), также в течение 24 месяцев во всех общегитиях реализовывалась информационная профилактическая программа в отношении ВИЧ/ИППП, включающая распространение информационных материалов, бесплатный доступ к презервативам и лечению ИППП.

Среди причин, в силу которых был получен выраженный превентивный эффект в обеих группах, можно предположить следующие. Традиционно исследования ВИЧ-превентивных вмешательств включают анализ степени влияния интервенции в К-группе по сравнению со стандартом оказания базовой помощи в конкретном месте или с условиями так называемого «равного внимания». Интенсивные профилактические меры и медицинская помощь в случае ИППП, предоставляемая в рамках данного исследования всем участникам, значительно превышала стандартные медицинские практики. По сути, влияние интервенции с использованием лидеров общественного мнения сравнивалось с профилактическими условиями, дополнительно созданными в рамках проекта, для обращения внимания человека на риски сексуальных поведенческих практик, что зачастую снижает уровень рискованного поведения так же, как и при мотивационном консультировании (Miller, 1983; Miller, Rollnick, 2002). Опыт проведения масштабных рандомизированных лонгитюдных исследований в отношении ВИЧ, в которых проверяется эффективность биомедицинских или поведенческих вмешательств, показывает значимое снижение сексуальных рисков в случае сочетанного

использования неоднократного тестирования и консультирования, направленного на снижение поведенческих рисков, а также бесплатного доступа к презервативам и лечению ИППП (Kamb et al., 1998; NIMH Multisite..., 1998).

Профилактические условия, созданные в исследовании, не оказались устойчивыми: через короткое время после окончания проекта все информационные и профилактические компоненты программы исчезли из общежитий. В международной практике превентивных исследований в отношении опасных инфекционных заболеваний активно обсуждается этическая дилемма: с одной стороны, необходимо предоставлять К-группе базовый набор профилактических мер в случае их отсутствия, а с другой — вопрос о неэтичности предложения участникам контрольной группы профилактических условий, которые не будут устойчиво сохраняться после окончания проекта. В рамках данного исследования не проводился анализ экономических затрат на внедрение программы для лидеров общественного мнения и ее экономической целесообразности. Анализ подобной интервенции, направленной на изменение рискованного поведения у мужчин в США, показал, что такие программы не только высокоэффективны, но и выгодны с экономической точки зрения (Pinkerton et al., 1998). Представители сообщества, которые выступают агентами интервенции, в отличие от профессиональных консультантов, могут быть обучены быстро и недорого, что является существенным фактором в ситуации ограниченных ресурсов. В этом случае превентивная программа будет устойчивее в долгосрочной перспективе по сравнению с масштабными информационно-образовательными кампаниями. Обстоятельством, повлиявшим на положительные изменения в обеих группах, мы также считаем расширение спектра других ВИЧ-превентивных возможностей и программ в ответ на развитие эпидемии в Санкт-Петербурге. Объектами этих программ могли становиться представители той же популяции.

Существенным обстоятельством для оценки интервенции с помощью биологических параметров является то, что на момент включения в перечень ИППП хламидиоза и трихомониаза не были доступны исследовательские данные последних лет о возможностях спонтанного излечения этих заболеваний без какого-либо лечения. В этой связи более достоверным показателем представляется уровень заражаемости генитальным герпесом (HSV-2), не поддающимся спонтанному излечиванию. Этот уровень оказался значимо ниже в Э-группе.

Важным для объяснения полученных результатов также может быть предположение о том, что здоровьесберегающее поведение не воспринимается лидерами и членами сообществ как в полной мере инновационное. Неформальное лидерство и популярность в студен-

ческом сообществе, как показали данные нашего этнографического исследования, в большой степени связаны с умением рисковать, т.е. с тенденциями, направленными в сторону рискованных поведенческих практик во всех сферах. В этом смысле поведение, направленное на заботу о здоровье, противоположно рискованному поведению и может восприниматься как угроза статусу популярного неформального лидера.

В целом данный проект явился уникальным опытом реализации в России комплексного лонгитюдного исследования эффективности поведенческой интервенции на основе научно-доказательного подхода (модель клинических испытаний). Разработанная и эмпирически проверенная программа превентивного вмешательства на уровне сообщества с привлечением лидеров общественного мнения может быть рекомендована для широкого использования как эффективная технология профилактики ВИЧ и ИППП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дятлов Р.В., Шаболтас А.В., Соколов Н.В. и др. Основанная на модели «лидер общественного мнения» интервенция по профилактике ВИЧ/СПИД в сообществе студентов, проживающих в общежитиях Санкт-Петербурга: первый опыт // Русский журнал «СПИД, рак и общественное здоровье». 2005. Т. 9. № 1. С. 37—54.

Соколов Н.В., Бородкина О.Н., Козлов А.П. Здоровье и поведенческие риски студенчества. СПб.: Скифия-принт, 2007.

Шаболтас А.В., Тюсова О.В., Козлов А.П. ВИЧ-инфекция и особенности рискованного поведения потребителей инъекционных наркотиков: результаты лонгитюдного исследования в Санкт-Петербурге. СПб.: Скифия-принт, 2010.

Angulo J.J., Pederneiras C.A., Ebner W. et al. Concepts of diffusion theory and a graphic approach to the description of the epidemic flow of contagious disease // Public Health Rep. 1980. Vol. 95. N 5. P. 478—485.

Bandura A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1985.

Bandura A. Social cognitive theory and exercise of control over HIV infection // Preventing AIDS: Theories, methods and behavioral interventions / Ed. by R. DiClemente, J. Peterson. N.Y.: Plenum Press, 1994. P. 25—60.

Bowen C.M., Stanton M., Manno M. Using diffusion of innovations theory to implement the confusion assessment method for the intensive care unit // Journal of Nursing Care Quality. 2012. Vol. 27. N 2. P. 139—145.

Britto M.T., Pandzik G.M., Meeks C.S., Kotagal U.R. Combining evidence and diffusion of innovation theory to enhance influenza immunization // Joint Commission Journal on Quality and Patient Safety. 2006. Vol. 32. N 8. P. 426—432.

Chew F., Grant W., Tote R. Doctors on-line: using diffusion of innovations theory to understand internet use // Family Medicine. 2004. Vol. 36. N 9. P. 645—650.

Dearing J.W. Improving the state of health programming by using diffusion theory // *Journal of Health Communications*. 2004. Vol. 9. N 1. P. 21—36.

De Civita M., Dasgupta K. Using diffusion of innovations theory to guide diabetes management program development: an illustrative example // *Journal of Public Health (Oxf)*. 2007. Vol. 29. N 3. P. 263—268.

Dingfelder H.E., Mandell D.S. Bridging the research-to-practice gap in autism intervention: an application of diffusion of innovation theory // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2011. Vol. 41. N 5. P. 597—609.

Farr A.C., Ames N. Using diffusion of innovation theory to encourage the development of a children's health collaborative: a formative evaluation // *Journal of Health Communications*. 2008. Vol. 13. N 4. P. 375—388.

Glanz K., Bishop D.B. The role of behavioral science theory in development and implementation of public health interventions // *Annual Review of Public Health*. 2010. Vol. 31. P. 399—418.

Green L.W., Ottoson J.M., García C., Hiatt R.A. Diffusion theory and knowledge dissemination, utilization, and integration in public health // *Annual Review of Public Health*. 2009. Vol. 30. P. 151—174.

Kamb M.L., Fishbein M., Douglas J.M. et al. Efficacy of risk-reduction counseling to prevent human immunodeficiency virus and sexually transmitted diseases: A randomized controlled trial. Project RESPECT Study Group // *Journal of the American Medical Association (JAMA)*. 1998. N 280 (13). P. 1161—1167.

Kelly J. Changing HIV Risk behavior: practical strategies. N.Y.; L.: The Guilford Press, 1995. P. 159.

Kelly J.A. HIV risk reduction interventions for persons with severe mental illness // *Clinical Psychology Review*. 1997. Vol. 17. N 3. P. 293—309.

Kelly J., Kalichman S. Increased attention to human sexuality can improve HIV/AIDS prevention efforts: Key research issues and directions // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1995. Vol. 63. P. 907—908.

Kelly J.A., St Lawrence J.S., Diaz Y.E. et al. HIV risk behavior reduction following intervention with key opinion leaders of a population: an experimental community-level analysis // *Amer. Journal of Public Health*. 1991. Vol. 81. P. 168—171.

Kelly J.A., St Lawrence J.S., Stevenson L.Y. et al. Community AIDS/HIV risk reduction: the effects of endorsements by popular people in three cities // *Amer. Journal of Public Health*. 1992. Vol. 82. P. 1483—1489.

Kuntsche S., Gmel G. The smoking epidemic in Switzerland — an empirical examination of the theory of diffusion of innovations // *Sozial und Präventivmedizin*. 2005. Bd. 50(6). S. 344—354.

Miller W.R. Motivational interviewing with problem drinkers // *Behavioural Psychotherapy*. 1983. Vol. 11. P. 147—172.

Miller W.R., Rollnick S. Motivational interviewing: Preparing people for change. 2nd ed. N.Y.: Guilford Press, 2002.

Moseley S.F. Everett Rogers' diffusion of innovations theory: its utility and value in public health // *Journal of Health Communications*. 2004. Vol. 9 (1). P. 149—151.

Murphy E. Diffusion of innovations: family planning in developing countries // *Journal of Health Communications*. 2004. Vol. 9 (1). P. 123—129.

Nicol G.E., Morrato E.H., Johnson M.C. et al. Best practices: Implementation of a glucose screening program based on diffusion of innovation theory methods // Psychiatric Service. 2011. Vol. 62. N 1. P. 12—14.

NIMH Collaborative HIV/STD Prevention Trial Group. NIMH Collaborative HIV/STD Prevention Trial // Journal of Acquired Immune Deficiency Syndromes (AIDS). 2007. Vol. 21. N 2.

NIMH Collaborative HIV/STD Prevention Trial Group. Results of the NIMH collaborative HIV/sexually transmitted disease prevention trial of a community popular opinion leader intervention // Journal of Acquired Immune Deficiency Syndromes (AIDS). 2010. N 54 (2). P. 204—214.

NIMH Multisite HIV Prevention Group. The NIMH multisite HIV prevention trial: Reducing HIV sexual risk behavior // Science. 1998. Vol. 280 (5371). P. 1889—1894.

Pinkerton S.D., Holtgrave D.R., DiFranceisco W.J. et al. Cost-effectiveness of a community level of HIV risk reduction intervention // Amer. Journal of Public Health. 1998. Vol. 88. P. 1239—1242.

Rogers E.M. Communication campaigns to change health-related lifestyles // Hygie. 1992. Vol. 11. N 2. P. 29—35.

Rogers E.M. Diffusion of Innovations. N.Y., 1995.

The National Institute of Mental Health (NIMH) Multisite HIV Prevention Trial Group. The NIMH Multisite HIV Prevention Trial: reducing HIV sexual risk behavior // Science. 1998. Vol. 80. P. 1889—1894.

UNAIDS/WHO report 2011. HIV in Europe and Central Asia. 2011 progress report. 2012. URL: <http://www.unaids.ru/sites>

Поступила в редакцию
17.02.14

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

И. А. Нагорская

НАРУШЕНИЯ ПАМЯТИ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С ФАРМАКОРЕЗИСТЕНТНОЙ СИМПТОМАТИЧЕСКОЙ ФОКАЛЬНОЙ ЭПИЛЕПСИЕЙ

В статье описывается специфика нарушений слухоречевой памяти при фармакорезистентной симптоматической эпилепсии в зависимости от локализации очага поражения. В исследовании принял участие 81 ребенок от 7 до 17 лет. Все дети прошли полное нейропсихологическое обследование. Анализировались показатели, связанные с динамическим, операциональным и мотивационным компонентами мнестической деятельности. Исследование показало, что при височной локализации эпилептогенного фокуса на первый план выходит нарушение операционального компонента мнестической деятельности (объем восприятия и воспроизведения слухоречевой информации); при лобной локализации эпилептогенного фокуса на первый план выходит нарушение динамического и мотивационного компонентов мнестической деятельности.

Ключевые слова: нейропсихология детского возраста, нарушения памяти, слухоречевая память, симптоматическая эпилепсия.

The paper presents the specificity of the verbal memory impairments in pediatric patients with drug-resistant focal epilepsy depending on the localization of the epileptogenic lesion. 81 children (age 7—17) performed comprehensive neuropsychological assessment including verbal and spatial memory tests. Scores in memory tests were associated with operational, motivational and neurodynamic components of memory function. The neuropsychological qualitative analysis shows the specificity of verbal memory disorders in pediatric patients with drug-resistant focal (temporal and frontal lobe) symptomatic epilepsy depending on the localization of epileptogenic lesion. Children with refractory temporal lobe epilepsy demonstrate the decrease in volume of auditory perception and immediate recall. Children with refractory frontal lobe epilepsy demonstrate lower performance in almost all scores of verbal memory that emphasize deterioration of motivational and neurodynamic components of memory function.

Key words: developmental neuropsychology, memory disorders, verbal memory, symptomatic epilepsy.

Нагорская Ирина Андреевна — мл. науч. сотр. группы психиатрических исследований ФБГУ «НИИ нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко РАМН», соискатель ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* irinanagorskaya@gmail.com

Состояние памяти является одним из важнейших условий успешности школьного обучения, социальной и бытовой адаптации детей с эпилепсией. Очевидно, что отсутствие действия лекарственных препаратов на приступы (при условии приема адекватных антиэпилептических препаратов в адекватных дозах) негативно влияет на формирование высших психических функций (ВПФ), в том числе памяти.

В литературе, посвященной исследованию когнитивных нарушений у детей с фармакорезистентной симптоматической эпилепсией, превалирует количественный подход к оценке памяти и отмечается дефицит исследований, применяющих качественный подход к анализу получаемых результатов. Недостатком многочисленного числа количественных исследований, посвященных мнестической деятельности, является то, что в них редко проводятся соотношения дефицитов в различных познавательных сферах, когнитивные функции исследуются изолированно и не выделяются механизмы их нарушений.

Вопрос об очаговой отнесенности мнестических нарушений является предметом дискуссии. Одни авторы выделяют ведущий, «очаговый» компонент нарушений памяти (Троицкая, 2009; Abrahams et al., 1997; Barr, 1997; Delaney et al., 1980; Hudson et al., 2009; Lespinet et al., 2002), другие обращают внимание на сочетания нарушений ВПФ, в частности памяти и внимания, не связывая их прямо с очаговым поражением (Engle, Smith, 2010; Mabbott, Smith, 2003).

Цель нашего исследования состояла в выявлении нарушений различных компонентов мнестической деятельности у детей и подростков с фармакорезистентной симптоматической эпилепсией в зависимости от локализации эпилептогенного поражения.

Материалы и методы

В исследовании принял участие 81 ребенок от 7 до 17 лет. Дети и подростки были разделены на 4 группы сравнения. В группы 1 и 2 вошли 58 детей, у которых была диагностирована фармакорезистентная симптоматическая фокальная эпилепсия (лобная для первой группы и височная для второй). В группы 3 и 4 вошло 23 ребенка с нейрохирургической патологией коры больших полушарий головного мозга, у которых не отмечалось ни одного приступа в анамнезе (дети с поражением передних отделов коры вошли в третью группу, дети с поражением задних отделов коры — в четвертую). Группы уравниены по возрастным характеристикам и локализации и латерализации органического поражения мозга. В табл. 1 представлены половозрастные характеристики групп.

Половозрастные характеристики экспериментальных групп

Характеристики	Фармакорезистентная эпилепсия		Неэпилептогенная патология	
	височная	лобная	передние отделы	задние отделы
Количество пациентов	18	40	11	12
Средний возраст	11	11.9	12.3	10.3
Пол (мальчики/девочки)	6/12	21/19	7/4	8/4

Проводилось полное нейропсихологическое обследование детей, в рамках которого исследовались слухоречевая память (заучивание 6 слов и 2 групп по 3 слова) и зрительная память (заучивание 6 небурбализуемых фигур). Анализировались показатели, связанные с динамическим, операциональным и мотивационным компонентами мнестической деятельности: объем воспроизведения после первого предъявления в слухоречевой и зрительной модальности, количество предъявлений для заучивания и общее количество воспроизведенных слов по сумме четырех предъявлений, показатели объема отсроченного воспроизведения, количество побочных включений. Проводился статистический анализ результатов.

Результаты

Анализ показателей продуктивности детей в мнестической сфере (табл. 2) показывает следующее.

1. Результаты пациентов с резистентной височной симптоматической эпилепсией и пациентов с неэпилептогенным органическим поражением задних отделов головного мозга не имеют статистически достоверных различий. Вероятно, это связано с тем, что нарушения памяти являются неспецифическими для органической патологии мозга в детском возрасте. В частности, сравнение показателей продуктивности мнестической деятельности при неэпилептогенной патологии передних и задних отделов головного мозга также не выявило различий между ними.

2. У детей с резистентной лобной эпилепсией по сравнению с детьми с очаговыми поражениями передних отделов мозга выявлены более низкие показатели слухоречевой памяти: суженный объем воспроизведения после первого предъявления, колебания продуктивности и тенденция к платообразной кривой заучивания (как следствие — низкая общая продуктивность по сумме 4 предъявлений), а также большее количество предъявлений, необходимых для двукратного полного воспроизведения ряда. Различия по указанным параметрам статистически значимы (U-критерий Манна—Уитни,

Таблица 2

Результаты выполнения нейропсихологических проб на слухоречевую и зрительную память у детей с височной резистентной эпилепсией (височная эпилепсия), с неэпилептогенным поражением задних отделов коры головного мозга (задние отделы), лобной резистентной эпилепсией (лобная эпилепсия) и с неэпилептогенным поражением лобных долей головного мозга (передние отделы)

Показатели продуктивности	Височная эпилепсия	Задние отделы	Лобная эпилепсия	Передние отделы
Объем воспроизведения после 1-го предъявления (6 слов)	4.00	4.17	2.94	3.91
Количество предъявлений для заучивания (6 слов)	2.90	3.08	3.82	3.18
Общее количество воспроизведенных слов по сумме 4 предъявлений (6 слов)	19.45	20.08	14.38	20.10
Объем отсроченного воспроизведения (6 слов)	3.85	3.75	3.44	4.64
Объем воспроизведения после 1-го предъявления (2 группы по 3 слова)	2.65	3.33	1.75	3.36
Количество предъявлений для заучивания (2 группы по 3 слова)	3.38	2.89	4.00	3.00
Общее количество воспроизведенных слов по сумме 4 предъявлений (2 группы по 3 слова)	15.97	18.67	10.50	18.91
Объем отсроченного воспроизведения (2 группы по 3 слова)	3.56	3.67	2.25	3.45
Количество побочных включений (по семантической близости слова) (6 слов и 2 группы по 3 слова)	0.29	0.27	0.53	0.00
Количество побочных включений (по близости звукового образа слова) (6 слов и 2 группы по 3 слова)	0.49	0.55	0.69	0.82
Общее количество побочных включений (6 слов и 2 группы по 3 слова)	1.06	1.00	1.47	0.82
Объем воспроизведения после 1-го предъявления (6 невербализуемых фигур)	3.42	3.88	4.63	4.10
Количество параграфий при непосредственном и отсроченном воспроизведении (6 невербализуемых фигур)	1.17	1.00	0.83	1.40
Объем отсроченного воспроизведения (6 невербализуемых фигур)	4.93	4.57	5.09	4.85

$p \leq 0.05$). Кроме того, при резистентной лобной эпилепсии отмечены статистически более частые побочные включения слов, близких по смыслу или звуковому составу к предложенным для заучивания, при непосредственном и отсроченном воспроизведении. Таким образом, при резистентной лобной эпилепсии нарушения слухоречевой памяти носят более грубый характер в первую очередь за счет нарушения мотивационного и динамического компонентов мнестической деятельности. Данные нашего исследования совпадают с данными зарубежных исследователей лобной эпилепсии, которые также подчеркивают более выраженные нарушения памяти в данной когорте детей (Helmstaedter et al., 1996; Hernandez et al., 2003).

3. Важным в диагностическом плане представляется то, что дети с резистентной симптоматической (височной и лобной) эпилепсией не отличаются от своих сверстников с неэпилептогенным органическим поражением по показателю объема отсроченного воспроизведения. Иными словами, наиболее специфические нарушения памяти при резистентной форме эпилепсии проявляются в характере кривой заучивания, а не в факте патологической тормозимости следов интерферирующими воздействиями. Таким образом, качественный анализ слухоречевой памяти в сочетании с синдромным анализом нарушений ВПФ является тонким инструментом, демонстрирующим различия нарушений функции памяти у детей и подростков с резистентной височной и резистентной лобной формами симптоматической эпилепсии.

4. В исследуемых группах пациентов проводилось внутригрупповое сравнение показателей слухоречевой памяти в пробах на заучивание 6 слов (проба п6) и заучивание 2 групп по 3 слова (проба п2*3).

Результаты статистической обработки показали, что дети с височной резистентной эпилепсией демонстрируют в пробе п2*3 достоверно более низкие показатели (по сравнению с пробой п6) объема непосредственного воспроизведения, количества необходимых для заучивания предъявлений и общего количества воспроизведенных слов по сумме четырех предъявлений (W -критерий Вилкоксона, $p < 0.05$). Объемы отсроченного воспроизведения в пробах п6 и п2*3 не различаются. Те же статистические результаты наблюдаются в группе детей с очаговыми неэпилептогенными поражениями задних отделов коры головного мозга. Таким образом, проба п2*3 создает сенситивные условия при исследовании слухоречевой памяти у детей с фармакорезистентной височной эпилепсией, в которых более четко проявляются «очаговые» симптомы нарушения слухоречевой памяти, в частности сужение объема восприятия и воспроизведения слухоречевой информации и патологическая тормозимость следов памяти гомогенной интерференцией.

В группе детей с фармакорезистентной лобной эпилепсией наблюдается статистически значимое снижение показателей объема непосредственного воспроизведения, объема воспроизведения по сумме четырех предъявлений и объема отсроченного воспроизведения в пробе п2*3 по сравнению с пробой п6 (W-критерий Вилкоксона, $p < 0.05$). При этом в группе детей с неэпилептогенным лобным поражением статистических различий между выполнением проб п6 и п2*3 не выявляется. Таким образом, можно сделать вывод, что проба на заучивание двух групп по три слова создает сенсibilизированные условия, в которых проявляются мотивационные и динамические нарушения мнестической деятельности, соотносимые как с собственно поражением лобных долей головного мозга, так и с влиянием устойчивой эпилептической активности на интегративную работу головного мозга.

* * *

Исследование показало, что при резистентной височной эпилепсии мнестические нарушения не отличаются от таковых при очаговой неэпилептогенной патологии. При височной локализации эпилептогенного фокуса на первый план выходит нарушение операционального компонента мнестической деятельности (объем восприятия и воспроизведения слухоречевой информации). При резистентной лобной эпилепсии нарушения слухоречевой памяти носят более выраженный характер, чем при лобных неэпилептогенных органических поражениях и при височной резистентной эпилепсии. При лобной локализации эпилептогенного фокуса на первый план выходит нарушение динамического и мотивационного компонентов мнестической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Троицкая Л.А. Нарушение слухоречевой памяти у детей с симптоматической эпилепсией // Журн. неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2009. № 1. С. 64—66.

Abrahams S., Pickering A., Polkey C.E. et al. Spatial memory deficits in patients with unilateral damage to the right hippocampal formation // *Neuropsychologia*. 1997. Vol. 35. N 1. P. 11—24.

Barr W.B. Examining the right temporal lobe's role in nonverbal memory // *Brain & Cognition*. 1997. Vol. 35. N 1. P. 26—41.

Delaney R.C., Rosen A.J., Mattson R.H. et al. Memory function in focal epilepsy: A comparison of non-surgical, unilateral temporal lobe and frontal lobe samples // *Cortex*. 1980. Vol. 16. N 1. P. 103—117.

Engle J.A., Smith M.L. Attention and material-specific memory in children with lateralized epilepsy // *Neuropsychologia*. 2010. Vol. 48. N 1. P. 38—42.

Helmstaedter C., Kemper B., Elger C.E. Neuropsychological aspects of frontal lobe epilepsy // *Neuropsychologia*. 1996. Vol. 34. N 5. P. 399—406.

Hernandez M., Sauerwein H., Jambaque I. et al. Attention, memory, and behavioral adjustment in children with frontal lobe epilepsy // *Epilepsy Behaviour*. 2003. Vol. 4. N 5. P. 522—536.

Hudson J.M., Flowers K.A., Roberts K.A. Controlled recall of verbal material in temporal lobe epilepsy // *Journal of Neuropsychology*. 2009. Vol. 3. P. 169—179.

Lespinet V., Bresson C., N'Kaoua B. et al. Effect of age of onset of temporal lobe epilepsy on the severity and the nature of preoperative memory deficits // *Neuropsychologia*. 2002. Vol. 40. N 9. P. 1591—1600.

Mabbott D.J., Smith M.L. Memory in children with temporal or extra-temporal excisions // *Neuropsychologia*. 2003. Vol. 41. N 8. P. 995—1007.

Поступила в редакцию
09.03.14

ЮБИЛЕИ

К 90-ЛЕТИЮ ГАЛИНЫ МИХАЙЛОВНЫ АНДРЕЕВОЙ

Галина Михайловна Андреева — выдающийся ученый и педагог, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии образования, профессор кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова — родилась 13 июня 1924 г. в Казани в семье врачей. Ее отец профессор Казанского медицинского института, заведующий кафедрой психиатрии этого института, и мать врач-невропатолог городской больницы по роду своей деятельности были связаны с различными проявлениями человеческой психики. Влияние интеллектуальной и интеллигентной семьи на становление личности дочери было велико, однако после окончания с отличием школы в июне 1941 г. Галина, замороженная романтикой полярных экспедиций, послала документы в приемную комиссию Ленинградского университета для зачисления на отделение гидрологии северных морей физического факультета.

Все планы перечеркнула война. Вместо физфака ЛГУ 17-летняя девушка добровольцем уходит на фронт, оканчивает курсы радистов и до июня 1945 г. находится в действующей армии в составе Брянского, II Прибалтийского и Ленинградского фронтов, пройдя путь от радиста до начальника радиостанции и дежурной фронтового узла связи. Г.М. Андреева имеет боевые награды — ордена Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» и другие. Военная юность выковывает ее характер. Высокий профессионализм в своем деле, точность и четкость в работе, ответственность за результаты своего труда, самоуважение, чувство собственного достоинства и уважение к другим людям — все это, безусловно, отличает Галину Михайловну и вызывает у коллег и учеников ощущение защищенности в сочетании с удивлением и восхищением.

После демобилизации летом 1945 г. Г.М. Андреева поступает на философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, и с этого времени вся ее жизнь связана с Московским университетом. После окончания аспирантуры в 1953 г. и защиты кандидатской диссертации Галина Михайловна преподает на философском факультете МГУ. Ее научные интересы сосредотачиваются на социологии, которая в 1960-е гг. начинает делать первые шаги в нашей стране. Г.М. Андреева внимательно анализирует социологическую традицию Запада. В 1965 г. Г.М. Андре-

ева защищает докторскую диссертацию, содержание которой отражено в ее первой книге «Современная буржуазная эмпирическая социология» (1965), а в 1969 г. организовывает на философском факультете кафедру методики конкретных социальных исследований — первую университетскую социологическую кафедру в стране.

В эти годы Г.М. Андреева участвует в жарких дискуссиях, проходивших в подвале Института философии Академии наук, в ходе которых сложилось своеобразное социологическое братство. Вместе с коллегами — Б.А. Грушиным, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомысловым, И.С. Коном, Ю.А. Левадой, В.Н. Шубкиным, В.А. Ядовым — она принадлежит к первому поколению российских социологов, которые сформировали облик отечественной социологической науки.

С сотрудниками своей молодой кафедры профессор Андреева готовит учебное пособие «Лекции по методике конкретных социальных исследований», оно выходит под ее редакцией в 1972 г. и становится настольной книгой студентов, проводящих эмпирические исследования в социологии, а позже и в социальной психологии. Однако в начале 1970-х гг. в Советском Союзе начались гонения на социологию как «буржуазную» науку, ситуация на философском факультете сильно изменилась, и Галина Михайловна приняла трудное для себя решение об уходе с факультета. Ректор МГУ тех лет академик И.Г. Петровский поддержал ее в этой сложной ситуации и посоветовал ей перейти на другой факультет, но не уходить из университета. А основатель и первый декан факультета психологии МГУ А.Н. Леонтьев предложил Галине Михайловне создать на психологическом факультете кафедру социальной психологии, и в 1972 г. такая кафедра была создана, а профессиональная жизнь профессора Г.М. Андреевой в определенном смысле начата заново. Новую кафедру, у которой не было своего помещения, на первых порах приютил А.Р. Лурия, выделив для нее на своей кафедре нейро- и патопсихологии угол, отгороженный шкафом. Галина Михайловна — человек конструктивный, мудрый и стойкий — с помощью немногочисленных первых сотрудников начала работать над созданием социально-психологической специализации для студентов факультета психологии, и первый выпуск по новой кафедре состоялся уже в 1973 г.

В первые годы существования кафедры Г.М. Андреева разрабатывала структуру и содержание социальной психологии как отрасли психологической науки и закладывала основы оригинальной социально-психологической школы на основе теории деятельности. Под ее редакцией и при ее активном участии создавались первые научные труды нового коллектива: «Теоретические и методологические проблемы социальной психологии» (1977), «Межличностное восприятие в группе» (1981), «Методы исследования межличностного восприятия» (1984). Из-под ее пера вышли первые учебники по социальной психологии для студентов: «Современная социальная психология на Западе (теоретические направления)» (в соавторстве с

Н.Н. Богомоловой и Л.А. Петровской, 1978) и «Социальная психология» (первое издание — 1980). Оба учебника имеют счастливую судьбу: созданные в «годы застоя», они исключительно востребованы и поэтому продолжают переиздаваться, несмотря на смену эпох. Новое, переработанное и дополненное, издание учебника Г.М. Андреевой с соавторами вышло под названием «Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы» (2001). Учебник Г.М. Андреевой «Социальная психология» стал первым университетским учебником по социальной психологии. Он награжден Ломоносовской премией, выдержал шесть изданий в нашей стране (1980, 1988, 1994, 1998, 2004, 2014), выпущен в форме аудиоучебника (2008), а также переведен на многие языки мира (английский, арабский, болгарский, венгерский, испанский, киргизский, китайский, литовский, французский и чешский). Поскольку Галина Михайловна блестящий лектор, цикл из 15 ее лекций по социальной психологии выпущен на дисках DVD (2008). В 2012 г. учебно-методический комплекс «Социальная психология», подготовленный Г.М. Андреевой с коллегами, занял I место на Конкурсе психологических изданий в рамках V съезда Российского психологического общества в номинации «Лучший учебно-методический комплекс».

Третий написанный Г.М. Андреевой учебник — «Психология социального познания» (вышел тремя изданиями — 1997, 2000, 2005) — содержит осмысление нового для отечественной социально-психологической традиции предметного поля. Все учебники Г.М. Андреевой отличаются систематичностью, серьезным анализом социального контекста и логики развития науки, глубоким осмыслением зарубежных социально-психологических концепций и исследовательской практики; все учебники можно назвать «первопроходческими» — в них автор впервые осмысливает и обобщает сделанное в определенной области науки и прокладывает дорогу в новые сферы научного поиска для других исследователей.

Всего Г.М. Андреевой опубликовано более 250 научных работ. Проблематика научных исследований созданной ею кафедры социальной психологии МГУ продвигалась от изучения процесса и механизмов межличностного восприятия через изучение социально-перцептивных процессов в развивающихся реальных группах к изучению социально-психологических закономерностей процесса социального познания. Обобщающий том научных работ Г.М. Андреевой «Социальное познание: проблемы и перспективы» вышел в серии «Психологи Отечества. Избранные психологические труды» (1999).

К 30-летию кафедры социальной психологии самоотверженными усилиями Галины Михайловны как автора, редактора и души этого проекта было подготовлено учебное пособие «Социальная психология в современном мире» (2002), в котором сотрудники кафедры представили плоды своей рефлексии методологических проблем современной социальной психологии, состояния предметных областей

академических исследований и разработки прикладных проблем в социальной психологии на рубеже столетий, обсудив существующие в этих областях проблемы и наметив перспективы развития социальной психологии в XXI в. Г.М. Андреева продолжает активно работать в науке, обращаясь как к ключевым проблемам социальной психологии, так и к междисциплинарным проблемам. Принципиальные статьи, написанные ею в 2000-е гг., собраны в ее книге «Социальная психология сегодня: поиски и размышления» (2009).

Все годы своего существования кафедра социальной психологии благодаря прежде всего усилиям и позиции Галины Михайловны была интегрирована в мировое научное сообщество, несмотря на идеологические сложности. Весомые продукты международного научного сотрудничества — книги под редакцией Г.М. Андреевой и Я. Яноушека «Общение и деятельность» (на чешском языке, Прага, 1981) и «Общение и оптимизация совместной деятельности» (М., 1987), подготовленные коллективами кафедр социальной психологии МГУ и Карлова университета в Праге; совместные исследовательские проекты и публикации с канадскими психологами (1970-е гг.), немецкими психологами (1970—1990-е гг.), финскими психологами (1990-е гг. — настоящее время), осуществлявшиеся под руководством и при лидирующем личном участии Галины Михайловны. Профессор Андреева читала лекции в университетах Англии, Швеции, Германии, Чехии, Венгрии, Финляндии, США и Италии. Награждена орденом Дружбы (1999) и орденом Почёта (2004).

Г.М. Андреева — действительный член Российской академии образования (1993); член Ученого совета МГУ (с 2001 г. по наст. время). Удостоена званий «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1984), «Почетный доктор университета Хельсинки» (2000). Лауреат премии имени М.В. Ломоносова за научную работу (1984). Награждена Серебряной медалью имени Питирима Сорокина РАН (2008) и медалью «За вклад в развитие военной психологии» Обществом психологов силовых структур (2008). Член Российского общества социологов и Российского психологического общества. Член Европейской ассоциации социальной психологии.

За время работы в МГУ Г.М. Андреева в разное время была членом и председателем диссертационных советов на факультете психологии и членом диссертационного совета Института социологии РАН; членом редколлегии журнала «Общественные науки за рубежом (Серия «Философия и социология»)»; председателем психологической секции экспертного совета Института «Открытое общество»; членом научного совета «Психология ядерного века» (Бостонский университет, США); в качестве эксперта принимала участие в работе Российского государственного научного фонда (РГНФ) и фонда «Пушкинская библиотека».

В настоящее время Г.М. Андреева — член Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при МГУ

имени М.В. Ломоносова; председатель редакционного совета журнала «Социальная психология и общество», созданного в 2010 году при ее деятельном участии; член редакционного совета журнала «Вопросы психологии»; член редколлегий журналов «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология» и «Психологические исследования: электронный научный журнал».

Научные заслуги Г.М. Андреевой отмечены званием лауреата XIV Национального психологического конкурса «Золотая Психея» по итогам 2012 г. в номинации «Патриарх российской психологии». За 60 лет плодотворной работы в МГУ имени М.В. Ломоносова Г.М. Андреева создала научную школу в социальной психологии. Питомцы этой школы отличаются высоким уровнем профессионализма, эрудиции, рефлексии, открытости новому, интегрированности в мировую науку, постоянным вниманием к фундаментальным проблемам науки, а проводимые ими исследования — междисциплинарностью, глубиной методологического анализа и анализа социальных проблем.

Галина Михайловна — любимый преподаватель многих поколений студентов факультета психологии. В настоящее время она читает общий курс «Социальная психология», спецкурс «Психология социального познания», а также специально разработанный ею спецкурс «Психология социального конфликта» для инновационной специализации «Психология переговоров и разрешения конфликтов». В 2009 г. Галина Михайловна прочла спецкурс «Психология социального познания» в филиале МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте студентам первого набора филиала. Ее лекции интересны студентам своей логикой, глубиной, филигранностью построения, обилием нового — не только для студентов, но и для специалистов — материала, а специализация по созданной ею кафедре в течение многих лет является одной из самых популярных и больших по количеству студентов на факультете. Г.М. Андреева удостоена звания «Заслуженный профессор Московского университета» (1996), стала лауреатом премии имени М.В. Ломоносова за педагогическую работу (2001). Многие маститые ученые, психологи-исследователи, практикующие психологи, преподаватели, аспиранты и студенты с гордостью называют себя учениками Галины Михайловны. Под ее руководством были подготовлены и защищены более 100 дипломных работ, 51 кандидатская и 13 докторских диссертаций.

Яркие и содержательные лекции и научные доклады Галины Михайловны неизменно вызывают у студентов и аспирантов факультета психологии глубокий и устойчивый интерес к социальной психологии — науке, становлению которой в нашей стране Г.М. Андреева посвятила многие годы жизни, вкладывая в этот трудный процесс свой блестящий интеллект, силы и душу.

Коллеги и ученики от всей души поздравляют Галину Михайловну со славным юбилеем! Желают ей крепкого здоровья, воплощения новых замыслов и идей, счастья и радости научного творчества.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ НАУЧНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ (К 80-ЛЕТИЮ АНТОНИНЫ НИКОЛАЕВНЫ ЖДАН)

10 мая 2014 г. исполняется 80 лет *Антонине Николаевне Ждан* — доктору психологических наук, профессору кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Профессиональная судьба Антонины Николаевны вот уже более 60 лет связана с Московским университетом: в 1952 г. она поступила на философский факультет, с 1958 г. является преподавателем — сначала отделения, а затем созданного на его базе факультета психологии МГУ.

А.Н. Ждан — прямая ученица П.Я. Гальперина, последователь его школы. Начало ее научной деятельности было связано с исследованием процесса учения в русле теории поэтапного формирования умственных действий и понятий. Интерес к истории психологии возник у нее под влиянием общепсихологических воззрений П.Я. Гальперина. Изначально годовую курс истории психологии на факультете читал Б.М. Теплов, далее его сменил П.Я. Гальперин, который и передал этот курс А.Н. Ждан. Нельзя сказать, что с этого времени профессиональные пути Петра Яковлевича и Антонины Николаевны разошлись. В реальности их историко-психологический союз укрепился. Свидетельством этому служит совместно подготовленная ими и неоднократно переизданная хрестоматия «История психологии: XX век / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан; 4-е изд. вышло в 2002 г.

Делясь впечатлениями от общения с П.Я. Гальпериным, Антонина Николаевна всегда обращает внимание на то главное, что притягивало к нему слушателей: *его слово формировало психологическое мировоззрение*. Такая профессиональная и личностная позиция оказалась «заразительной» и впоследствии выступила основанием для ее собственных устных и письменных выступлений, научных сообщений и лекций для широкой аудитории, начиная со студентов и заканчивая опытными специалистами.

А.Н. Ждан — автор многочисленных научных и учебно-методических публикаций. Ее статьи по широкому кругу историко-психологических вопросов украшают страницы наших ведущих научных изданий, а ее учебник «История психологии. От античности до наших дней», выдержавший уже 9 изданий, хорошо известен не одному поколению психологов. Особое внимание Антонина Николаевна всегда уделяла становлению отечественной научно-психологической мысли, что получило отражение во многих ее работах. Значительным событием последних лет явилась составленная А.Н. Ждан «Антология российской психологии». Этот том объемом более 100 печатных

листов не знает себе равных среди хрестоматий по психологии. Не так давно Антонина Николаевна начала читать спецкурс «Научные школы Московского университета», подготовленный ею не только на основе изучения первоисточников, но и путем обобщения личного опыта общения с создателями психологической науки в Московском университете.

Все те, кто слушал и продолжает слушать лекции А.Н. Ждан, не могут не обратить внимания на ее манеру преподавания. С одной стороны, это строгость и точность при изложении историко-психологических фактов, каждый из которых получил тщательную проверку, с другой — эмоциональная включенность в события давно минувших дней в сочетании с искренним желанием передать атмосферу того или иного события, выступления, дискуссии, с неравнодушным отношением к нашему историческому прошлому.

К А.Н. Ждан можно обратиться и когда появляются сомнения в истинности того или иного факта (даты, источника, авторства и т.п.), и когда возникает желание разобраться в предпосылках и условиях научных открытий, внутренней логике развития психологической мысли. Во всех этих случаях собеседник встретит в лице Антонины Николаевны учителя, умудренного опытом изучения трудов лучших умов человечества, и общение с ней не только доставит интеллектуальное удовольствие, но и позволит обрести ориентиры для последующих профессиональных шагов. Даже если спустя какое-то время придется заниматься чем-то иным, может быть, очень далеким от историко-психологических исследований, сохранится уважительное отношение к психологии, которое поможет остаться верной выбранной в юности профессии.

Едва ли не самым дорогим подарком для Антонины Николаевны будет обращение к той области научного знания, с которой связана вся ее профессиональная и личная жизнь, — к истории психологии как «драме людей и драме идей» (В.П. Зинченко). Поэтому мы считаем уместным привести здесь некоторые выдержки из трудов А.Н. Ждан, отвечающие на ряд вопросов о прошлом, настоящем и будущем нашей науки.

— *Какое место в структуре психологического знания занимает история психологии?*

— В связи с исключительной сложностью изучаемой в психологии реальности, как бы ее ни называть — психика, сознание и др., — она не получила полностью адекватного определения ни в одном из подходов, сложившихся в истории науки: в каждом из них содержится лишь момент истины о ней. Но такой момент есть, и он должен быть выявлен! Психика человека и сознательна, и бессознательна, она социальна и при этом имеет биологические предпосылки, она опосредствует нашу жизнь и сама является продуктом этой жизни, она определяется воздействиями извне и свободна от них, в ней есть знание и есть переживание, она целостна, но и состоит из

многих компонентов, она одновременно и явление, и процесс. Неправильно считать абсолютной истиной какое-нибудь одно из этих положений или абсолютно ложным — другое. Взгляды предшественников появлялись с исторической необходимостью, они были детерминированы условиями своего времени и вместе образуют логику развития научной психологической мысли как процесс последовательных трансформаций предметной области психологии в контексте его объективных причин и условий.

— **Существуют разные подходы к изучению истории психологического знания. Возможно ли выделение одного из них как наиболее продуктивного?**

— Разные подходы в области методологии истории психологии позволяют выявить реальные закономерности в развитии психологических знаний. Но взятые изолированно один от другого эти подходы не охватывают историко-психологический процесс во всей полноте его особенностей и детерминант. Неслучайно в ряде руководств по истории психологии авторы предпочитают эклектическую позицию, имея в виду совместное использование их в конкретном историческом исследовании. Основы отечественной историко-психологической науки были заложены Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, Б.М. Тепловым, Б.Г. Ананьевым, Д.Н. Узнадзе, П.Я. Гальпериным, А.А. Смирновым. Труды историков психологии О.М. Тутунджяна, В.А. Роменца, М.С. Роговина, М.В. Соколова, А.А. Никольской, Е.А. Будиловой внесли большой вклад в разработку методологии историко-психологического исследования.

— **Кто из выше перечисленных теоретиков науки оказал на Вас особое влияние, и как это сказалось на формировании собственного взгляда на историю психологии?**

— Работая более 30 лет вместе с Гальпериным сначала в русле его исследований по теории поэтапного формирования умственных действий и понятий, а позже в области истории психологии, я попыталась, основываясь на идеях о первостепенной важности предмета науки и опираясь на опыт изложения истории психологии в мировой и отечественной науке, рассмотреть историю психологии как процесс становления ее предмета. История психологии предстает тогда как процесс непрекращающейся трансформации ее предметной области в контексте вызвавших его причин и условий. Каждое новое понимание предмета в сочетании с новыми методическими процедурами исследования рассматривается как открывающее новый аспект в психической реальности, приближающее к ее все более полному научному пониманию.

— **Как связаны между собой история науки и социальная история?**

— Односторонний подход применительно к анализу истории науки приводит к тому, что собственно содержательные моменты ее развития отходят на второй план, заслоняются, а то и вытесняются социальной историей, что препятствует воссозданию целостной картины состояния научного знания. В действительности эти два аспекта — социальный и конкретно-научный — сложнейшим образом переплетены. Возьмем книгу В. Франкла «Сказать жизни “да”». О чем эта книга? Об ужасах фашистских лагерей смерти? Или она ... о силе человеческого духа? Ответ очевиден:

это книга об одной из самых значительных психологических концепций XX века.

— ***В чем заключается специфика советского периода отечественной психологии?***

— Это трудный вопрос для историков. Нередко характеристика *идеологической ситуации тех лет ... подменяет собственно историческое рассмотрение науки*. Оно заслоняется анализом идеологических и политических условий ее развития, которые, в свою очередь, рассматриваются очень по-разному, ... в целом — односторонне. Вместо честного объективного освещения нашего сложного прошлого внимание акцентируется преимущественно на его трагических сторонах, и в целом жизнь в СССР описывается довольно примитивно, в мрачных тонах, умалчивается о достижениях.

— ***Какие существуют способы преодоления одностороннего представления истории науки?***

— Едва ли не самым продуктивным направлением на пути к решению задачи продвинуться в создании полной истории советской психологии является *изучение деятельности ее творцов в условиях советского времени*. Именно через изучение деятельности лидеров психологии советской эпохи мы сможем лучше раскрыть историю нашей науки того времени, не показать психологию того периода как нечто исключительное или как то, что нужно выбросить из нашей истории, а представить ее во всей ее сложности и как *неотъемлемую часть истории отечественной науки*.

— ***Какие изменения претерпела отечественная психология в последние десятилетия?***

— Подводя итоги развития отечественной психологии с 90-х гг. XX в. по настоящее время, в качестве главной особенности можно было бы назвать изменение ее общей тональности: устойчивость и единообразие психологических систем, за которыми в советский период закрепился статус подлинно научных, сменились широкой палитрой подходов и концептуальных построений; директивный тон с его претензиями на истину вместе с уничтожающей критикой иных взглядов, обычно квалифицируемых как ложные, даже враждебные, уступил место спокойному приятию различных точек зрения, признаваемых нормальным состоянием науки. Таким образом, в психологии налицо новые тенденции. Они вызваны объективными причинами разного характера, как вненаучными, так и коренящимися в собственной логике развития науки. Ограничения, долгое время сдерживавшие свободную творческую деятельность, прежде всего искаженные формы взаимодействия идеологии и науки, были сняты; внутренняя логика развития науки, расширение ее проблемного поля и прикладных областей потребовали пересмотра принципов психологического исследования, сложившихся в науке в течение советского периода.

— ***Не означает ли это утрату преемственности?***

— Было бы неправильно трактовать эти новые процессы как потерю преемственности в развитии отечественной науки, отказ от исторического наследия. Созданные в советский период научные школы-концепции С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина, Б.Г. Ананьева, Б.М. Теплова,

Д.Н. Узнадзе, их теоретико-методологическая направленность, разработанный в их рамках арсенал методических средств, принципов и методов психологического исследования сохраняют определяющее влияние в современной психологии. Связь с традициями отечественной научной и философской мысли охватывает также направления и подходы, сложившиеся в дореволюционной России.

— ***Факультет психологии Московского университета в сознании современных психологов ассоциируется в первую очередь с именем Алексея Николаевича Леонтьева. Как можно охарактеризовать его вклад?***

— В значительной степени именно деятельностью А.Н. Леонтьева и его учеников и соратников в мировой науке создавался *неповторимый образ советской психологии*.

В жизни А.Н. Леонтьева, как в зеркале, отразились важнейшие события советского времени. Занимаемые им посты по масштабам его деятельности выдвинули А.Н. Леонтьева в лидеры не только университетской психологии и созданной им в университете научной школы, но и советской психологии в целом. При этом он оставался и неформальным лидером, к нему тянулись люди.

Даже беглый взгляд на некоторые вехи научной биографии А.Н. Леонтьева позволяет увидеть черты эпохи и в то же время понять, что его научные искания не были результатом идеологических влияний.

— ***Как соотносятся психологическая теория деятельности и мировая наука?***

— Созданная А.Н. Леонтьевым *психологическая теория деятельности органично включает основные идеи современной мировой психологии*. Жизнь человека как его бытие в деятельности, как *поток* у М. Чиксентмихайи, идеи оптимистической позитивной психологии о путях к достижению счастья и удовлетворения в целом находят свое обоснование в психологии деятельности А.Н. Леонтьева.

Психология деятельности соотносима с современными мировыми психологическими концепциями в том смысле, что в ней содержатся практически все основные их идеи, может быть, не всегда и не только в явной форме, но и имплицитно.

— ***А верно ли обратное соотношение мировой и отечественной науки?***

— Нельзя сказать, что эти концепции в целом и тем более каждая в отдельности могут заменить деятельностный подход, в то время как о психологической теории деятельности можно сказать, что это и когнитивная, и гуманистическая наука.

Психологическая теория деятельности несравнимо богаче всех современных психологических теорий, поскольку сверх содержащихся в ней идей она представляет собой фундаментальное учение о деятельности человека как объяснительном принципе и источнике всех проявлений его бытия и духа.

— ***Правомерно ли говорить о научно-психологическом прогрессе?***

— Если в целом история свидетельствует о неуклонном прогрессе психологических знаний, то на отдельных отрезках пути ее развития по-

ложение является более сложным. Не всегда то знание, которое появилось позже, оказывалось одновременно и более содержательным, прогрессивным во всех своих аспектах; нередко в новой концепции отрабатывалось то положительное, что было в старой.

Развитие науки, в том числе и психологии, не линейный, а очень сложный процесс, на пути которого возможны зигзаги, неузнавание открытий, возвраты к уже пройденным решениям, «топтание на месте», кризисы. Проследивание процесса роста психологических знаний в хронологической последовательности их появления при постоянном внимании к оценке достижений (и потерь) на каждом временном этапе раскрывает все новые и новые стороны психической реальности и все полнее объясняет их.

Важнейшие повороты на пути развития научной психологической мысли были объективно обусловлены историческими причинами. С каждым из них связаны важные открытия, они сохраняют свое значение — имеют *исторический смысл*, являются, по словам Л.С. Выготского, *шагом к истине*. Ни одна из попыток прошлого не может быть отброшена в том числе и потому, что пока еще психология не приблизилась к единому пониманию предмета своей науки, и если это является ее целью, то, как пронизательно замечал Г. Олпорт, «до ее достижения еще далеко».

Сердечно поздравляя глубокоуважаемую Антонину Николаевну с юбилеем, коллеги, друзья и ученики желают ей успехов в дальнейшем постижении тайн историко-психологической науки, значение которой, как ей удалось показать, не ограничивается рамками ушедшего времени, а способствует пониманию тенденций и направлений развития современной науки и практики.

Материал подготовила М.А. Степанова